
ЛЕНИН
СССР
ОГОНЁК
№ 16 АПРЕЛЬ 1958
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

На первой странице обложки:
Н. Карповский. У ЗНАМЕНИ.

На последней странице обложки: Десятиклассница Светлана Полуднева (см. в номере «Им в жизнь вступать не страшно»).
Фото В. Тюккеля.

ОГОНЁК № 16 (1609) 13 АПРЕЛЯ 1958

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

36-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Венгрия встречает дорогих гостей

Со второго апреля гостила в Венгрии Партийно-Правительственная делегация Советского Союза, возглавляемая Первым Секретарем ЦК КПСС и Председателем Совета Министров СССР Н. С. Хрущевым. В состав делегации входили: Член Президиума ЦК КПСС и Первый Заместитель Председателя Совета Министров СССР Ф. Р. Козлов, Министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, Председатель ВЦСПС В. В. Гришин, первый секретарь Киевского обкома КП Украины П. Е. Шелест, второй секретарь Ленинградского городского комитета КПСС А. П. Бойкова и Посол СССР в Венгерской Народной Республике Е. И. Громов.

Между Советской делегацией и руководителями Венгерской Народной Республики состоялись переговоры, в ходе которых имел место дружеский обмен мнениями по политическим, экономическим и культурным вопросам, интересующим обе стороны, а также по актуальным вопросам международного положения.

С венгерской стороны в переговорах приняли участие — Первый Секретарь ЦК ВСРП Янош Кадар, Член Политбюро ЦК ВСРП и Председатель Венгерского Революционного Рабоче-Крестьянского Правительства д-р Ференц Мюнних и другие видные деятели партии и правительства Венгерской Народной Республики.

Советские гости присутствовали на торжественном заседании в Будапеште, посвященном 13-й годовщине освобождения Венгрии, а также на военном параде и митинге трудящихся венгерской столицы, состоявшемся в честь этой знаменательной даты.

Посланцы Советской страны совершили путешествие по Венгрии. Всюду, куда бы ни прибывали почетные гости, их восторженно встречали венгерские трудящиеся, передававшие слова любви и привета советскому народу. Горячие встречи были устроены гостям рабочими Дунайского металлургического комбината в Сталинвароше, крестьянами села Адонь, шахтерами Татабаньи, жителями города Цегледа и многих других мест.

Н. С. Хрущев и члены Партийно-Правительственной делегации СССР неоднократно выступали с речами перед венгерскими трудящимися, вели с ними дружеские беседы.

На снимке: Никита Сергеевич Хрущев и Янош Кадар на аэродроме в Будапеште.

Фото Дм. Бальтерманца.

Жители села Адонь преподносят подарки гостям.

ПРЕБЫВАНИЕ ПАРТИЙНО-ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ДЕЛЕГАЦИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ВЕНГРИИ

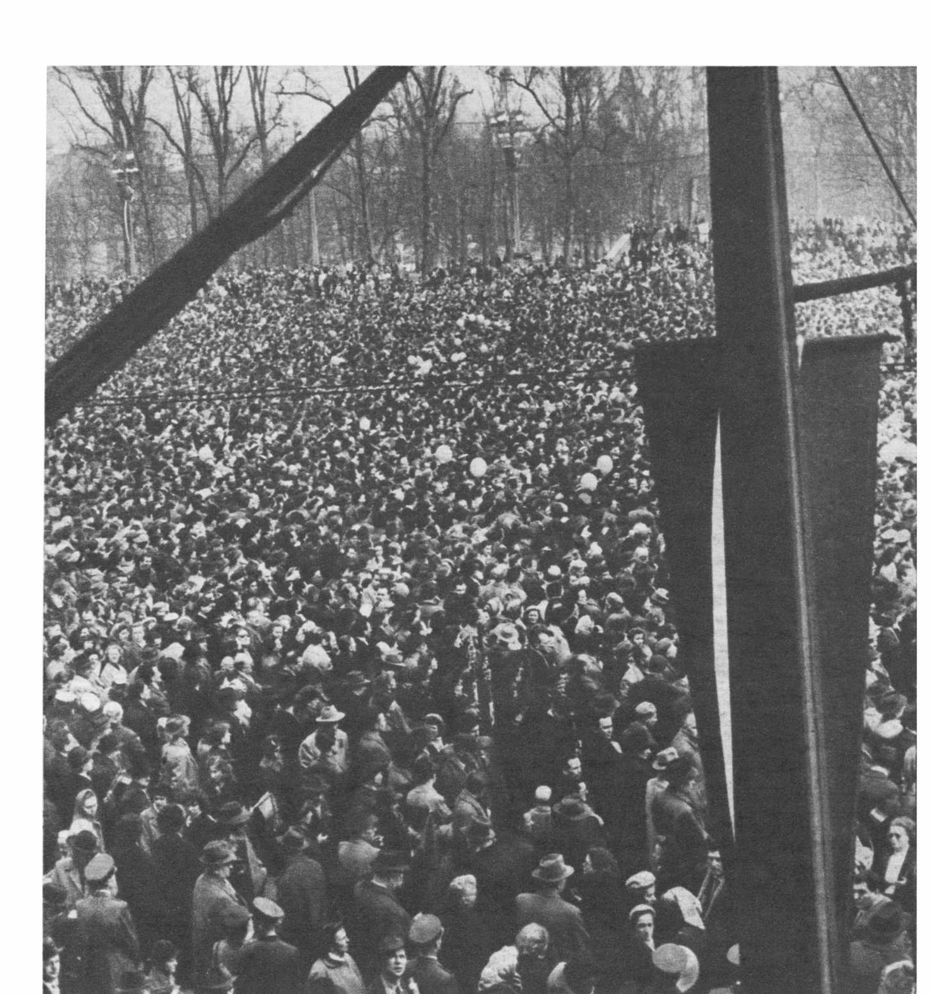
Фото специального корреспондента «Огонька» Дм. Бальтерманца.

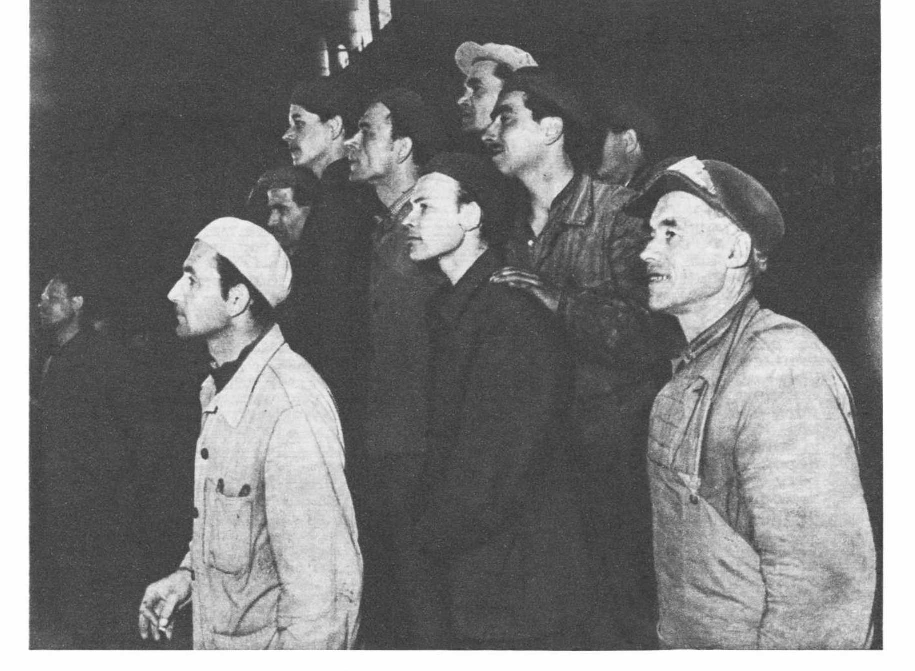

Пионеры преподнесли советской делегации цветы и получили памятные подарки — советские значки.

Едут на бричках в производственный кооператив «Мир», близ города Карцага.

На Дунайском металлургическом комбинате в Сталинвароше.

Задолго до начала митинга в городе Сольноке все «лучшие» места были заняты.

Трибуны для публики переполнены. Впереди, как всегда, детвора.

Население приветствует гостей из Советского Союза.

Будапешт, 4 апреля. Митинг, посвященный 13-й годовщине освобождения Венгрии от фашистского гнета.

НОВЫЕ ПРИМЕТЫ

В. ТАРАСЕВИЧ

Люди ждали весну... Ждали так же, как и каждый год ждут ее труженики земли. И весна здесь была точно такой же: розовая от цветущих персиков, звенящая от щебета птиц. Примет у весны много. Внешне нынешняя весна походит на весны минувшие. А в действительности многое стало иным, особенным. Весна этого года пришла с захватывающим планом перестройки жизни и труда колхозников, сельских механизаторов, вторглась в каждую колхозную семью, заставила биться сердца...

Эту бурную и радостную пору я встретил у таджикских хлопкоробов, в Курган-Тюбинском районе Вахшской долины. Курган-тюбинские мастера «белого золота» получают самые высокие урожаи тонковолокнистого хлопка. Без одной десятой тридцать центнеров с каждого гектара — итог минувшего года. Хороши и доходы.

Если вы спросите у кого-нибудь: «Как дела у соседей?», — вам ответят: «Плохо, слабые колхозы».

И тут же выясняется: «слабый», по местным условиям, «Партизан» получил доход в 4 миллиона рублей. Это при посевной площади в 350 га! А в Курган-Тюбинском районе все колхозы годовую прибыль исчисляют десятками миллионов рублей. Что стоит, например, колхозу имени Ленина при годовом «заработке» в 35 миллионов отчислить 2 миллиона на закупку 200 машин, обрабатывающих поля колхоза!.. Всего на 3 миллиона «беднее» соседний колхоз — колхоз имени Сталина.

Не искушенному в вопросах экономики приезжему человеку дела района кажутся блестящими. Однако секретарь горкома Николай Петрович Парамонов с этим не согласен. Он живет будущим.

— О передаче техники в одни руки, о рентабельном ведении хозяйства мы давно думаем. И, скажем по секрету, даже кое-что предпринимали... Помните, Никита Сергеевич Хрущев в Минске на совещании говорил об МТС? Через два дня без всяких указаний люди в нашем районе начали подсчитывать. Что получилось? Четыре года назад средний урожай в районе был 21 центнер с гектара. Перешли на посев суженными междурядьями и обработку в двух направлениях — подняли урожай до 25 центнеров. Два последних года труд колхозников стали оплачивать в зависимости от количества и качества продукции и достигли новой прибавки урожая по всему району еще до 5 центнеров с гектара...

Система «двух хозяев» на одной земле стала для нас тормозом. Дело доходило до курьезов: две соседние бригады колхоза имени Сталина имели равные площади. В итоге 1957 года бригада Бурых получила с каждого гектара по 30,9 центнера, а соседи во главе с бригадиром Кузиевым на 7 центнеров меньше. Приступили к расчету с МТС: трактористы, обрабатывавшие поля бригады Бурых, получили за каждую тонну по 379 рублей, а механизаторы, работавшие с отстающим Кузиевым, по... 616 рублей!

Старое отмирает, новое нарождается. Только что избранный депутат Верховного Совета СССР Герой Социалистического Труда Н. П. Парамонов уезжал в Москву на первую сессию утверждать это — самое новое...

В его отсутствие люди в районе не сидели без дела. Управляющий межрайонной конторой сельхозбанка Георгий Павлович Косенков, коммунист, отдавший свою молодость созданию МТС, носился на «газике» по колхозам, по бригадам, подсчитывал, советовался, рекомендовал... Возможности района выражаются цифрами: колхозы Курган-Тюбинского района за минувший год отчислили в неделимые фонды 26 миллионов рублей, а балансовая стоимость машин тракторного парка двух МТС в районе — 9 миллионов рублей.

Директор Заргарской МТС Н. А. Естерзон проявляет особое внимание к стройке, начатой в колхозе имени Ленина. Он собирается пойти в артель главным инженером.

Второй день, как исчез из бригады Саттар Кабилов. Жена, Бирозья, по секрету сообщила о новых заботах мужа:

— Ушел в МТС собирать гайки да шурупы, колхоз машины купит — все нужно...

На собрании механизаторов главный бухгалтер колхоза Фаат Латыпов также «в нарушение инструкции» объявил:

— Кто желает строить себе дома, подавайте заявления...

И вот по дорогам поселка весь день хлопотливо шныряют обутые «в резину» тягачи с прицепами, груженными известью и кирпичом. Около ста механизаторов готовятся вступить в колхозную семью...

Создана первая комплексная бригада. Во главе ее поставлен бывший бригадир тракторной бригады Тоир Насыров. Двадцать восемь лет назад впервые Тоир стал управлять трактором. Годы и врожденные способности сделали его настоящим агрономом. И вот теперь он полный хозяин земли.

— А как это отразится на вашем заработке?

— В прошлом году получил 55 тысяч. Теперь надеюсь заработать больше.

В тракторной бригаде Мамаджона Рахимова вся свободная техника выстроена в две ровные линейки.

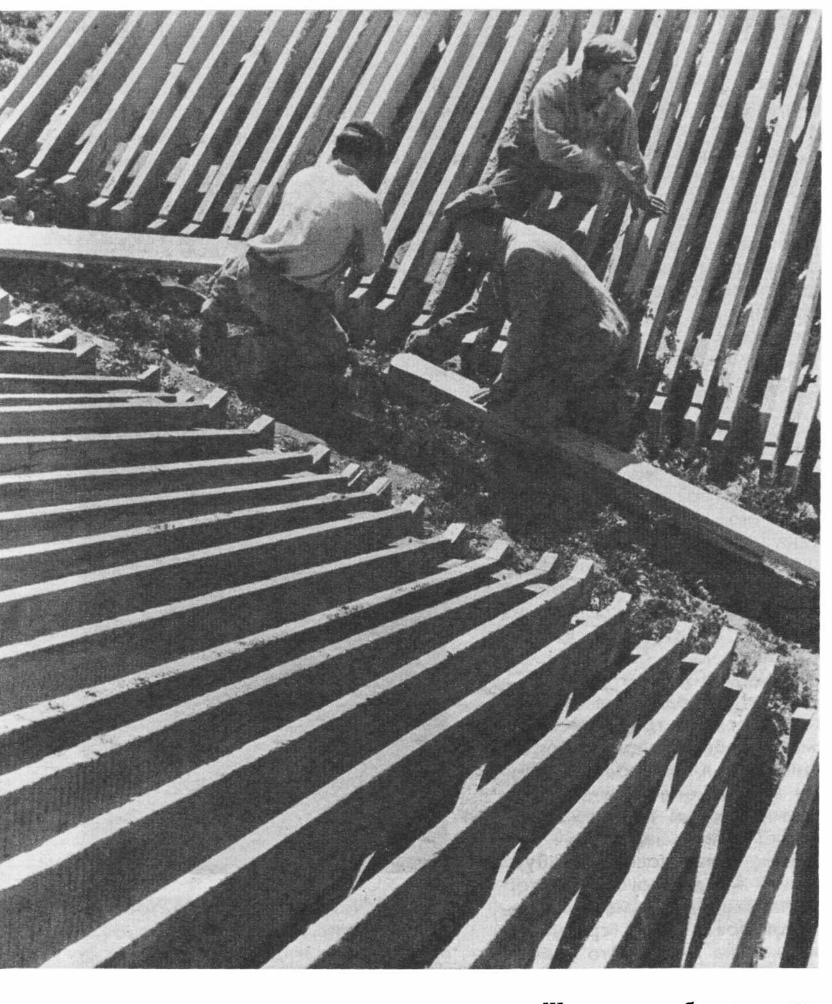
— Будто для продажи,— лукаво шутит агроном колхоза Абдуразык Ташматов.

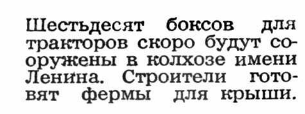
Умытые «соляркой», стоят на линейке, точно у павильона механизации на ВСХВ, желтые, синие, красные культиваторы, ядоопрыскиватели и сеялки...

На деревьях неумолчно трещат дрозды. И словно соревнуясь с ними, отовсюду им отвечают тракторы. На соседнем участке три гусеничных «ДТ» раскатывают и гладят «карту». Чуть дальше упрямо ползает по огромному полю на своем «ДТ» со сцепом борон Абдурахман Мирзоноров и оставляет позади себя пухлую, точно взбитая перина, рыжую землю.

Весна, по-особенному радостная, пришла на колхозные поля!..

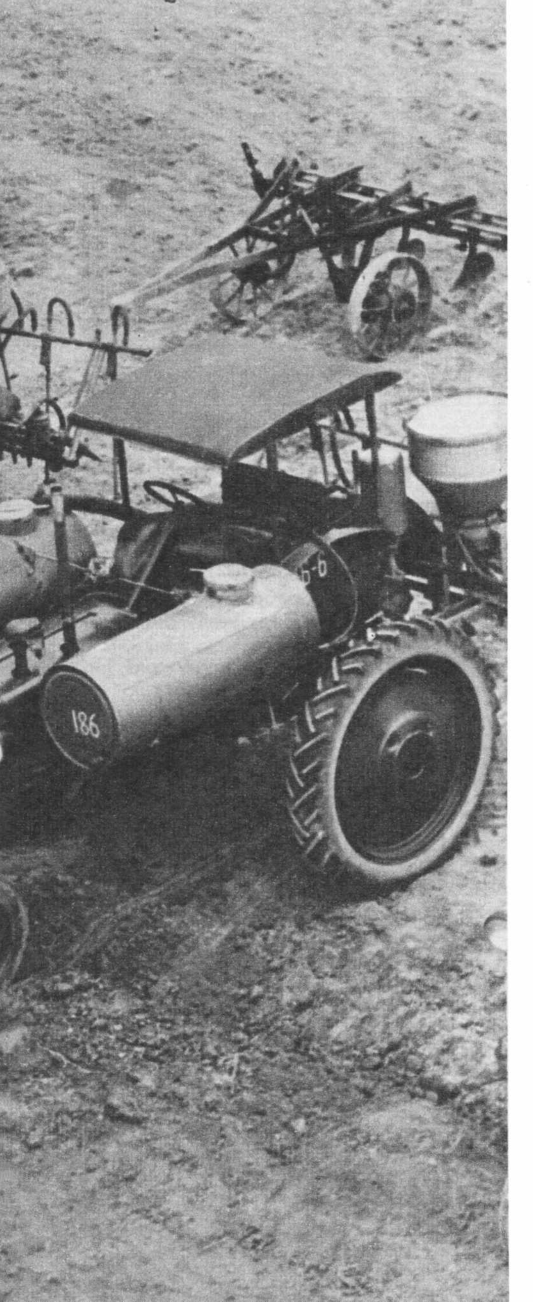
Шестьдесят боксов для тракторов скоро будут сооружены в колхозе имени Ленина. Строители готовят фермы для крыши.

←
В бригаде Мамаджона Рахимова.

→
Абдуладжан Мамаджанов, бригадир 6-й бригады колхоза имени Ленина.

После собрания в колхозе имени Жданова. У механизаторов достаточно тем для разговоров...

Им в жизнь вступать НЕ СТРАШНО...

Н. ТАРАСЕНКОВА

Фото В. ТЮККЕЛЯ.

Окраина Ялты. Ущельновская средняя школа. Очень тихо. Идут уроки. Но вот звонок неожиданно и резко разбивает тишину. И сразу же школа, двор наполняются веселым гомоном и смехом.

Дежурный, черноглазый мальчик с красной повязкой на рукаве, становится возле дверей.

— Как пройти к директору? — спрашиваем мы.

— А вам к какому нужно? — невозмутимо вопрошает дежурный.

— Как к какому? Ну, разумеется, к директору школы. А разве у вас есть еще какой-нибудь, другой директор?

— Конечно, есть. — На лице мальчика явное недоумение. — Не знаете Леню Николаева из десятого?.. Это и есть директор нашего завода. Только из их класса еще никто не вышел. Контрольная...

А рядом уже кричит кто-то:

— Ребята, сегодня на заводе работают десятый трактористов и девятый садоводов-декораторов.

Трудно что-либо сразу разобрать в этой школе! Что за классы трактористов и садоводов-декораторов? Какой завод?

Все это, безусловно, требует пояснения. А для этого директор школы Александр Ефимович Шамрай посоветовал нам сразу же отправиться на завод. Это совсем рядом. Стоит только пересечь школьный двор и войти под арку.

Итак, сегодня работают два класса. Каждый класс — это рабочая бригада. Но первыми появляются тут директор и начальники цехов. На комсомольском собрании школьники выдвинули своих товарищей руководить заводом. А это — большое доверие.

Леня, заложив руки в карманы пальто, по-хозяйски осматривает предприятие. Все ли готово к приходу бригад? Нам он так и отрекомендовался:

— Директор завода Николаев, — и, чуть улыбнувшись, добавил: — Буду рассказывать вам прямо здесь. Кабинета своего не имею.

Маленький, очень чистый завод, обнесенный зеленым забором. Вот раздевалка. Арматурный цех под огромной развесистой грушей. Бетонный цех и заводская лаборатория. Еще недавно на этом месте был пустырь, огороды. И сразу даже не совсем понятно, почему именно здесь, на территории школы, понадобилось Ялтинскому стройтресту построить завод. Но объясняется все очень просто. Дело в том, что ученики Ущельновской школы уже давно стали производственниками. Сначала различные кружки по политехнизации, затем специальные классы. Вместо «А», «Б», «В» — класс трактористов-слесарей, садоводов-декораторов, класс-молокозавод.

Так почему же не передать в умелые руки завод, если ребята смогут самостоятельно работать на нем, руководить им? Сами школьники принимали активное участие в строительстве этого маленького предприятия.

А по школьному двору уже шагают юные рабочие. Смех, шутки... Светлану Полудневу окликнули подруги.

— Что? Идти в хоркружок? Но ведь я же сегодня работаю на заводе. Видите, уже переоделась! — кричит она.

Директор расставляет всех по местам.

Конечно, на первый взгляд дело совсем нелегкое — размотать этот недокат, вытянуть его на лебедке, приготовить все для арматуры. Но ведь завод электрифицирован, да и техника здесь вовсе не примитивная.

...Шумит завод на разные голоса. Сейчас, когда включили вибрационный стол, даже не слышно, что говорит рядом стоящий товарищ.

— Осторожнее, осторожнее опрокидывайте формы! — командует Леня Николаев.— Ох, девочки, ну до чего же вы неумелые!

— Разворчался. Что будет, когда ты настоящим директором станешь? — смеются школьницы.

Завод выпускает железобетонные колья, опоры для виноградников.

В ближайшие годы Крым должен превратиться в область сплошных садов и виноградников. А колья в какой-то мере решают проблему урожайности винограда. Сколько опор понадобится, чтобы поставить виноградники на шпалеры! Но деревянная опора может просуществовать не более 4—5 лет, тогда как железобетонная — 50—70.

Сверху на бетономешалке натянут плакат: «Ребята, дадим шестьсот опор в неделю! Это гектар виноградников на шпалере!»

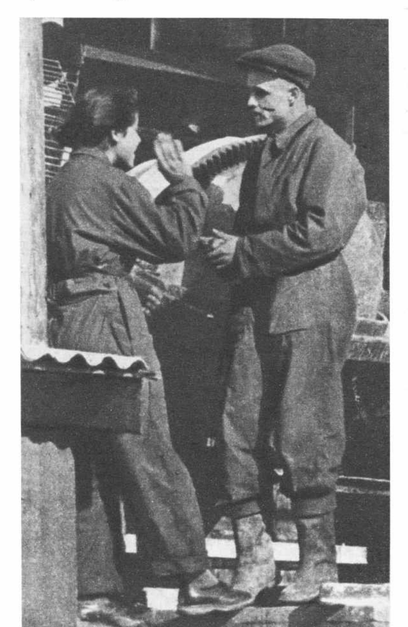
И еще у ребят есть любимый лозунг: «Меньше колов в школе, больше колов на заводе!»

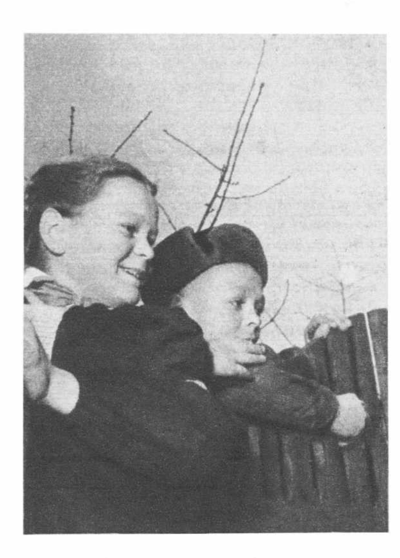

Валерия Санкова вызвалась работать на лебедке. Но сразу ничего не получается. А как не хочется в этом признаться!

Галя Пащенко сегодня занята укладкой форм.

— Ты, пожалуйста, Игорь, открывай бункер потихоньку, а то мы просто не успеваем,— говорит она начальнику бетонного цеха Лукьянову.

Здесь, на заводе, своя жизнь, свои радости, огорчения, споры. И кое-кто завидует старшеклассникам. Пока что приходится довольствоваться тем, что можно работу завода наблюдать, повиснув на заборе, да слушать обещания учительницы: «Вот будете хорошо учиться, пустим и вас на завод».

Школа и завод неразрывны. Завод помогает школе. Школа — заводу. Сейчас в девятом классе идет урок алгебры. Начальник арматурного цеха Николай Ключников решает задачу, связанную с производством: «расчет бетонной смеси». Ну что ж, все это очень пригодится Николаю.

— А сегодня какой класс идет на завод?

— Сегодня мы отправляемся к нашим шефам, в совхоз «Горный». Мы ведь дали им слово поставить гектар виноградника на шпалеры.

Работать в совхозе — это здорово! Ведь колья сделаны на своем заводе, своими руками.

На другой день снова идет бригада на завод. Каждый класс работает раз в неделю по три часа. И за два — три года они получат профессии.

...Нередко бывает так, что получил аттестат зрелости, а в институт не поступил. Вот тогда и решай, что делать, куда идти. Но если вместе с аттестатом зрелости тебе вручают трудовую путевку — свидетельство о присвоении производственной квалификации,— тогда в жизнь вступать не страшно.

И уже давно поговаривают дирекция Ущельновской школы и руководители Ялтинского стройтреста, что надо выдать ученикам трудовые книжки. Ведь работают они на настоящем заводе, выпускают настоящую, очень нужную продукцию.

ГРУППА ДЕЛЕГАТОВ 13-го ВСЕСОЮЗНОГО СЪЕЗДА КОМСОМОЛА ОТ КИЕВСКОЙ ОБЛАСТИ. Слева направо (сидят): первый секретарь Киевского обкома ЛКСМУ Г. М. Добров, артистка Б. А. Руденко, инженер Т. М. Безгина; (стоят): мастер В. Я. Письменный, первый секретарь Московского РК ЛКСМУ И. В. Михайленко, секретарь Киевского ГК ЛКСМУ В. А. Бойченко, ткачиха М. И. Моторная, первый секретарь Киево-Святошинского РК ЛКСМУ И. Ф. Будко, работница Е. Г. Соснова, преподаватель университета П. П. Кононенко, первый секретарь Кагарлыкского РК ЛКСМУ В. М. Марченко.

Фото Н. Козловского.

Международный конкурс имени П. И. Чайковского

В обстановке взаимной симпатии и дружеского понимания проходят концерты участников конкурса пианистов. Среди пианистов так же, как это было и среди скрипачей, немало исполнителей, не раз уже завоевывавших победы на международных состязаниях искусства. В программе конкурса фортепьянная классика: Чайковский, Мусоргский, Рахманинов, Моцарт, Шопен, Лист,— а также произведения современных композиторов.

Группа членов жюри конкурса пианистов. Слева направо: Д. Кабалевский (СССР), Артур Блисс (Великобритания), Э. Гилельс (СССР. Председатель жюри), Г. Штомпка (Польская Народная Республика. Заместитель председателя жюри).

Во время перерыва за дружеской беседой. Н. Жедда-Нова (Франция), И. Малинина (СССР), Б. Кости (Франция).

Фото Е. Умнова.

Мужественный шаг

Стефан ГЕЙМ,
немецкий писатель

Новая надежда загорелась в сердцах людей. Одна из трех великих держав, обладающих ядерным оружием, решила в одностороннем порядке прекратить его испытания.

«Наконец-то разорван порочный круг! — облегченно вздохнули люди.— Наконец-то родилась уверенность, что прекратится опасная игра с огнем войны!» Теперь уже правительства Вашингтона и Лондона не смогут больше твердить: «Весьма сожалеем, друзья, но мы и дальше будем заражать воздух, воду и землю, потому что... не хотим сделать первый шаг». Теперь первый шаг сделан. Сделан в Москве.

Верховный Совет государства рабочих и крестьян ярко продемонстрировал свое превосходство над американским конгрессом и английской палатой общин. Советский парламент первым поднялся на высоту подлинной ответственности, диктуемой атомной эрой,— ответственности перед современным человечеством и перед будущими поколениями.

Новые, широкие горизонты открывает этот мужественный шаг. Народы освобождаются от кошмара постепенного атомного отравления.

Сколько раз Эйзенхауэр требовал от Советского Союза «доказательств его искренности»! Сейчас Советский Союз предоставил — в который уж раз! — такое доказательство, и с какой великолепной, благородной широтой! А капиталистические правительства? Доказали ли они хоть чем-нибудь свою искренность?

Надо выкорчевать корни розни и недоверия. И тогда встреча на высшем уровне будет успешной.

* * *

Физика учит нас, что определенная степень радиоактивности всегда существовала на земле. Все живое, включая человеческий род, приспособилось к этому. Но после того как американцы начали неистовствовать со своими атомными бомбами, количество радиоактивных веществ сразу стало заметно возрастать. 9 235 ученых из 44 стран, включая Соединенные Штаты, выразили серьезное беспокойство: это дополнительное количество быстро может перешагнуть тот рубеж, за которым начинается угроза для жизни людей. Ученые настойчиво требовали от секретариата ООН вмешаться и добиться прекращения испытаний ядерного оружия.

Теперь, после замечательного акта Верховного Совета СССР, нет никакого извинения тем, кто стал бы и дальше пренебрегать голосом людей науки. Если правительства США и Англии будут продолжать испытания водородной и атомной бомб, они публично объявят сами себя виновниками биологического уродования нынешнего и будущих поколений.

Нелишне напомнить, что на Нюрнбергском процессе международное право уже установило прецедент: преследованию по закону подлежат те, кто виновен в геноциде, в массовом истреблении людей.

Мысль о Нюрнбергском процессе пришла мне в голову не случайно. Я слышал по радио передачу о прениях в Боннском бундестаге по вопросу о вооружении западногерманской армии АТОМНЫМ ОРУЖИЕМ. Я слышал голос военного министра Франца-Иозефа Штрауса, скрипучий, вызывающий, ядовитый, словно человек хотел сказать всему миру: «Вот он я, новое издание Гитлера!» Какой-то социал-демократический депутат прервал министра вопросом: «Может быть, у нас снова будут и концентрационные лагеря?» На что депутат правящей партии Аденауэра ответил: «Надеемся, что да!» И большинство бундестага разразилось оглушительными аплодисментами.

Как известно, нет Штрауса без Норстэда и нет Аденауэра без Даллеса...

В тот вечер, когда я узнал о решении Верховного Совета СССР, я задал себе вопрос: что скажут теперь те, в Вашингтоне? И я подумал: наверно, объявят это решение пропагандой.

Так и вышло. Я не претендую на роль предсказателя; я был уверен в этом просто потому, что американские политики давно уже стали похожи на подопытных собак великого Павлова, испускающих слюну, как только раздается звонок. Стоит Советскому Союзу сказать, сделать, предложить что-либо, что помогает добиться прочного мира,— в Вашингтоне немедленно наступает павловская реакция и начинается слюнотечение: «Пропаганда!».

Советский Союз сократил численность своей армии более чем на два миллиона — пропаганда! Советский Союз внес новое предложение по разоружению — пропаганда! Советский Союз предлагает встречу, переговоры — пропаганда! Советский Союз прекращает испытания ядерного оружия — это... тоже пропаганда.

Я, кажется, начинаю понимать, что разумеют эти люди под пропагандой. Советский юноша, прыгающий в бурную реку, чтобы спасти ребенка; девушка, бросающаяся в охваченный пламенем сарай, чтобы спасти колхозный скот; ученый, делающий на себе опытную прививку против опасной болезни; короче говоря, все честное, мужественное, достойное звания человека — все это пропаганда.

Я не могу представить себе, чтобы люди во всех странах мира были настолько глупы, как это воображает себе господин Даллес. В Соединенных Штатах и в Западной Германии глупость — также не превалирующее состояние умов. Жизнь ставит и там вопросы, и на них требуется ответ. Что на пользу человечеству и что ему во вред? Кто искренен: те, что прекратили испытания ядерного оружия, или те, что ищут увертливых «оправданий» для продолжения этих испытаний, мысленно говоря: «К дьяволу заботы о человечестве!»?

Все новые и новые признаки говорят о том, что народы научились взвешивать и судить. Это в равной мере относится к народам США и Западной Германии.

А народ, научившийся взвешивать и судить,— это народ, готовый действовать.

КАРТИНЫ ХУДОЖНИКОВ ЯКУТИИ

А. Н. Осипов. ИЗГНАНИЕ ШАМАНА.

Е. М. Крылов.

В ГОРАХ ОЙМЯКОНА.

М. В. Лукин.

ВЕСНА В ТУНДРЕ.

Наш Демьян

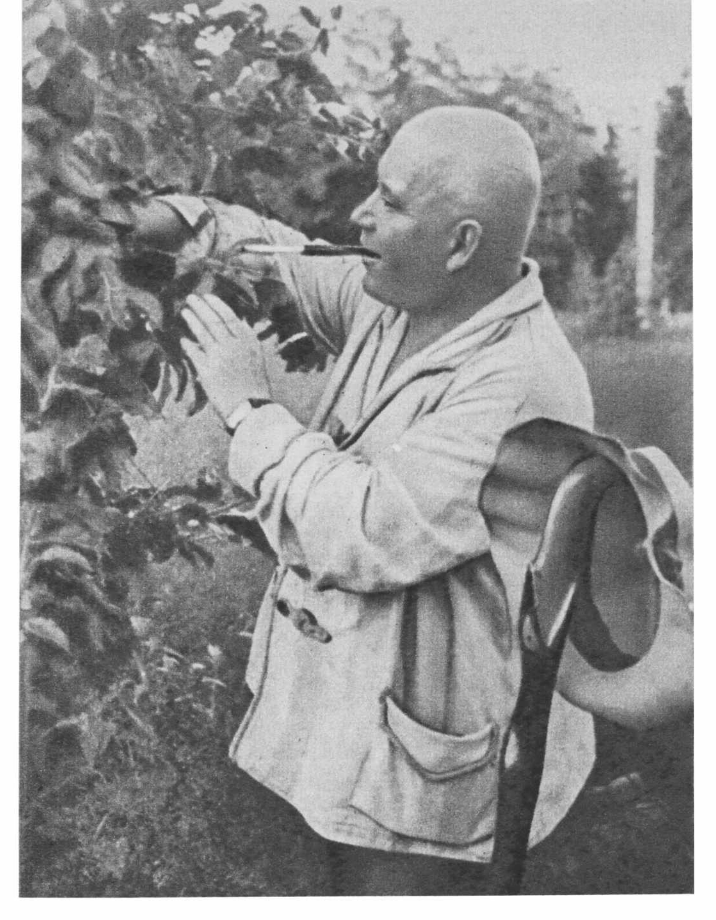
13 апреля исполняется 75 лет со дня рождения выдающегося советского поэта и баснописца Демьяна Бедного (Ефима Алексеевича Придворова). Всем своим творчеством, начиная с первых стихотворений, напечатанных в дореволюционной большевистской печати, до последних произведений (Д. Бедный умер в 1945 году), поэт был тесно связан с жизнью Коммунистической партии, с жизнью народа.

Высоко ценил партийную поэзию Демьяна Бедного Владимир Ильич Ленин. «Насчет Демьяна Бедного продолжаю БЫТЬ ЗА, — писал В. И. Ленин в 1913 году в редакцию газеты «Правда». ...Талант — редкость. Надо его систематически и осторожно поддерживать».

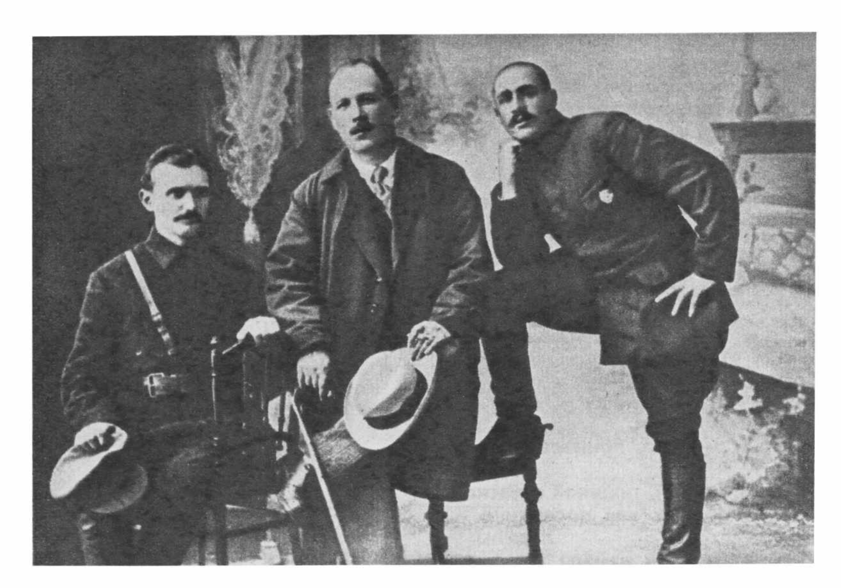
В собрании Центрального государственного архива литературы и искусства СССР сохранилась книжка басен Демьяна Бедного, изданных в том же 1913 году. На титульном листе книги, подаренной литературному критику А. Г. Горнфельду, поэт оставил примечательную надпись, в которой он кратко сформулировал свою поэтическую программу. «Верьте мне, — писал Д. Бедный, — что я не склонен к самообольщению и рад буду тому, если Вы признаете во мне единственное качество, мое искреннее, горячее желание посильно служить скорейшему пробуждению и прояснению самосознания того простого рабочего народа, из недр которого я вышел».

Здесь публикуются редкие фотографии Демьяна Бедного, предоставленные Центральным государственным архивом литературы и искусства СССР.

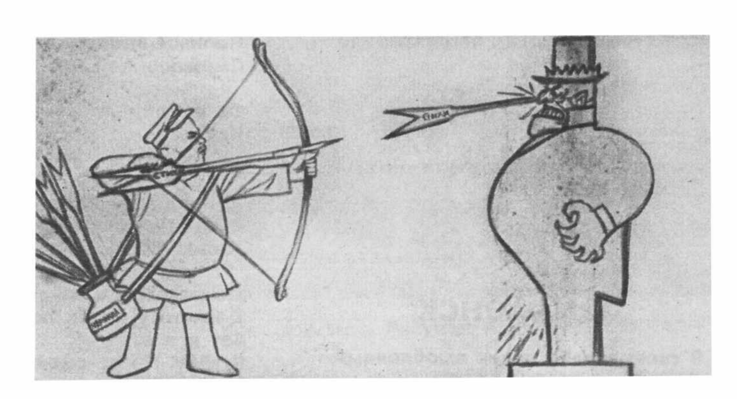
Н. ЧЕРНИКОВ

На даче в Мамонтовке. 1930 год.

Е. А. Щаденко, Демьян Бедный, В. К. Блюхер. 1920 год.

Демьян Бедный за работой. Шарж В. Дени. Набросок. 1938 год.

НА ГЛАВНОМ НАПРАВЛЕНИИ

Много надежд появилось у молодых читателей, когда газеты в середине 1956 года сообщили о возобновлении журнала «Молодая гвардия». За два десятилетия — двадцатые и тридцатые годы — у «Молодой гвардии» сложились прекрасные традиции, которым мог позавидовать любой другой журнал. Первый рассказ Александра Фадеева «Против течения» опубликован в 1923 году в «Молодой гвардии». Позже на ее страницах появились два романа, ставшие в нашей литературе классическими: «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей» Николая Островского.

Ко многому обязывали редакцию возобновленного журнала эти замечательные традиции. В первом номере в обращении к читателям редакция заявляла, что «видит свою задачу в том, чтобы на страницах журнала, в романах и поэмах, очерках и взволнованных публицистических выступлениях нашли необходимое отображение и нынешняя многогранная духовная и трудовая жизнь советской молодежи, полная мужества, и опыт прошлых поколений».

Выходил номер за номером, появлялись рассказы, повести, стихи... Но вместо горячего разговора о героизме советского человека — рассказ о трусливом дезертире, покинувшем поле боя, вместо прославления молодого преобразователя земли — пустые мечты о стране, где бы жил «всегда наоборот наоборотичей народ».

После трех — четырех номеров стало ясно, что журнал оказался не на главном направлении развития советской литературы.

В декабре прошлого года произошла реорганизация журнала, создана новая редколлегия. Вышли два номера «Молодой гвардии», теперь уже ежемесячного литературно-художественного и общественно-политического журнала ЦК ВЛКСМ.

Вышедшие номера показывают, что журнал изменился не только внешне. Оформление выполнено по-новому и со вкусом. На внутренних страницах обложки — путевые рисунки студентов Московского художественного института имени В. И. Сурикова, а в журнале — рассказ их руководителя, художника И. Лейзерова, о поездке студентов — «От Москвы до Ханоя».

Пожалуй, самое отрадное в том, что в журнале выступают действительно молодые. В конце каждого номера помещены краткие биографические справки об авторах журнала. Год рождения уральского поэта Юрия Трифонова — 1927-й, Леонида Пасенюка — 1926-й, Юрия Полухина — 1931-й, Олега Грудинина — 1926-й, а Юрию Иванову — его зарисовки опубликованы в первом номере — всего шестнадцать лет. И оформляют журнал молодые художники.

Со страниц журнала заговорила советская молодежь — о самом волнующем и сокровенном, о своих мечтах. В подборке писем «Добровольцы космических рейсов» каждая строчка дышит гордостью наших молодых современников за свою Родину — родину Циолковского и первых искусственных спутников. По-разному написаны эти письма. Одни сухо и деловито: «Изъявляю желание быть на «борту» третьего искусственного спутника Земли. Согласен лететь безвозвратно...» Другие написаны пылко, горячо: «Пусть моя страна распоряжается моей жизнью в любом деле, где требуется это для страны». Первые шесть страниц, на которых опубликованы письма добровольцев космических рейсов, освещают журнал светом высокой романтики.

Романтикой поисков и первооткрытий овеяна повесть Леонида Пасенюка «Отряд ищет алмазы». В споре о том, как писать о геологах, Майя Брянцева говорит журналисту Мизину: «Напишите о том, как нам трудно и какой мы веселый, отчаянный народ, и как это здорово, что всякое большое дело требует такого труда и таких усилий, и как это здорово, что мы не унываем!» Во втором номере журнала печатается роман Анатолия Калинина «Суровое поле».

В очерках Юрия Полухина, Анатолия Аграновского, в статье Виктора Тельпугова об Алексее Недогонове встают образы сильных, смелых людей, преданных народу, партии.

Тайна пещеры Мата-Таш, повесть молодой итальянской учительницы Марии Джакоббе, путевые заметки Л. Дубровина о независимой Гане, записки начальника штаба комсомольского патруля города Ленинграда Олега Грудинина — таков неполный перечень интересных материалов, включенных в первые номера «Молодой гвардии».

— В ближайших номерах,— сказал нам в беседе главный редактор журнала «Молодая гвардия» Илья Котенко,— мы публикуем повесть омского писателя Виля Липатова о строителях Сибири, «Рассказы о вечной мерзлоте» Вячеслава Пальмана — о молодых изыскателях-геодезистах, поэмы краснодарца Виталия Бакалдина и Игоря Кобзева... Обещали журналу свои произведения Андрей Пришвин, Мих. Никулин, Вадим Собко. В новых разделах — «Неразгаданные тайны» и «Края далекие — края близкие» — будет напечатан ряд интересных материалов.

У нас есть,— продолжал Илья Котенко, — радостное ощущение того, как в журнал со всех концов двинулись молодые писатели...

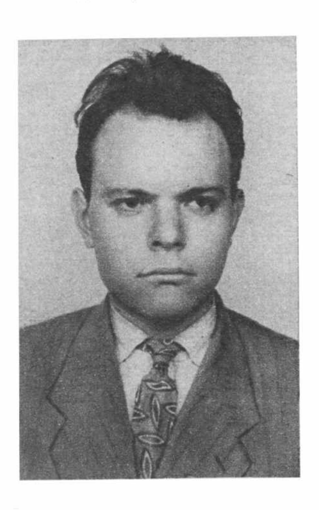
Мы будем охотно печатать произведения писателей старшего поколения; мы открыли настежь все двери для молодых литераторов, особенно с периферии.

В. ВОРОНОВ

Смоленские края

Владимир ФИРСОВ

Владимир Фирсов родился в 1937 году в деревне Заболотье, Смоленской области. Четырнадцатилетним подростком вступил в ВЛКСМ. Сейчас студент 3-го курса Литературного института имени А. М. Горького.

Смоленск

В свою судьбу навек влюбленный,
Он знает,
Помня до сих пор,
Как на потрепанных знаменах
Враги уносят свой позор.
Всегда, когда кончались войны
И Родина с победой шла,
Над пепелищами нестройно
Звучали тяжко и спокойно
Смоленские колокола.
Был в этом звуке клич победы
И панихиды горький стон.
И шли к Смоленску наши деды,
Заслышав колокольный звон.
О, сколько мужества в народе,
Познавшем ужасы войны!
К слепым пожарищам приходят
Сыны моей святой страны.
И над двадцатью холмами
Не божьей волей, а иной,
Вставал, испытанный веками,
Держа в руках России знамя,
Бессменный страж страны родной!

Не ты

Ты травы не косила
В рассветных лугах,
Это наши девчата
косили.
И не ты ночевала
В душистых стогах,
И любви не твоей наши парни
просили!
Ты смеешься! Конечно,
Ведь ты не поймешь,
Как порою приходится нам
трудновато:
Надо вырастить лен,
Надо вырастить рожь,
Надо заново выстроить хаты.
Настоящая жизнь
Полным шагом идет!..
Смейся, я не сержусь, мне тебя
просто жалко:
Ты не видела даже,
Как ландыш цветет,
Ты не видела, как зацветает
фиалка.
А представь себе:
В небе зарницы снуют,
Белым облаком дремлет
сирень у ограды,
До рассвета
Девчата у клуба поют...
Вот и все.
Я уйду. Но не смейся, не надо!
Я теперь только понял,
Что все же не ты
Та, кого называть мы привыкли
красивой.
Ты красивая! Да.
Но твоей красоты
Слишком мало для тех,
кто любит Россию!

Глинка в дороге

Егору Исаеву.

Где-то там, за спиной,
Остаются его домочадцы.
К ним в раскрытые окна
Влетает пушок тополей...
— Сторонитесь, леса,
Дайте Глинке промчаться!..
— Полно, Яков, коней пожалей...
И, от бега устав,
Кони сами на шаг переходят,
И июньское солнце
Плывет в океане берез,
И слуга не спеша
Говорит о хорошей погоде,
И верста за верстой
Уползает из-под колес.
В мире много лесов,
Много солнца и пашен,
Много песен, но в каждой —
Печаль и тоска.
— Спел бы, Яков,
Хорошее что-нибудь... наше...
— Это можно.
Дорога еще далека...
Да, наверное, в песне
Заложена добрая сила,
Если Яков поет,
Не стыдясь накипающих слез.
Плачет старый слуга,
Значит, плачет Россия!
И верста за верстой
Уползает из-под колес...
Яков смолк. Обернулся.
— К дождю, видно, парит...
Глинка смотрит куда-то,
Роняя слезу невзначай.
— Ты, Михайло Иваныч,
И барин и вроде не барин.
— Что! Ах, да. Как угодно тебе,
величай...
И проселочный тракт
В перелеске спешит затеряться,
И гроза, приближаясь,
Тревожит бездонную высь.
— Сторонитесь, леса,
Дайте Глинке промчаться!
Эх, Михайло Иваныч, держись!

Мельник

Седой от муки,
С голубыми глазами,
Он тычется в кринку
Большими усами,
Он пьет молоко, принесенное
мной.
Доволен собой, тишиной и весной.
Плывут облака, как последние
льдины.
Сухими листами камыш шелестит,
Пчела торопливо за медом летит,
И сохнет на ивы осевшая тина.
Доволен старик,
Что речушка теперь
Уже не ревет, как недавно ревела:
— Ну, прямо, как зверь!
Не веришь — поверь,
Боялся, прибавится дела:
Плотина ни к черту!
Не только водою,
А ветром, того и гляди, унесет,
И мельница старая рухнет вот-вот.
А наш председатель клянется:
«Построю!»
Да как же
Его обещанию сбыться!..
Он больше охотник до водки,
до баб...
Поехать в райком —
Можно б сразу добиться,
Да я, понимаешь, старею, ослаб.
А мне перед смертью
Годок поработать
На мельнице новой охота...
А там...
А там уж, как видно, иная забота:
Холстину готовить пора по годам...

Упала вода.
Зашумел водосброс,
Как будто плеснула огромная
щука...
Колхозная мельница полнится
стуком,
Похожим на стук пароходных
колес.
И кажется мне, что она отплывает,
И ветер весенний гудит,
И волны шумят,
И туман прибывает,
И дед капитаном глядит.

Красивой

Не моими руками красивых
ласкать:
Эти руки окрепли не в ласке,
не в холе,
Эти руки привыкли каменья
таскать
И носить на себе от каменьев
мозоли.
Не моими руками красивых
ласкать:
Эти руки сжимали рогатину плуга,
Эти руки дала мне умершая мать,
Чтобы их протянуть настоящему
другу!
Не моими руками...
А, может, не в счет
То, что я говорю, не относится
к делу!
Эти руки не видели ласки еще,
Потому и ласкают они неумело...

В дороге

Представь себе Россию без
березы!
Пожалуй, не представишь никогда.
— Да, ни-ко-гда! — легко стучат
колеса.—
Да, ни-ко-гда!..
Уже вдали светлеет неба кромка,
Ромашки выбегают на откос.
— Да, кра-со-та! — стучат колеса
громко.
— Угу! — поддакивает паровоз.—
Угу! Угу!..
Несмелая береза
Встревожена заливистым гудком
И долго-долго машет нам
с откоса
Своим весенним праздничным
платком...

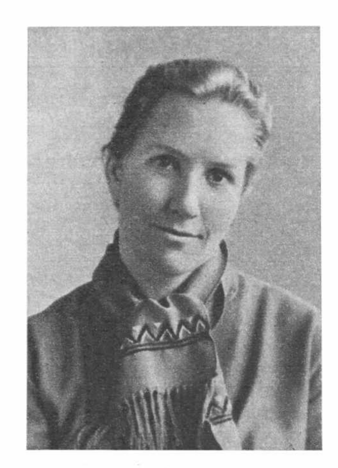
Рисунки Ю. РЕБРОВА.

М О Л О Д Ы Х

Танька

Рассказ

Нина СЕМЕНОВА

Нина Семенова — учительница Мозальцевской средней школы Смоленской области. Первый рассказ, «Лёнкина березынька», был напечатан в альманахе «Литературный Смоленск» за 1957 год. Мы публикуем второй рассказ молодой писательницы.

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

Солнце, обойдя стороной пригнувшийся хлев и кучу хвороста, задело случайным лучом угол окна, а отразившись от окна, и Таню. Таня сонно отмахнулась от него, но, открыв глазенки, увидела солнце и засмеялась удивленно и обрадованно. Вот как получилось, что она чуть-чуть не проспала! И если б не этот заблудившийся луч... Солнце само нашло Таню и разбудило ее.

Таня вскочила, оделась, из-под подушки осторожно достала кепку с раздвоенным козырьком, которую выпросила вечером у Геньки-лаборанта. Она ничего не забыла со вчерашнего. А теперь — натянуть резиновые сапожки, и можно начинать рабочий день.

В конторе, с которой Таня по привычке начала свой обход, еще никого не было, если не считать счетовода Саню — маленького глухого человечка в темных очках. Человечек буркнул Тане «здравствуй», но Таня только улыбнулась в ответ: все равно Саня не услышит; занятый своими бумагами, он даже не поднял головы, чтоб посмотреть, кто зашел в контору.

Ничуть не обидевшись на такой прием, Таня прошлась по конторе, придвинула отъехавшую от стены скамейку и села на порог, поджидая Тимофея Макарыча. Он должен был появиться из-за речки, где стоит, окруженный березками, новый председателев дом. Но, прислушавшись, Таня различила голоса совсем в другой стороне. Голосов было много, и разных, а среди них густо и торжественно звучал голос Тимофея Макарыча.

Не дойдя немного до конторы, председатель остановился, высокий, седой; прищурив глаза, посмотрел в небо. Таня тоже посмотрела в небо: оно было серое, суетливое, и пахло от него дождем.

— А, Танюшка, птица ранняя, здравствуй, утро доброе, хотя, по совести, совсем не доброе! Сумасшедший день у нас с тобой сегодня.

— Ничего, Тимофеич Макарыч, — сказала Таня (так она звала председателя). — Ничего. — И тут же пояснила, почему ничего: — И вчера был сумасшедший и позавчера сумасшедший.

— Вот-вот, ты не давай мне нюни распускать! Каждый день, он тем и хорош, что труден.

Переждав, пока Тимофей Макарыч распределил по бригадам задания, подписал счета и отправил всех по рабочим местам, Таня решила приступить к главному.

— Культивацию еще не начали? — спросила она как бы мимоходом.

— Нет еще, Танечка, с этим задержка. Ты ж сама видишь: дожди льют и льют. Вот и сегодня небо злится. Как бы к вечеру грозой опять не попотчевало! Мама твоя где?

— Как где? Пошла почву смотреть. Она же агроном! Вы, Тимофеич Макарыч, может, наверно, забыли? — И, отвернувшись, Таня стала смотреть в окно.

— Ладно, ладно, злюка! Не серчай, сделай милость. Не забыл я про своего агронома. Мне ведь без него, как без рук.

— А вчера вы говорили, что без Таньки, как без рук,—вмешался в разговор маленький Саня.

— Ну, без Таньки в первую очередь! Это всем уже давно известно. На ферму пойдем, моя верная помощница, синие глаза.

— Нет! — Таня не так легко забывала обиды.— Не пойду! В школу мне надо. Алексеич Константинович, директор, чегой-то просил прийти. Надо же и ему помочь. Как вы думаете?

И не успел председатель даже слова сказать в свое оправдание, как Танины резиновые сапожки мелькнули уже по ту сторону порога.

Таня бежала в школу напрямик, через заросшую кустарником и прошлогодней болотной травой низину, и трава, вся мокрая, хотя и теплая, согретая солнцем, хлестала ее по ногам.

На мосту — это был даже не мост, а две сосновые кладки, перекинутые с берега на берег,— она остановилась, чтобы перевести дух и обдумать, что она будет делать сегодня в школе, в какой класс пойдет.

Под кладкой вместе с водой бежали облака и бежало все небо. Было оно в воде еще беспокойнее, чем наверху. Одно облако, круглое, как колесо от телеги, зацепилось вдруг за берег и стало, а другие, попав в поток, оставили его и понеслись мимо. Они кружились в воде, толкались, собирались стайками и снова разбегались в разные стороны. Маленькое облачко, пухлое, как котенок, разбежалось с середины потока и с размаху боднуло в лоб круглое, прицепившееся к берегу облако. Таня даже вскрикнула, закрыла глаза, а когда посмотрела вниз, то ничего уже не было. Колесо от телеги исчезло, только ровненькие круги, оставшиеся от него, бились суматошно у берега.

Таня долго сидела на кладке, свесив ноги в резиновых сапожках в воду, и наблюдала, как дерутся в небе облака. Но тут подошла тетка Фроня и, ничего не замечая, стала полоскать белье в речке, чуть выше того места, где сидела Таня, и небо вдруг от ее белья стало мыльное и покрылось пузырями.

Таня встала и с досады пошла прочь от реки.

— Так это ты, Танюшка? — крикнула ей вдогонку тетка Фроня.— А я и не узнала тебя. Смотри, как вырядилась: сапоги, кепчонка, вроде и не агрономшина эта Танька, а другой кто.

В голосе тетки Фрони была явная насмешка, но Таня сдержалась: ведь тетка Фроня ничего не подозревает, а может, это и правда, про другого кого.

— Ну, куда ж ты? Поговори со мной. Аль в школу торопишься? Без тебя там не обойдутся?

— Ага. Не обойдутся.— Тане почему-то совсем не хотелось разговаривать.

— В какой же ты класс, Танька, ходишь?

— В седьмой сегодня пойду.

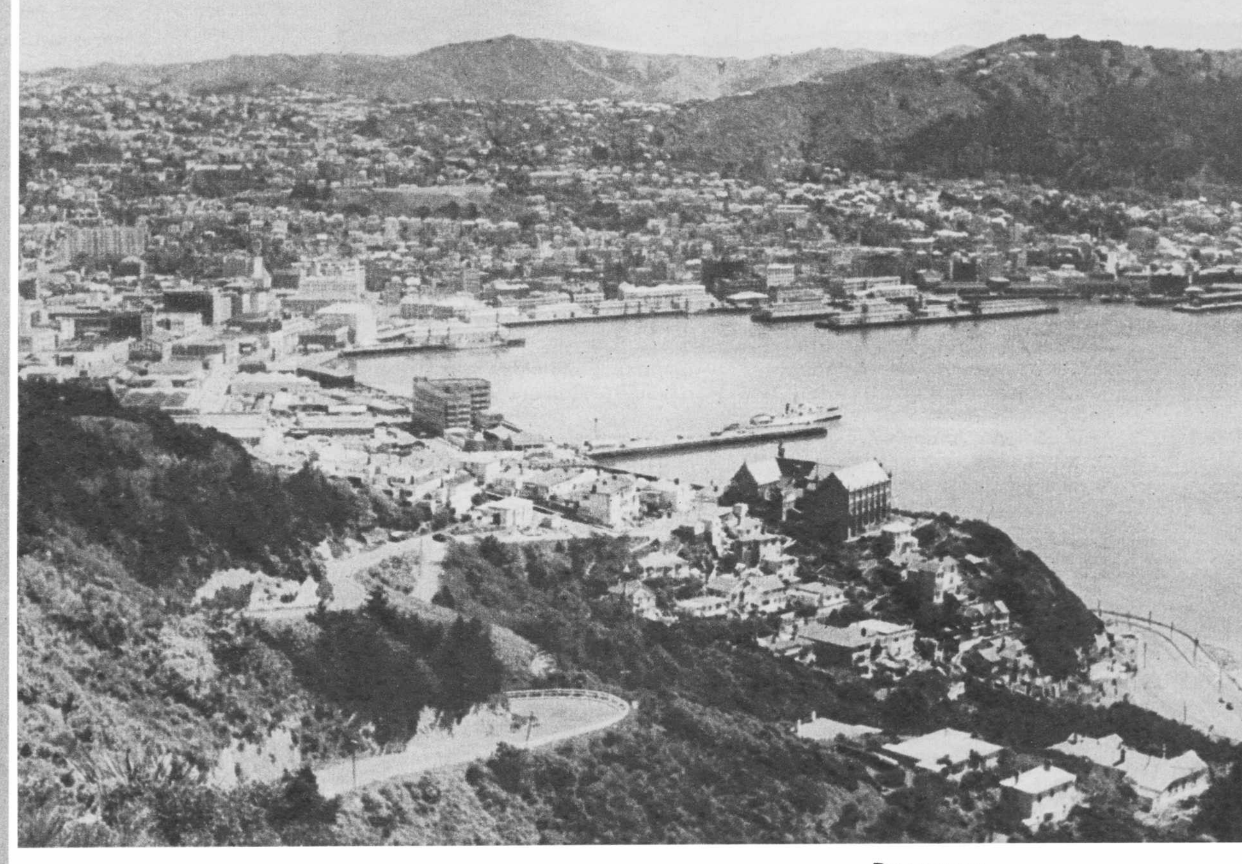
— В седьмой? — удивилась тетка Фроня.— Ты ведь в первый класс еще не ходила.

— Ходила. Почему? Вчера ходила в первый. Там, знаешь, мальчишки недисциплинированные. Ничего учительницу не слушаются. Дразнятся. И Конституцию в первом классе тоже не проходят.

— Ну, это им еще рано. Ишь ты, дразнятся, говоришь?

— Ага. И дерутся.
— А ты что ж? Нельзя давать им спуску, поганятам. Мальчишки! Ты сама вон не хуже мальчишки. Мальчишка, как есть.
Тетка Фроня пододвинула босой ногой камень ближе к берегу и тяжелым пральником стала колотить на нем белье. Таня подбежала к ней. Заглядывая сбоку в ее раскрасневшееся красивое лицо, тихо спросила:
— А почему ты догадалась?
Тетка Фроня, бросив пральник, обняла девочку, прижала к себе мокрыми горячими руками.
— Об чем догадалась?
— Ну, что я как есть мальчишка?
— Догадалась уж! — Она тронула Таню за косичку, выглядывавшую из-под кепки, и хорошо, ласково засмеялась.
Тогда Таня вздохнула и, встав на цыпочки, зашептала близко-близко в лицо тетке Фроне:
— Тетечка Фронечка, я, может, наверно, тебе скажу. Вчера, знаешь, мама плакала вечером и говорит: «Ох, доля эта бабья — горькая. В наказание себе я, видно, родила тебя, доченька. Была б ты у меня мальчонком...» Вот я, тетечка Фронечка, и решила теперь. Ночью сегодня не спала. Стану теперь лучше мальчишкой. А то мамку жалко. Прямо сил нет, жалко!
Девочка выпрямилась, стояла вся решительная, напряженная, как струна, и даже три капельки пота выступили на ее подбородке, а солнце заливало ее всю с головы и до ног, и казалось, что в глазах у Тани тоже было солнце, и не одно, а целых два маленьких ярких солнца, и смотреть на них было больно.
— Мамку жалко? Ах ты, золотко! — Тетка Фроня легонько оттолкнула от себя девочку.— Ну, иди, иди, а то и правда в школу опоздаешь.
Школа стояла за двумя близнецами-елками, все окна были открыты, а над крышей поднимался теплыми струйками пар в небо, как будто улетали в вышину белые-белые голуби.
Таня засмотрелась на голубей, а тут из-за поворота выскочил фыркающий «газик» и внезапно затормозил рядом с ней.
— Хочешь со мной, моя Танька-помощница? — крикнул из машины Тимофей Макарыч.
— Хочу,— обрадовалась Таня, хотя еще совсем не знала, куда она хочет. Подумала немного и строго спросила:— А культивацию когда начнете?
— Вот и начнем!
Председатель не смеялся, засмеялся один шофер, а Тимофей Макарыч всегда говорил с Таней серьезно, как и подобает взрослому серьезному человеку:
— В МТС сначала надо съездить. За образцами. А то ведь как культивацию начинать?
За всю свою жизнь Таня еще никогда не была в МТС, но при одном слове «эмтээс» в ее глазах поплыли блестящие ряды тракторов, вытянувшихся, как по команде, вдоль кирпичного забора, и машин, и великанов — полевых комбайнов. И в этот только один миг Таня успела обо всем забыть. О том, что нужно было сходить в школу, где ждет ее и теперь уже не дождется до самого вечера директор Алексеич Константиныч, и о том, что дома стоит на загнетке нетронутый завтрак и что Генку-лаборанта она тоже обещала не забывать.
Разом перемахнула она улицу и вскочила председателю на колени.
«Газик» дернулся, но Таня еще успела спросить:
— Машина из города еще не вернулась?
— Нет еще.
«Наверное, дядя Коля опять с дружками загулял, а машина валяется где-нибудь в карьере. И что только с ним делать? Из колхоза выгнать такого работника,— думала Таня, но вслух не решалась сказать при дяде Федоре: он же тоже шофер.—Тимофеич Макарыч сколько раз говорил: исключить, исключить, а дело никак не движется. Характер у председателя мягкий. Никогда даже не ругнется как следует. Из города — перелетная птица».
— Тимофеич Макарыч, а почему тетка Бочариха говорит, что вы птица у нас перелетная? Я все понимаю, а почему «перелетная», не понимаю.
На этот раз и председатель не выдержал и засмеялся. А шофер, дядя Федор, свободной рукой подтолкнул Таню к окну и сказал:
— Смотри лучше туда, как весна разгорается. Ну и язык у тебя!
— Почему язык? Язык как язык.
Машина летела мимо темнеющих перелесков — как островки, были они на голой земле,— мимо развалившихся в полях стогов соломы, не убранных еще с прошлого лета, подпрыгивала на ухабах и неслась дальше, обгоняя бегущий за ней горизонт.
Встала на пригорке сосна, сухая, дряхлая, с одной стороны ветки совсем пригнулись к земле, была она, как старуха-попрошайка с сумкой на руке, а вокруг суетились, кричали грачи, то разом вдруг взлетали к небу, то садились дружно на землю, и от них земля сразу густо чернела.
Таня так увлеклась суетней грачей, что не заметила, как сама замолчала. И тогда так тихо стало кругом, что встречный ветер не выдержал и запел свое всегдашнее веселое и буйное: «Лечу, лечу, лечу!» Кроме ветра, пели еще облака. Их песни не долетали до земли, жаворонки их подхватывали в голубой вышине и посылали вниз. Таня не знала, что жаворонки уже прилетели, и думала, что это поют облака.
Наконец впереди показалось большое поле озими, как море, и на нем зеленые волны, а из волн выплыла усадьба МТС с красными крышами и широкими-широкими заборами, тоже, наверно, из красного кирпича.
— Я к директору,— сказал Тимофей Макарыч.— Ты, Федор Капитоныч, получишь образцы, а Танька побегает пока по двору, мы ее разыщем.
Но побегать по двору Тане не пришлось. Она сошла с машины и тут же увидела группу мужчин в комбинезонах — трактористов,— и они тотчас же стали следить за Таней, куда она пойдет и что будет делать.
Заметив это, Таня, не долго раздумывая, подошла к трактористам и громко поздоровалась.
Трактористы курили, сидя кружочком вокруг какого-то металлического ящика, кто-то из них ответил:
— Здравствуй, коли не шутишь.
— А я есть хочу,— сказала Таня и посмотрела поочередно на каждого.
Трактористы задвигались, заговорили и вскоре общими усилиями собрали Тане немудрый обед: кусок колбасы, чуть-чуть хлеба и огромное антоновское яблоко. Оно было такое прозрачное и так сладко пахло, что Тане поневоле пришлось начать свой обед с него. К тому же это был не обед, а завтрак.
Перекусив яблоком с колбасой, Таня развеселилась и стала рассказывать, как ее зовут, и откуда она родом, и что приехала она в МТС за образцами, потому что мама у нее агроном и Тане случается часто помогать ей в работе.
Трактористы заинтересовались Таниным рассказом и окружили ее, посадили в самый центр — на ящик, а тот, который дал Тане яблоко, вдруг спросил:
— Маму твою зовут... Зинаида Васильевна?
— Ага, Васильевна. А ты, дядь, ее знаешь? Ей привет передать?
Тракторист растерянно заморгал глазами и стал вытирать выступивший внезапно пот.
— Нет, привета лучше не надо.— Он пододвинулся совсем близко к Тане, но взять ее почему-то не решился. У него дрожали руки.
— Алексей, ты спроси: папка у нее есть? — прогудел кто-то сзади.
— Нет,— засмеялась Таня, не дожидаясь, пока у нее спросят,— нету у меня папки. Правда, мама говорила, что раньше когда-то был, но взял однажды и пошел сено косить с собакам и не вернулся. Мамка у меня чудная — пустила его, а меня тогда еще не было. Только я думаю, врет мамка про собак. Они сено и не едят вовсе.
Дружный мужской хохот покрыл последние Танины слова, и она захохотала вместе со всеми звонко и радостно. «Конечно, не едят». А дядя Алексей, мамин знакомый, тоже, наверно, от радости дал Тане еще одно яблоко и стал совать в карманы ей конфеты и деньги.
Трактористы смотрели на него, раскрыв рты от удивления, и вдруг, словно вспомнив, что торопятся куда-то, стали один за другим расходиться.
Но тут хорошо, Тимофей Макарыч прервал замешательство, крикнув Тане из машины, что пора ехать домой.
На обратном пути Таня не смотрела в окно и ничего не говорила; она забилась в задний угол машины — на сердце у нее было тревожно, она сама не знала, почему.
По брезентовой крыше «газика» молотил дождь, капли его, как чьи-то горькие слезы, тяжело сбегали по стеклам, туманили размытую, всю в пенистых лужах дорогу. Над ближним леском вдруг стеганула по небу молния и грохнул рассерженный гром, рассыпался по лесу дробным протяжным эхом.
Небо посылало земле первое предупреждение, грозясь на втором заходе рухнуть на нее всей своей дымной тяжестью. Но угроза так и осталась угрозой, видно, небу стало жалко губить на земле все живое, а может, и сил у него не хватило — гроза как началась, так быстро и кончилась. Только дождь, забывшись, долго еще буянил над головой да мыл машинные стекла, как будто это была у него единственная обязанность. «Самовольный какой дождь, лупит и лупит».
Тут Таня нечаянно вспомнила, что ей мама давно еще строго-настрого запретила ездить в МТС. А почему?
Почему идет дождь? Почему ее не пускают в МТС?
Всё почему?
Окончательно запутавшись в неразрешенных вопросах, так и сошла Таня с машины около колхозной конторы.
Навстречу ей выбежала мама, раскрасневшаяся, злая, и, схватив Таньку поперек туловища, потащила за собой в дом.
Ни о чем не спрашивая, молча и сосредоточенно, как все, что она делала, мама достала из чемодана широкий кожаный ремень, и Таня тотчас же вскрикнула, но скорее от неожиданности, чем от страха.
— Выпорю! — закричала мать.
Сквозь хлынувшие ручьем слезы Таня все-таки увидела, что и мама заплакала.
— Мамочка, милая, за что ты хочешь меня бить? Сама вон плачешь, а хочешь. За что? Что я в МТС ездила? А там, знаешь, какие дяденьки-трактористы хорошие. Они мне колбасы давали. А один дядя — еще твой знакомый, знает тебя. Такой ласковый — целых два яблока мне дал. Дядя Алексей его зовут... И денег дал...
— Дядя Алексей? Денег? — переспросила мама.— Денег? Не надо нам твоих денег... Проживем. Накормил ребенка... За всю жизнь раз. Из горла попрет его яблоко. Нашелся жалостник. Убью насмерть, не пожалею, если возьмешь у него что-нибудь. Не пожалею... крошку мою родненькую...
...На следующий день у Тимофея Макарыча с самого утра не ладилось с делами. Не разобравшись толком, он обругал и выгнал вон зоотехника Акимова — тот пришел к нему за советом о строительстве летнего лагеря для свиней, тетке Бочарихе не подписал справку, а бригадиров даже и близко не подпустил к конторе.
Колхозники перешептывались меж собой, строили догадки, а председатель и сам не понимал, откуда налетел на него сегодня такой ветер. Действительно, сумасшедший день.
— А,— наконец вспомнил он,— Таньки-помощницы не хватает, а без нее и вправду, как без рук. Куда же она запропастилась?
А Таня в это время сидела дома на низенькой скамеечке перед самой дверью и, так как в хате никого не было, говорила сама с собой, уговаривала себя:
— Ладно, Танька, не плачь. Не плачь, родненькая... Это же вчера тебя хотели бить. А сегодня только в доме заперли. А мамка вечером придет и выпустит на волю. Она тебя любит, только иногда, знаешь... притворяется, что как будто не любит... Бедная мамка... Опять пошла на целый день по бригадам. И Тимофеич Макарыч... А как же с культивацией?
Забывшись, она рванула дверь, но замок, видно, очень крепко держал ее снаружи — дверь даже не покачнулась. Тогда Таня снова опустилась на скамейку, вздохнула и начала все сначала:
— Не плачь, Танечка, не плачь, родненькая...

НА КРАЮ СВЕТА

Веллингтон.

Владислав ЗИМЕНКО,
ответственный редактор журнала «Искусство»

Фото автора.

Признаки весны

Если провести на карте прямую линию от Москвы до Веллингтона, столицы Новой Зеландии, то она пересечет огромные пространства суши и океана. Но реальный путь еще длиннее: свыше 20 тысяч километров отделяет Москву от острова, который впервые в 1642 году открыл отважный голландский капитан Авель Тасман. В конце XVIII века эту страну обследовал Джемс Кук. Многие мореплаватели затем приставали к ее берегам, и немало охотников поживиться ее богатствами сложило здесь свои головы. Долгое время Новая Зеландия была «ничьей землей».

Наконец, с 40-х годов XIX века в ней прочно обосновались англичане...

...Низкий голубой автомобиль, как птица, летит по широкому шоссе от аэродрома в Парапароуми до Веллингтона. Въезжаем на окраинные улицы столицы, то крутыми извивами взбегающие вверх, то стремительно спускающиеся. И трудно отделаться от впечатления, будто находишься в Крыму, где-нибудь в Алупке или Ялте: тот же гористый ландшафт, голубое море вдали, белые дома, крытые черепицей, чистый, свежий просоленный воздух.

Мы были в Новой Зеландии в сентябре прошлого года. Сентябрь в Южном полушарии — первый месяц весны. В Веллингтоне в это время прекрасная теплая погода, хотя и ветрено. Зима здесь тоже очень мягкая. Снег выпадает только на крайнем юге. Круглый год зеленеют луга, леса...

Минувшая зима все же дает о себе знать: обнажены некоторые лиственные деревья. Но рядом их далекие предки — древовидные папоротники — гордо несут веероподобные зеленые кроны, высятся стройные пальмы. Скоро крупными розовыми цветами буйно зацветут японские вишни. Будет устилать землю ковром желтых лепестков «золотое дерево». Белой пеной вскипят сикоморы, распустятся огромные цветы камелий... Весна здесь щедра и тороплива: уже стучится лето.

В магазины завозят светлые ткани к летнему сезону. В газетах вперемешку с политическими новостями — рекламы купальных костюмов... А в полдень, когда особенно пригреет солнце (совершающее здесь свой путь по северной стороне неба), появляются и первые купальщики. Часами ходят по колено в еще холодной воде ловцы моллюсков. Чайки с резким гортанным криком выхватывают раковины из воды, высоко поднимают, а затем сбрасывают на каменную набережную, извлекая таким путем сочную мякоть. Весну прошлого года в Новой Зеландии отличало большое событие: советская художественная выставка.

— Это тоже показатель весны, — говорит пожилой веллингтонец, греющийся на солнце возле Доминьон-музея. — Это весна во взаимоотношениях между нашими народами. Желаю успеха!..

Выставка открыта

Эмблема Новой Зеландии — птица киви. Бесхвостая, с длинным, чуть изогнутым клювом, покрытая бурыми перьями, напоминающими шерсть, она водится только здесь. Ее характерный профиль на разнообразных сувенирах, на монетах достоинством в два шиллинга — флоринах. Ее изображением украшены и перила лестницы Национальной художественной галереи, где под советскую выставку было отведено несколько залов.

Высокий, худощавый, изящный, с шапкой пышных седых волос, г-н Макленен — директор галереи и один из инициаторов приглашения советской художественной выставки — поднимается навстречу со своей неизменной радушной улыбкой.

— На открытии будет около пятисот гостей! Что вы скажете на это? — Перелистывает каталог и добавляет, хитро сощурившись: — Не то, что у Генриха Мура!—Это—замечание в адрес английского скульптора-абстракциониста, выставка которого была здесь незадолго перед нашей и крайне разочаровала веллингтонцев.

Сто двадцать пять картин, рисунков, эстампов, скульптур. Маленькая частица того, что создано советскими мастерами в последние годы. Как-то примут ее? Как оценят здесь то, чем воодушевлены советские художники?

После речей г-на Уотсона, управляющего дирекцией национальных художественных галерей, и Г. М. Родионова, главы советской миссии в Новой Зеландии, начался осмотр экспонатов.

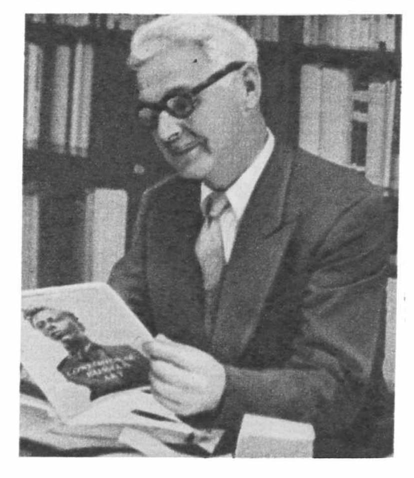
Зрителей привлекает картина А. Лактионова «Больной Бродский», нравятся «Портрет Красношеевой» В. Серова, «Портрет Бакшеева» В. Ефанова. Не редеет толпа около пейзажей С. Герасимова, С. Чуйкова, Б. Ряузова. Особый успех выпал на долю картины М. Божий «Таня, не моргай». Эту скромную, милую бытовую картинку, где мальчонка готовится фотографировать маленькую сестричку, очень полюбили здесь и часто репродуцировали.

— Великолепная коллекция! — произносит невысокий пожилой человек, один из лидеров новозеландских лейбористов, У. Нэш. Он был в СССР, знаком с русской культурой, ценит нашу музыку.

То и дело вспышки фотоламп: корреспонденты «ловят» интересные кадры. Многие уже читали в вечерней газете «Ивнинг пост» статью постоянного обозревателя газеты по вопросам искусства г-на Эрика Рамздена — очень благожелательно написанный, умный, квалифицированный разбор советской выставки.

Вечерние огни

На главных торговых улицах Веллингтона — непрерывная лента витрин. Днем и ночью сияют красные, синие трубки вывесок и реклам. Товары идут навстречу покупателю: у входа в обувной магазин, на косяках двери гроздьями висят ботинки и туфли — можешь, не заходя в магазины, осмотреть; штабелем стоят на тротуаре чемоданы. А вот книги и журналы в ярких глянцевых обложках... Но покупателей мало. Только в пятницу, предпраздничный день, когда выдает-

Директор Национальной художественной галереи г-н Макленен.

ся недельная зарплата, торговля оживляется. В субботу и воскресенье все магазины закрыты.

Веллингтонцы в эти дни стремятся выехать к морю.

В Новой Зеландии хорошо организовано уличное движение. Если пешеход вступил на мостовую там, где имеется указатель перехода — полосатая дорожка, все движение останавливается до тех пор, пока он не переберется на другую сторону. Избави бог неопытного водителя наехать на пешеходную дорожку, особенно в тот момент, когда сбоку ее стоит важный мальчонка с плакатом «Стоп!». Это бывает два раза в день: когда дети идут в школу и возвращаются после занятий домой.

...Рано, еще по-зимнему темнеет небо. На севере, отражаясь в водах залива, светит странный, перевернутый месяц. Мерцают незнакомые звезды. С гор Карори, где находится советская миссия, город выглядит жемчужной россыпью: тысячи разноцветных огней...

У фермера

Теплый климат Новой Зеландии и обилие вечнозеленых пастбищ исключительно благоприятны для животноводства. Несколько миль от города — и типичная для страны картина: среди невысоких с округлыми очертаниями гор группа зданий — ферма; вокруг нее огороженные проволокой участки лугов, пасущиеся коровы, низкорослые, с длинной волнистой серой шерстью овцы. В стране громадное поголовье скота: 40 миллионов овец, около 6 миллионов быков и коров. Новая Зеландия — один из крупнейших экспортеров масла, мяса и особенно шерсти.

— Как вы управляетесь с таким большим хозяйством? — спросили мы одного фермера, владельца тысячного стада овец, узнав, что он работает только с сыном и невесткой.— Неужели вам не нужны пастухи?

Он усмехнулся:

— Здесь овцам ничто не угрожает: волков нет, змей — тоже, нет даже оводов и москитов. А перегнать животных с участка на участок сумеют и собаки. На период стрижки я нанимаю несколько работников — вот и все.

Маори

Эти смуглые с огненными черными глазами и кудрявыми волосами люди появились в Новой Зеландии, как повествует предание, в X—XIV столетиях, переселившись на семи больших ладьях — каноэ — с островов Полинезии. Наименования этих каноэ сохранились в устных сказаниях племен, разместившихся на новой большой земле.

Три столетия маори упорно защищали свою новую родину от белых завоевателей. Отшумели битвы. Переименована расположенная возле Веллингтона обширная долина, называвшаяся раньше «Долина слез» в память жестокого поражения, понесенного здесь армиями маори. Теперь она «Долина счастья». Никого уже не страшит воинственный танец, исполняемый потомками грозных воинов для туристов.

В Роторуа, в центре Северного острова, расположены самые крупные поселения маори.

Хижины в здешних поселках сохранили древнюю национальную архитектуру: остов из дерева, стены из камыша, соломенная крыша. Жители в традиционных костюмах: юбочки из соломы, плащи из перьев, кое у кого татуировка. Однако некоторые девушки, наряженные по старинке, завиты по-современному, ноготки на пальцах покрыты модным сиреневым лаком; это только актеры.

Маори много и в городах. Они работают, служат в учреждениях. Встречаются смешанные супружеские пары: муж — англичанин, жена — маорка. Расовой дискриминации на первый взгляд не чувствуется. Но от большого, полуторамиллионного народа осталось сейчас едва ли сто тысяч. Он вымирает, развитие его культуры искусственно задержано.

А какой талантливостью дышат своеобразные древние памятники искусства маори, собранные в музеях! Огромные деревянные идолы, украшенные причудливой спиралевидной орнаментацией с инкрустацией из перламутровых раковин, поражают щедрой фантазией, мастерством работы. Тонко выполненные из зеленого нефрита амулеты с изображением божества Тики. Изящные сосуды, красивое оружие. Наконец, огромные каноэ сплошь в кружевной резьбе — это настоящие произведения искусства.

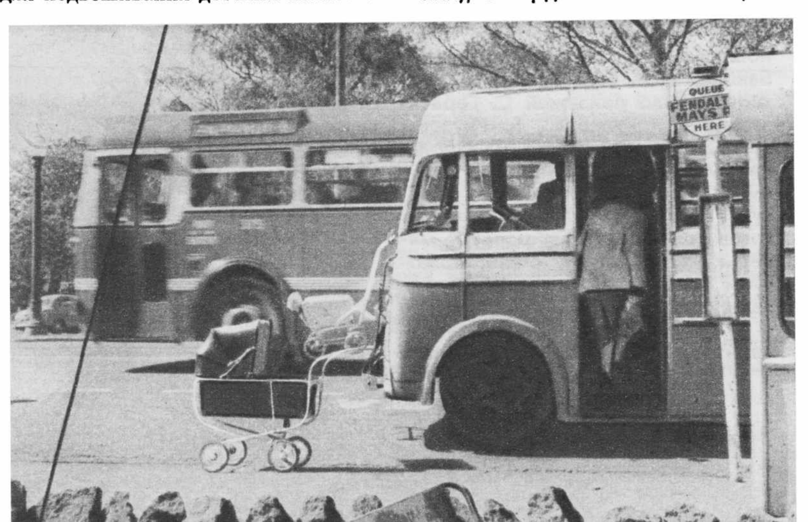
Теперь же искусные ремесленники только повторяют некоторые традиционные образцы, но не идут дальше. Невольно вспоминаешь по контрасту национальное искусство многих народов Советского Союза, ожившее и расцветшее после революции.

Среди маори есть энергичные, образованные и дальновидные люди, любящие свой народ, болеющие за его будущее. Есть такие люди и среди белого населения Новой Зеландии. Я вспоминаю, как одна пожилая англичанка (не буду называть ее фамилии), с гордостью сказавшая, что она происходит из старого рода пионеров-колонистов, делилась своими горькими мыслями о жизни маори.

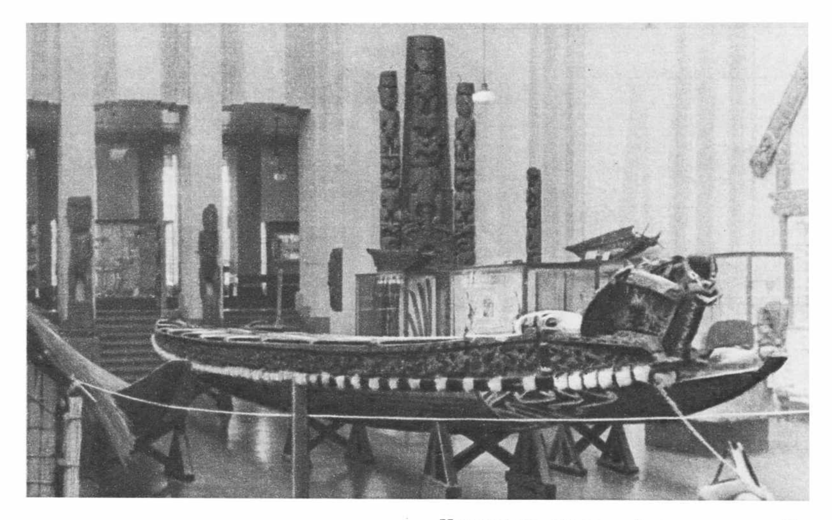
— Я возмущаюсь нашим лицемерием! — говорила она взволнованно.— Мы много говорим о «свободе» и «цивилизации». Но когда белые только начинали селиться здесь, маори имели землю и пищу, хотя и были неграмотны. Теперь же они умеют читать и писать, но часто у них не хватает хлеба.

— Государство, говорят, им помогает?

— Да, но это не решает вопроса. Ведь маори вытеснены в районы, где ничего не растет... Вы знаете, эти земли около сернистых источников — обманчивая красота!

Автобусы в Новой Зеландии спереди имеют специальные крюки для подвешивания детских колясок.

Искусство маори. Экспозиция в Доминьон-музее.

Мастера кисти

Леонард Митчелл отодвинул листы со своими рисунками, этюдами к росписи библиотеки в Лоуэр-Хатте, которые мы только что рассматривали, и задумчиво погладил рыжеватую бородку.

— Вы спрашиваете, много ли у нас художников? Для нашей небольшой страны немало: в одном Веллингтоне около трехсот.

Есть особое очарование в искусстве новозеландских пейзажистов: умиротворенность образа, мягкость округлых линий, тонко сгармонизированные краски. Море... море, тихое, лазурное, лиловое, лишь изредка бурное. Горные луга, округлые холмы, озера, освещенные солнцем, то слегка затуманенные набежавшей дымкой непогоды... Как идет всему этому нежная акварель — излюбленная техника многих здешних мастеров!

Митчелл тоже пишет пейзажи, но по преимуществу он портретист, и портретист отличный. Его кисть запечатлела многих выдающихся людей Новой Зеландии. Часто, однако, модель весьма ординарна, и художник работает только ради заработка.

— Неужели в Советском Союзе художникам государство строит мастерские, дает заказы, покупает картины? Как это удивительно! Наши музеи получают на покупку новых произведений ничтожные суммы...

Все время на пути искусства стоит здесь зловеще сверкающий золотой телец! Такова «свобода творчества» в условиях капитализма, горькая, призрачная свобода! Хорошо еще, что г-н Коллахер, владелец нескольких складов и отелей, учредивший конкурс на национальный пейзаж, обладает здоровым вкусом. Другие богатые «любители изящного» охотно покупают только извращенные, формалистические произведения.

— Что ж, искусство искусством, но ведь нужно чем-то жить! — сказал мне однажды Петер Макинтейер, интереснейший художник Новой Зеландии, мужественную, строгую кисть которого узнаешь сразу среди сотен работ.

— Приходилось работать и так и эдак, лишь бы продать,— говорит он.— А для себя создавал серьезные вещи, вырабатывал свой почерк... Потом мне посчастливилось: стал официальным военным художником. После войны вернулся уже с именем. Другим же трудно, ох, как трудно, особенно молодым!

Вмешалась жена:

— Ничего, ничего. Хоть и не очень богато живем, но бизнесмены не знают того удовольствия от жизни, которое знаем мы.— И застенчиво прибавляет:— Тем более вместе...

Художник бросил на жену теплый, благодарный взгляд.

У певца своей родины

Гравер Е. Мервин Тайлор живет в домике высоко в Карори. Небольшого роста, с чуть выпуклыми очень живыми карими глазами, художник радушно ведет нас в свою мастерскую.

Е. Мервин Тайлор исполняет пейзажи, изображает цветы, животный и пернатый мир своей родины — все с глубоким ощущением национального своеобразия мотивов. Но его особенно влекут к себе сюжеты из мифологии маори.

...Однажды солнце, все время ярко освещавшее землю, не захотело исполнять свои обязанности. Заупрямилось оно и скрылось за край земли... Солнце — грозное божество, трудно спорить с ним, убедить изменить жестокое решение. Но вот рожденный воображением народа маори герой Мауи-Ранга-Ранга отправился в поход на небо. Сопровождали его отборные, самые храбрые и сильные воины. Решили они силой принудить солнце давать свет и тепло людям... Страшной была схватка. Но все же одолел герой, отведало солнце ударов его боевой дубины и покорилось...

На этот сюжет мастер сделал замечательную гравюру, показывающую заключительный момент

схватки с солнцем. Мифология маори сложна и обширна, и работ, посвященных ей, у Е. Мервина Тайлора немало.

— Вы знакомы с творчеством русских граверов?

Мастер задумался.

— Отчасти... совсем мало. — Он встал, порылся в своей библиотеке.— Вот здесь,— он показывает лондонское издание «Современная графика»,— есть несколько репродукций гравюр Алексея Кравченко, А. Остроумовой-Лебедевой. Я внимательно осмотрел вашу выставку — там очень интересные работы В. Фаворского, А. Гончарова.

— Это только небольшая часть их работ.

— Конечно. А как хочется узнать ваше искусство по-настоящему; ведь это — огромное явление в современном реализме... Мы также стремимся быть реалистами,— он скромно улыбается,— развивать свои национальные традиции. Но только вряд ли здесь это будет сейчас оценено, как должно...

Черное и белое

Советская художественная выставка, по мнению многих подлинно объективных людей, явилась важным событием в культурной жизни Новой Зеландии. Шесть тысяч веллингтонцев посетили ее в течение месяца; цифра немалая для города с населением в 170 тысяч человек. Выставку просили показать во многих других городах; расписание составили до конца 1958 года. Дружескими записями покрывались страницы книги отзывов. «Большое спасибо за то, что привезли сюда это искусство», — пишет Е. Барнс. «Чем больше смотрю — тем выше ценю», — так написала Евелин Шеперт. И подобных записей около трехсот.

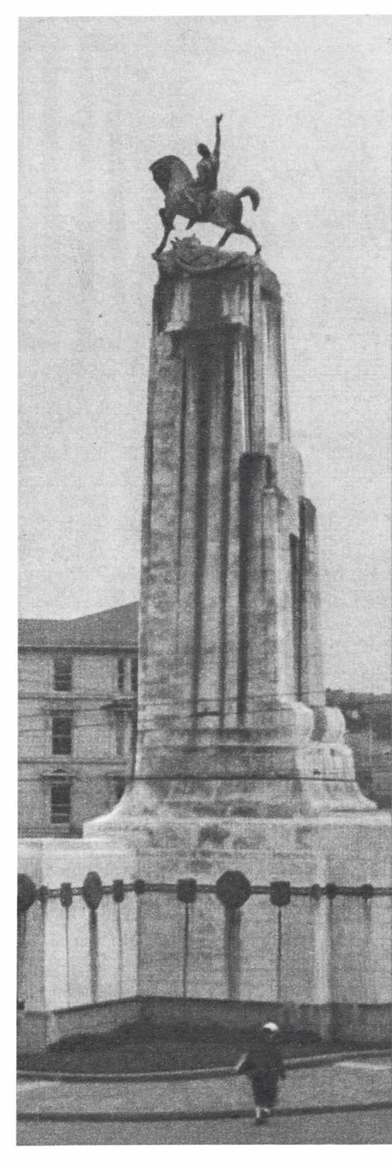
Но кое-кому было явно не по себе от успеха советской выставки. Некоторые газеты доказывали, что советское искусство создается «под давлением комиссаров», что оно «отстало» и «скучно».

Характерна реакция многих новозеландских журналистов на такие выпады.

— Это ничего общего не имеет с художественной критикой,— говорили они.— Это плохая политика, некрасивая политика. Не обращайте внимания на эту ругань.

Профессор Роутс, президент Общества советско-новозеландской дружбы, сказал нам, когда мы посетили его в Крайсчёрче:

— Пелена незнания еще помогает совершать зло. Но мы хотим, чтобы люди и народы лучше знали друг друга, чтобы меньше стало зла на земле.

Веллингтон. Памятник новозеландцам, павшим во второй мировой войне.

Художник Е. Мервин Тайлор.

Новая Зеландия — английский доминион. Здесь господствует английская культура, английский быт, всюду слышна английская речь. В кинотеатрах каждый сеанс начинается двухминутной хроникой: королева Елизавета приветствует своих подданных — и все встают. Новозеландец, отправляясь в Англию, говорит:

— Я еду домой!

Но все чаще встречает неодобрение политика этого далекого «дома», направленная на подготовку новой войны. Все активнее растут общественные силы, которые хотят видеть Новую Зеландию более самостоятельной. Есть, правда, и такие, которые обращают при этом взор в сторону Америки. Но большинство весьма прохладно относится к американцам. Новозеландцы не забыли, как вызывающе вели себя американские войска, расквартированные здесь во время второй мировой войны. Новая Зеландия! Хочется верить, что ты отстоишь свое право на мир.

В морские глубины

С фотоаппаратом на охоту.

Фото В. Суетина.

Бассейн стадиона «Динамо». В прозрачной зеленоватой воде мелькают загорелые тела. Люди плавают, ныряют, а кто-то помоложе затеял шумную игру.

Мальчишки, собравшиеся словно по команде, и обычные обитатели бассейна — пловцы—увидели, как люди с аквалангами, масками и ластами погрузились в бассейн и надолго скрылись под водой. Водолазы оказались инструкторами подводного плавания Центрального морского клуба, которые приходят сюда тренироваться.

Секция подводного плавания клуба растет изо дня в день, и поэтому нужны тренеры, которые научат новичков пользоваться аппаратами.

Не так давно, чтобы опуститься даже на сравнительно небольшую глубину в море или реке, нужно было облачаться в тяжелый, неуклюжий скафандр.

«Водяные легкие» — акваланги (так называются подводные дыхательные аппараты с баллонами сжатого воздуха) — дают возможность плавать под водой продолжительное время, заниматься подводным туризмом и альпинизмом.

Путешествие в мире «голубого континента» так же захватывает, как экспедиции в тайгу, пустыню или джунгли. А высокие скалы, поросшие диковинными водорослями, ждут своих покорителей — подводных альпинистов.

На дне океана и морей скрыты тайны похороненных городов, островов и стран. Найти их, вести под водой раскопки — давнишняя мечта археологов.

Чтобы заниматься подводным спортом, нужно пройти хорошую теоретическую и практическую подготовку, быть физически крепким и смелым.

Тот, кто хоть раз собственными глазами увидит жизнь и приключения морских жителей, не захочет плескаться на поверхности.

В прошлом году летом спортсмены Москвы, Ленинграда, Одессы, Николаева совершали интересные экспедиции на дно Черного моря, опускаясь на глубину 20—40 метров.

Начальник морского клуба А. М. Близнаков познакомил нас с пионерами секции подводников, которые побывали в глубинах Черного моря.

Главой экспедиции был избран член-корреспондент Академии наук Аркадий Бенедиктович Мигдал. Физики Сергей Капица и Юрий Адамчук ведали техникой экспедиции, студенты Виктор Суетин и Ольга Северцева — страстные подводные охотники — обеспечивали питание, а Ольга Жукова, врач по профессии, отвечала за то, чтобы члены экспедиции вернулись домой в добром здравии.

Путь их лежал от Гурзуфа до Коктебеля. По суше и по морю, по горам и под водой шагали, плыли и ехали путешественники.

Однажды Суетин загарпунил ската — опасную, хищную рыбу, которая ловко защищается хвостом и может очень серьезно ранить человека. Рыба оказалась на редкость живучей и сильной и чуть было не увлекла охотника в пучину. Борьба была острой, но кончилась вничью: раненая рыба вырвалась на свободу, а Суетин благополучно всплыл на поверхность.

В другой раз Жукова пыталась взять в плен морского кота огромных размеров. Но и она потерпела неудачу: рыба сумела уйти в море.

...В Новый Свет из Судака отправились на веслах. В лодку погрузили акваланги, фотоаппарат, приспособленный для подводной съемки, и подводное охотничье ружье.

Добрались до Нового Света и около огромных заросших скал начали погружение. Тут, метрах в 40 от берега, находились остатки амфор, пифосов, которые дают основание предполагать, что здесь затонул древний корабль. Туда-то и решили держать путь. Опускались под воду по двое, для страховки. Прижав руки к бокам и сильно оттолкнувшись ластами, Ольга Северцева двинулась вниз. Как всегда, сначала немножко стиснуло уши, Северцева несколько раз глотнула, как это полагается делать в самолете, и это ощущение прошло, стало легко и спокойно. Вода здесь была прозрачной, и дно просматривалось хорошо. Любопытные рыбы подплывали совсем близко. А стайка зубарей — серебристых рыбешек — увязалась следом за водолазами.

Наконец Ольга Северцева нашла затонувший корабль и стала знаками подзывать товарищей. Это был, конечно, уже не корабль, а его обломки, затянутые водорослями и тиной.

Как и почему затонул этот корабль, можно было только предполагать.

Рядом с обломками нашли якорь, облепленный ракушками, а немного подальше Суетин заметил в песке очертания амфоры. Сосуд глубоко ушел в ил и песок. Стали откапывать, но в руках оказались лишь черепки. Единственно, что осталось сохранившимся, были горловины пифосов — сосудов, в которых в древности хранили и перевозили зерно, вино, масло.

Черепки амфор, пифосов, керамика и остатки корабля найдут свое место в музее. Их подвергнут анализу и тогда точно определят, сколько веков они пролежали под водой...

Т. ТРОИЦКАЯ

ДОНЕЦКАЯ

Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ

В маленьком домике на строительной площадке заседает комсомольский штаб скоростного строительства домны. Ей присвоено имя «Донецкая — Комсомольская». Это пятая домна, сооружаемая на металлургическом заводе «Азовсталь», и одна из тех семи домен, которые в этом году дадут первый чугун. Комсомол принял шефство над строительством этих домен.

Работы очень много, и вопросов, которые должны решать комсомольцы, не меньше. Приехала на строительство молодежь — надо ее устроить, распределить по участкам. Задерживаются поставки оборудования — надо связаться с заводами-поставщиками. Плохо с наглядной агитацией — надо найти художника. И много всяких «надо», «надо»... Поэтому так темпераментно и по-деловому проходит совещание.

Через окно, в которое потоком льется весеннее солнце, видна стройка. На площадке, загруженной металлическими конструкциями, бригады монтажников ведут сборку крупных блоков — прямо на земле. Это дело новое, прогрессивное.

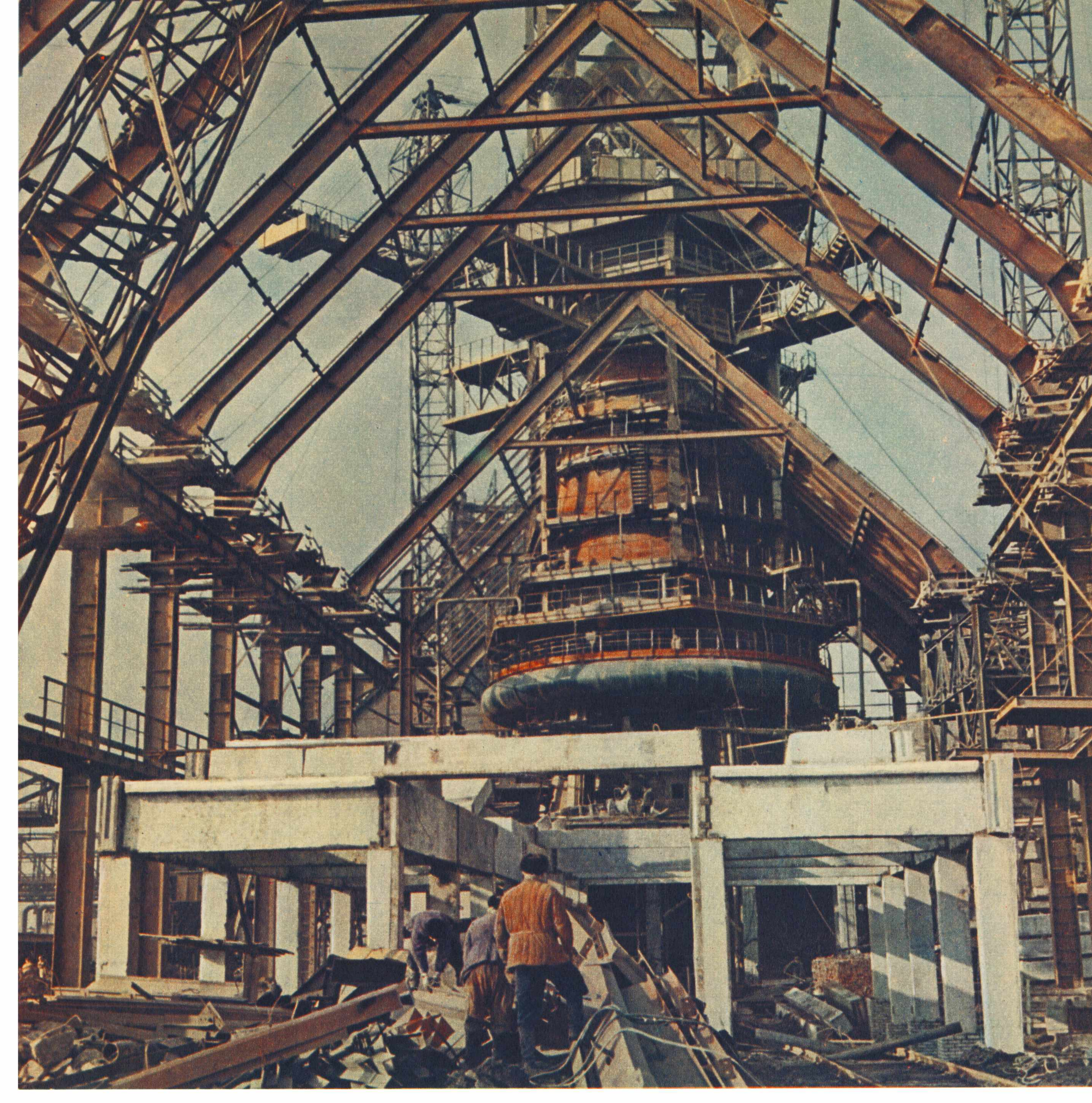
Если взглянуть на самый верх окна, то высоко на фоне неба видны маленькие фигурки «высотников». Они готовятся к приему громадной конструкции.

Все готово. Команда: «Вира!» Башенный кран дрогнул, и конструкция с весьма прозаическим названием — «штаны» — пошла вверх.

Многотонная деталь движется все выше и выше, провожаемая взглядами строителей, которые следят за этим подъемом со всех ярусов стройки. А вспышки огней сварки, словно беспрерывный круглосуточный салют, осыпаются тысячами золотых искр...

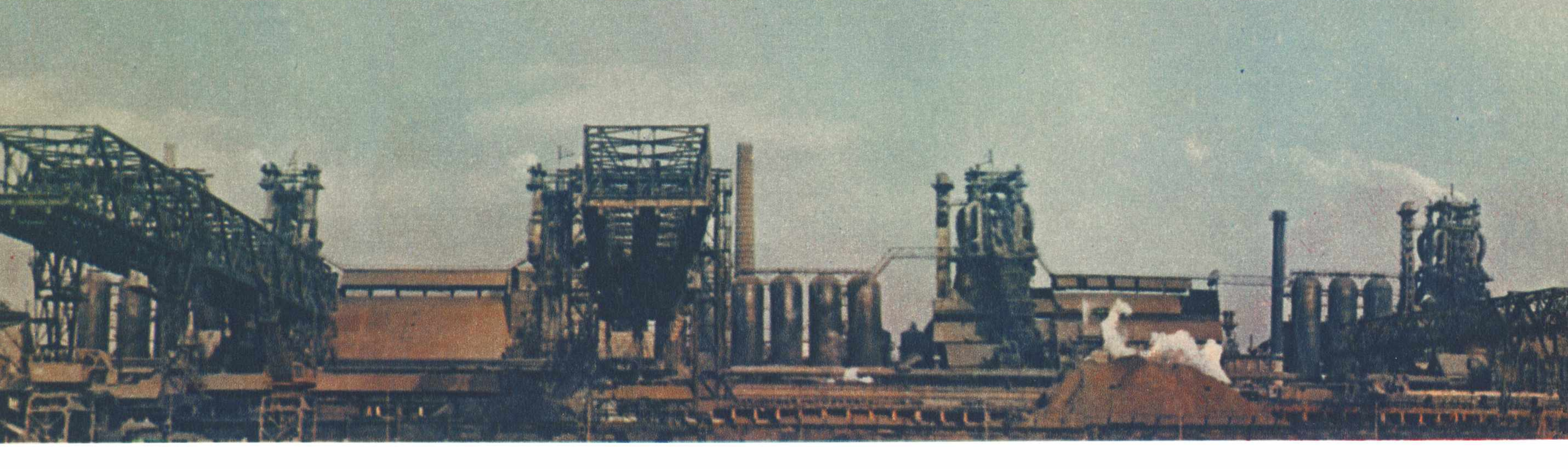

Комсомолец Василий Царенок — знатный мастер электросварки.

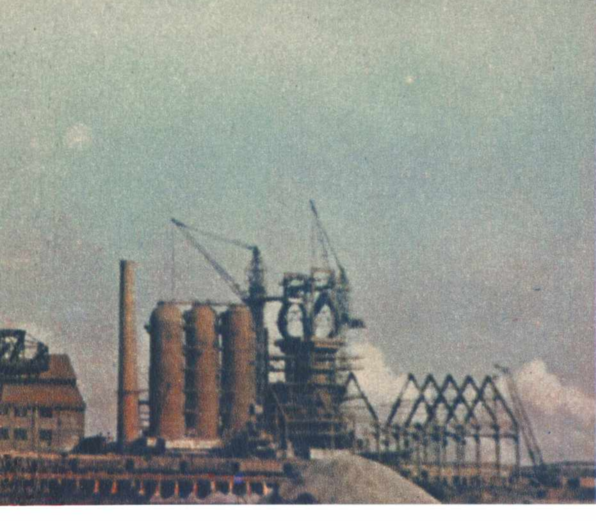
Каркас литейного двора.

КОМСОМОЛЬСКАЯ

Два брата, оба комсомольцы, Григор
и Владимир Мисяк. Старший, Гри
вестный на стройке верхолаз-монта
димир строил шахты в Донбассе
осваивает профессию брата. Гри
ствует над братом.

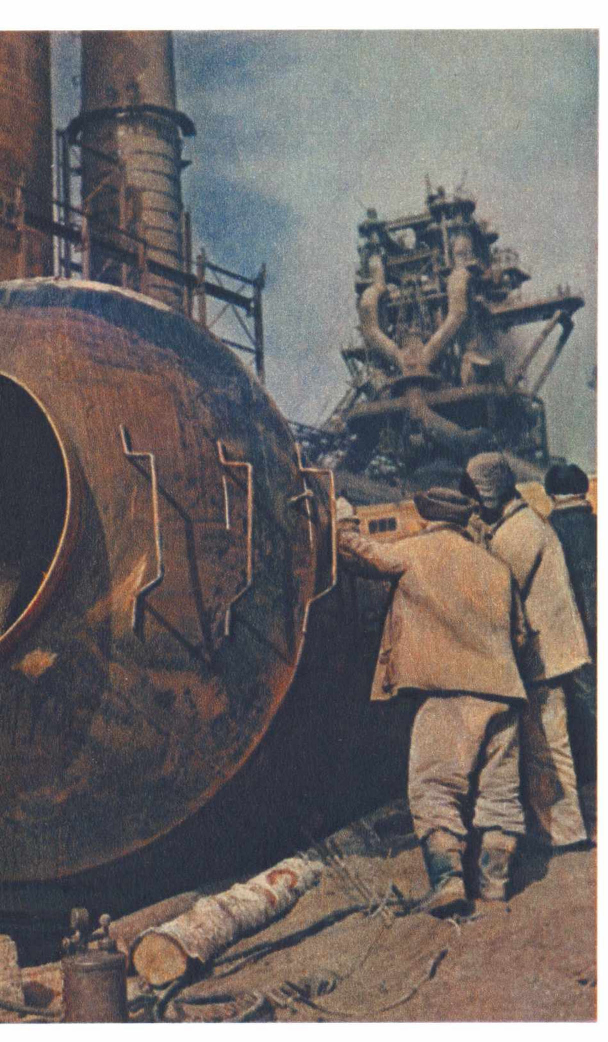
Справа на этой панораме — строящаяся домна «Донецкая-Комсомольская».

рий (справа)
игорий, — из-
ажник. Вла-
, а теперь
торий шеф-

На высоте 56 метров. Тут монтируют верхушку доменной печи. Вот уже установлены «штаны».

Идет монтаж конструкции под названием «свеча».

Фантастический рассказ

Филип К. ДИК

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Филип К. Дик — молодой американский писатель, выступающий в научно-фантастическом жанре. Печатаемый здесь рассказ помещен в третьем сборнике «Star science fiction stories».

Как всегда, Майк Фостер чувствовал себя в школе ужасно. Но сегодня было еще мучительнее, чем обычно. Кончив плести две водонепроницаемые корзинки, мальчик выпрямился. Не грея, светило предвечернее солнце. Осенний воздух был живителен. Листва на холмах отливала яркой зеленью и золотом. В небе над городом лениво кружили патрульные самолеты.

К парте в зловещем молчании приблизилась необъятная фигура учительницы миссис Каммингс.

— Ты кончил, Фостер? — спросила она.

— Да, мэм, — с готовностью ответил он, придвинув ей корзины.— Мне можно уйти?

Миссис Каммингс придирчиво осмотрела работу.

— А как насчет капкана? — требовательно спросила она. Мальчик пошарил в парте и достал сложный капкан для мелких животных.

— Готов, миссис Каммингс,— сказал он,— и ножик я тоже закончил.

Он показал ей сверкающее и острое, как бритва, лезвие. Нож он изготовил из старой бочки из-под бензина. Учительница взяла нож и натренированным пальцем с сомнением провела вдоль лезвия.

— Лезвие слабовато,—заявила она.— Ты его заточил слишком остро. Край отломится, как только ты попытаешься им работать. Спустись-ка в главную оружейную лабораторию и посмотри на ножи, выставленные там. Затупи его на камне и лезвие сделай потолще.

— Миссис Каммингс,— взмолился Майк Фостер,— можно мне это сделать завтра? Можно не сейчас?

Но миссис Каммингс была неумолима.

— Завтра,— прогремела она,— надо заниматься окапыванием. У тебя на нож времени не останется.

— Останется,— постарался он ее убедить,— после окапывания.

— У тебя с окапыванием не очень-то хорошо.— Старушка поглядывала на худенькие руки и ноги мальчика.— По-моему, тебе следует закончить нож сегодня. А завтра ты проведешь весь день в поле.

— Что толку в окапывании? — воскликнул Майк Фостер в отчаянии.

— Все должны владеть лопатой,— терпеливо объяснила миссис Каммингс.

Со всех сторон раздавалось хихиканье. Сердитый взгляд учительницы заставил детей притихнуть.

— Всем понятно значение окапывания? Когда начнется война, вся земная поверхность будет усеяна обломками и камнями. Чтобы выжить, надо поглубже зарыться в землю, не так ли? Случалось ли кому-нибудь видеть, как подкапывается под корни суслик? Зверек знает, что под землей он найдет для себя что-нибудь полезное. Все мы превратимся в маленьких коричневых сусликов. Нам надо учиться копаться в обломках, чтобы находить необходимые вещи, которые будут именно там.

Майк Фостер сидел с несчастным видом, пробуя пальцем нож. А миссис Каммингс, отойдя от него, пошла вдоль парт. Кое у кого из детей были на лицах ухмылки, но Майк был в отчаянии и ничего не видел. Окапывание ему не поможет. Когда обрушатся бомбы, он будет немедленно убит. Все сделанные ему прививки — в руки, бедра и ягодицы — ни к чему. Он растратил свои карманные деньги попусту: Майка Фостера уже не будет в живых, когда на мир обрушится бедствие бактериологической войны. Во всяком случае, если не... Он вскочил и последовал за миссис Каммингс к ее столу. В отчаянии он выпалил:

— Разрешите мне уйти. Мне нужно кое-что сделать.

Миссис Каммингс устала, она зло сжала губы. Но полные страха глаза мальчика помешали ей высказаться.

— Что случилось? — спросила она.— Тебе нехорошо?

Мальчик застыл на месте. Он не мог ответить.

Довольные представлением дети шептались и хихикали. Миссис Каммингс сердито постучала карандашом по столу.

— Тише! — крикнула она. Голос ее слегка смягчился.— Майк, у тебя функции не в порядке. Спустись на первый этаж в психоклинику. Работать бесполезно, когда реакции нарушены. Мисс Гровс будет рада привести тебя в оптимальное состояние.

— Нет,— сказал Фостер.

— В чем же тогда дело?

Класс пришел в движение. Кто-то пытался ответить за Фостера. От унижения и стыда у него отнялся язык.

— Его отец — антиоборонец, — объяснили дети.

— У них нет убежища. Кроме того, он не записался в гражданскую оборону. Его отец даже не пожертвовал на патрульные самолеты. Они вообще от всего уклоняются.

Миссис Каммингс в удивлении подняла глаза на онемевшего мальчика.

— У вас нет убежища?

Он отрицательно покачал головой.

Женщину наполнило странное чувство.

— Но... — начала она. Учительница хотела сказать: «Но здесь, наверху, вы все погибнете». Однако она только сказала: — Куда же вы пойдете?

— А никуда,— ответили за него тихие голоса.— Все укроются в своих убежищах, а он будет здесь, наверху. У него даже нет пропуска в школьное убежище.

Миссис Каммингс была потрясена. Ее вялый учительский ум не допускал мысли, чтобы кто-либо из школьников не имел пропуска в хорошо оборудованные подземные помещения под школой. Но, конечно, это было не так. Пропуск выдавался только тем детям, родители которых участвовали в гражданской обороне и жертвовали на вооружение населения. А если отец Фостера был антиоборонцем...

— Он боится сидеть здесь,— спокойно и дружно говорили дети.

— Он трусит, что налет произойдет, когда он будет здесь, а все будут сидеть в безопасности в убежище.

...Майк шел медленно, глубоко засунув руки в карманы. По пути он ногой отбрасывал темные камешки, лежавшие на тротуаре. Солнце уже садилось. Тупоносые ракеты пригородного сообщения выгружали усталых людей, которые рады были вернуться к дому, находящемуся в ста милях к западу от заводской взлетной полосы. Что-то блеснуло на дальних холмах: это была радиолокационная башня, бесшумно вращавшаяся в вечернем мраке. Патрульные самолеты продолжали кружиться над головой. Число их увеличилось. Наступало самое опасное время — часы вечерних сумерек. Визуальные наблюдатели могли не заметить скоростные снаряды, летящие на малой высоте. Если только эти снаряды прилетят.

Проходя мимо, он слышал возбужденные выкрики механической радиогазеты. Война, смерть, удивительное новое оружие, созданное здесь и за границей. Он сгорбился и продолжал идти мимо маленьких железобетонных скорлупок-жилищ. Все они походили друг на друга, как капли воды. Это были сверхпрочные доты. Впереди, в сгущающихся сумерках, светились яркие неоновые вывески: здесь был деловой район с большим движением и толпами людей на улицах.

За полквартала от большой и яркой неоновой рекламы он остановился. Справа от него находилось общественное убежище. Вход в него был в виде тоннеля со слабо освещенным турникетом-автоматом. Плата за вход — пятьдесят центов. Если он окажется на этой улице с пятьюдесятью центами, он спасен. Он частенько проталкивался в общественные убежища во время учебных тревог. Но бывали случаи, когда у него не было пятидесяти центов. Это были страшные случаи, похожие на ночные кошмары, которые постоянно преследовали его. Тогда он стоял, объятый немым ужасом. А люди тем временем яростно пробивались мимо него. Пронзительный вой сирен доносился отовсюду.

Он не спеша продолжал свой путь. Дойдя до огромных, залитых ярчайшим светом де-

← День и ночь не затухают огни электросварки.

монстрационных залов фирмы «Дженерал электроникс», он остановился. Залы занимали два квартала и освещались со всех сторон. Они представляли собой огромный прямоугольник, озаряемый разноцветными огнями. Стоя у витрины, он в миллионный раз изучал выставленные там поразительные вещи, вид которых всякий раз словно гипнотизировал его, заставляя останавливаться.

В центре огромного зала был выставлен единственный предмет — чрезвычайно сложная машина, представляющая собой пульсирующий шар в сочетании с подпорками, балками, стенами и герметическими шлюзами. Все прожекторы были наведены на нее. Огромные рекламы провозглашали сто одно достоинство этой машины, как будто кто-то мог в них сомневаться:

«Поступило в продажу новейшее антирадиационное подземное убежище образца 1972 года!

Изучите отмеченные звездочками особенности:

* автоматический лифт для спуска, гарантированный от перекосов, действующий от автономного питания, легко запирающийся;
* трехслойный корпус с гарантией выдерживает пятикратное перенапряжение без деформации;
* отопительная и охладительная системы, работающие на атомной энергии; автоматическая система очистки воздуха;
* трехступенчатая система дезактивации продовольствия и воды;
* четырехступенчатая система обработки предожогового поражения организма;
* система полной обработки антибиотиками;
* льготные условия уплаты».

Он долго не мог оторвать свой взгляд от убежища. Больше всего оно напоминало огромный танк с трубообразной спускной шахтой у одного конца и аварийным люком для выхода с другого конца. Убежище было рассчитано на полную автономность. Это был как бы мир в миниатюре: с собственным агрегатом освещения и отопления, со своим запасом воздуха, воды, медикаментов и почти что неистощимыми запасами продовольствия. В нем было все необходимое и даже больше. Находясь в нем, семья была в безопасности, не испытывая никаких неудобств в условиях самого ужасного водородного или бактериологического нападения.

Цена — двадцать тысяч долларов.

Пока он созерцал в молчании эту внушительную выставку, один из продавцов вышел из магазина в темноту улицы, чтобы пойти в кафетерий.

— Ну что, сынок, — машинально сказал он, проходя мимо Майка Фостера, — неплохое убежище?

— Можно заглянуть внутрь? — быстро спросил Фостер. — Можно мне спуститься вниз?

Узнав мальчика, продавец остановился.

— Так ты тот самый, — сказал он, медленно выговаривая слова, — тот чертенок, который постоянно нам надоедает?

— Мне бы хотелось спуститься внутрь всего лишь на несколько минут. Честное слово, я ничего не сломаю. Я даже ни к чему не прикоснусь.

Продавец — молодой красавец-блондин немногим старше двадцати лет — колебался в раздумье. Парнишка привязался, как репей. Но у него были отец и мать, а это обстоятельство делало возможной продажу. Дела шли из рук вон плохо. Наступил конец сентября, и сезон кризиса еще не прошел. От того, что скажешь мальчику: «Не мозоль мне глаза», — ничего не прибудет. Однако, с другой стороны, от того, что всякая мелюзга будет ползать по товару, тоже пользы никакой.

— Нельзя! — произнес наконец продавец.— Пришли своего старика сюда. Видел он нашу выставку?

— Видел,— выдавил из себя Майк Фостер.

— Что же ему мешает? — Продавец широко взмахнул рукой в сторону сверкающего образца.— Мы на хороших условиях купим у него старое убежище с учетом амортизации и устарелой конструкции. Какого года у вас убежище?

— У нас вообще нет убежища,— ответил Майк Фостер.

Продавец заморгал.

— Может, зайдешь в другой раз?

— Отец говорит, что это пустая трата денег. Он говорит, что они пытаются запугать людей, чтобы те покупали ненужные им вещи. Он говорит...

— Твой отец — антиоборонец?

— Да,— с грустью ответил Майк Фостер.

Продавец тяжело вздохнул.

— Ладно, малыш. Жаль, что мы не можем иметь с тобой дело. Не ты виноват в этом.— Продавец немного замешкался.— А что стряслось с твоим отцом? Он что, жертвует только на патрульные самолеты?

— Нет!

Продавец шепотом выругался. Этот тип — просто заяц, ездящий за счет других. Он вне опасности, поскольку остальные члены общества жертвуют 30 процентов своих доходов на содержание постоянно действующей машины обороны. Такие субъекты встречаются в любом городе.

Майк Фостер не мог больше сдерживаться.

— Неужели нельзя спуститься туда хотя бы на минутку? Я ничего не сломаю. Только разок!

— А кто будет покупать наши изделия, если мы будем разрешать детям лазить по ним? Это не демонстрационная модель. Нам каждый раз слишком дорого обходится такая затея.

Однако у продавца пробудилось любопытство.

— Как это можно стать антиоборонцем? Он что, всегда придерживался этих взглядов или его кто-то укусил?

— Он говорит, что они продали людям столько автомобилей, стиральных машин и телевизоров, сколько те могли купить. Он говорит, что от патрульных самолетов и бомбоубежищ мало проку, поэтому люди никогда не будут покупать их столько, сколько могли бы. Он говорит, что заводы могут без конца выпускать пушки и противогазы и, пока люди будут жить в страхе, они будут платить за них. Ведь они думают, что если перестанут платить, то рискуют быть убитыми. Человеку может надоесть покупать каждый год новый автомобиль, но он никогда не перестанет покупать убежища, так как будет бояться за жизнь своих детей.

— А ты в это веришь? — спросил продавец.

— Как я хотел бы, чтобы у нас было вот такое убежище! — ответил Майк Фостер.— Я спал бы в нем каждую ночь.

— Может, и войны никакой не будет,— сказал продавец. Чутье подсказало ему, что мальчик несчастен и полон страха, и он добродушно улыбнулся ему с высоты своего роста.— Нельзя постоянно тревожиться. Ты, наверно, слишком часто смотришь видеоленты. Больше бывай на воздухе и играй.

— Наверху никто не может считать себя в безопасности,— сказал Майк Фостер.— Для этого надо спускаться под землю. А мне некуда спуститься.

— Уговори своего старика зайти к нам, — пробормотал продавец с чувством неловкости.— Может, мы сможем уговорить его купить убежище. Скажи, чтоб он спросил Билла О'Нилла. Ладно?

Майк Фостер пошел прочь от магазина в темноту вечерней улицы. Он знал, что ему уже следовало быть дома, но ноги едва несли его тяжелое, бесчувственное тело. Утомленный, он вспомнил слова преподавателя физкультуры, сказанные за день до этого на уроке. Класс упражнялся в задерживании дыхания во время бега. У Майка не клеилось: его соученики, покраснев от натуги, все еще бежали, удерживая воздух в легких, а он остановился, сделал выдох и стал судорожно глотать воздух.

— Фостер,— сказал тогда со злостью преподаватель,— ты мертв... Знаешь ты это? Если бы это случилось в момент химического нападения...— Горестно покачав головой, он сказал: — Отойди в сторонку и поупражняйся самостоятельно. Если хочешь остаться в живых, добейся лучших результатов.

Но Фостер и не думал остаться в живых. С веранды своего домика Майк увидел, что в гостиной уже горит свет. Оттуда доносился голос отца, голос матери был слышен гораздо слабее. Она была на кухне. Мальчик закрыл дверь и стал снимать пальто.

— Это ты? — спросил отец. Боб Фостер сидел, развалясь в кресле. На коленях лежало множество лент и отчетов из его розничного мебельного магазина.— Где ты пропадал? Обед ждет тебя целых полчаса.

Отец сидел без пиджака. Рукава его рубашки были засучены, открывая бледные, тонкие, но мускулистые руки. Отец был утомлен. Глаза у него были большие и темные, волосы уже поредели. Он беспокойно перекладывал ленты из одной стопки в другую.

— Извините,— сказал Майк.

Отец внимательно посмотрел на карманные часы.

— Иди вымой руки. Кстати, где ты так задержался? — Он пристально посмотрел на сына.— Что с тобой? Ты не болен?

— Я ходил в деловой квартал,— ответил Майк.

— Что ты там делал? — спросил отец.

— Смотрел последние образцы бомбоубежищ.

Отец в молчаливом негодовании схватил стопку отчетов и стал вкладывать их в папку. Его тонкие губы были сжаты, лоб прорезали глубокие морщины. Он яростно сопел, с трудом нагибаясь, чтобы собрать разлетевшиеся во все стороны ленты. Майк не сделал даже попытки помочь отцу.

Семья ела молча. Казалось, что все были поглощены едой и не замечали друг друга. Наконец отец сказал:

— Что же ты там видел? Все ту же старую рухлядь?

— Там выставлены последние модели 1972 года,— ответил Майк.

— Они ничем не отличаются от моделей 1971 года! — Отец со злостью бросил вилку.— Несколько новых приспособлений, немного больше хрома. Вот и все.

Вдруг он с вызовом обратился к сыну:

— Верно я говорю?

Майк возился с цыпленком под белым соусом.

— У новых моделей,— пояснил он отцу,— незаклинивающийся лифт. Он не застрянет в шахте на полпути. Стоит только войти в лифт, а все остальное делается автоматически.

— На будущий год выпустят лифт, который сам подхватит тебя и спустит в убежище,— сказал отец.— Эта модель устареет, едва она будет продана. Цель тут одна — заставить людей постоянно покупать новые модели убежищ. Они выпускают их одну за другой. Мы еще живем в 1971 году. Почему же продается модель 1972 года? Неужели нельзя подождать?

— Тогда давай купим старую модель,— выпалил Майк.— Мне все равно, какую. Можно даже подержанную.

— Нет, тебе хочется именно новую... Все в ней должно сверкать и блестеть, чтобы соседи были потрясены. В убежище должно быть побольше циферблатов со стрелками, ручек и всякого рода механизмов. Во что же обойдется покупка такой игрушки?

— Двадцать тысяч долларов.

Отец тяжко вздохнул. Всего двадцать тысяч на стол!

— Компания предоставляет льготные условия для покупки в рассрочку.

— Еще бы! — воскликнул отец.— Выплачивать придется до конца жизни. Еще проценты за рассрочку да дополнительные наценки. А на сколько дается гарантия?

— На три месяца.

— Что же будет при поломках? Прекратится подача очищенного, обеззараженного воздуха. Убежище развалится через три месяца.

Майк покачал головой.

— Нет, не развалится. Убежище большое и надежное.

Отец густо покраснел. Сам он был человеком небольшого роста, худым, легким и хрупким. Он вдруг вспомнил весь свой богатый неудачами жизненный путь. Нелегко ему было выбиться в люди. Ему приходилось копить каждый грош, уметь удерживать завоеванное: работу, деньги, розничный мебельный магазин. Начал он бухгалтером в нем, затем стал директором и, наконец, владельцем.

— На нас нагоняют страх, чтобы их дело не остановилось! — в отчаянии прокричал он жене и сыну.— Они боятся новой депрессии.

— Боб! — обратилась к нему жена спокойным и ровным голосом.— Пора прекратить эти споры. Это становится невыносимым.

Боб Фостер заморгал.

— О чем ты там говоришь? — пробормотал он.— Я устал. Эти проклятые налоги! Как трудно сейчас мелкому торговцу не разориться! Нам приходится нести такое тяжелое бремя конкуренции с большими универмагами. Нужен какой-то закон.— Голос его постепенно затих.— Пойду прилягу на диван и сосну.

Худое лицо его жены залилось яркой краской.

— Ты все же купишь убежище! Сплетни про нас стали совершенно невыносимыми. Куда бы я ни пошла, что бы я ни делала, повсюду слышу разговоры про нас. Мы последние во всем городе. Все, кроме нас, платят за эти машины, что кружат над головой.

— Нет,— отрезал Боб Фостер,— я не могу купить убежище.

— Почему?

— Потому что у меня нет денег,— прозвучал простой ответ.

Наступило молчание.

— Ты все деньги вложил в этот магазин,— произнесла наконец Руфь.— И, тем не менее, он доходов не дает. Подобно крысе, ты тащишь все в норку. Деревянная мебель уже никому не нужна. Ты превратился в своего рода анахронизм.

Боб Фостер тяжко вздохнул.

— Давайте не ссориться. Пойду-ка я в гостиную, сосну часок — другой. Может, поговорим об этом потом?

— Всегда потом,— с горечью сказала Руфь. Ее муж исчез за дверью гостиной.

Майк встал.

— Пойду готовить уроки,— сказал он и последовал за отцом. На лице его появилось странное выражение.

В гостиной было тихо. Видеоприемник был выключен, лампа висела низко. На кухне Руфь устанавливала контрольные приборы печи для приготовления пищи на будущий месяц. Сняв ботинки, Боб Фостер растянулся на диване. Голова его покоилась на подушке. От утомления его лицо приобрело землистый оттенок. Майк остановился в нерешительности, потом обратился к отцу:

— Можно задать тебе вопрос?

Отец что-то пробурчал, встряхнулся и открыл глаза.

— Что ты сказал? — спросил он.

Майк сидел, глядя ему в лицо.

— Расскажи еще раз, как ты давал советы президенту.

Отец привстал.

— Я президенту никаких советов не давал. Я просто поговорил с ним.

— Расскажи мне про это.

— Я же тебе рассказывал уже миллион раз.

— Как он выглядел? — спросил сын.

— Он выглядел...— начал отец свой рассказ, текст которого он выработал в течение многих лет и запомнил слово в слово,— он выглядел так же, как и теперь на экране видеоприемника. Правда, тогда он был как-то меньше.

— А зачем он сюда приезжал? — с жадным интересом спросил Майк, хотя знал всю историю до малейших подробностей.

Президент был его героем, человеком, которым он восхищался больше всего на свете.

— Президент путешествовал.— В голос отца прокралась горечь.— Он оказался здесь проездом.

— Что же это было за путешествие? — спросил сын.

— Он посещал все города страны.— Жесткие ноты усилились.— Президент интересовался тем, как у нас шли дела. Выяснял, достаточно ли мы купили патрульных истребителей и бомбоубежищ, доз противочумных прививок, противогазов и радиолокационных установок для отражения нападения. «Дженерал электроникс корпорейшн» только открывал свои огромные демонстрационные салоны и выставки, все там блестело, сверкало и было чрезвычайно дорого. Впервые выставлялись средства защиты для отдельных семей.

Губы отца скривились.

— Все эти средства продавались на льготных условиях, в рассрочку. Кругом рекламы, плакаты, прожекторы, бесплатные цветы и закуски для дам.

Майк часто дышал.

— В этот день в городе подняли флаг готовности,— сказал он с завистью.—В этот день он пришел к нам, чтобы вручить нам флаг. Все кричали от восторга. Кругом раздавались приветствия.

— Ты все это помнишь?

— Кажется, да,— сказал Майк.— Помню народ и крики восторга. Была жара. Это было в июне, не так ли?

— Да,— ответил отец,— это случилось 10 июня 1965 года. Это было большим событием. Не многие города получили тогда большой зеленый флаг. Люди все еще покупали автомобили и телевизоры.

— Президент ведь вручил флаг тебе, не так ли? — спросил сын.

— Собственно говоря, он вручил его всем нам, торговцам. Все это было устроено Торговой палатой. Своего рода конкуренция между городами: кто приобретет больше и быстрее. Задача заключалась в том, чтобы благоустроить город и одновременно стимулировать бизнес. Конечно, они тогда так ставили вопрос: если нам приходится покупать противогазы и бомбоубежища, то с ними надо бережно обращаться. Чудно, разве мы когда-либо ломали телефоны или тротуары? Разве мы наносили ущерб автострадам лишь потому, что их строил весь штат? Или взять, к примеру, армии. Они ведь всегда существовали. Разве правительство не всегда организует народ для обороны страны? Я полагаю, что оборона стоит слишком дорого. Возможно, они на нас экономят огромные средства и тем самым уменьшают государственный долг.

— Расскажи, что он тогда сказал,— прошептал Майк.

Отец пошарил в кармане, вынул трубку и дрожащими руками зажег ее.

— Президент тогда сказал: «Вот вам флаг, ребята. Вы сделали большое дело».

Боб Фостер задохнулся, когда едкие клубы дыма попали ему в горло.

— Лицо у президента было красное, но не от смущения, а от загара. Он потел и ухмылялся. Он умел владеть собой. Многих жителей знал по именам. Рассказал смешной анекдот.

Глаза мальчика расширились от благоговейного восторга.

— Он проделал такой долгий путь до нашего города, и ты говорил с ним,— сказал мальчик.

— Да, говорил,—ответил отец.— Кругом все выкрикивали приветствия. Подняли флаг, огромный зеленый флаг готовности.

— И ты сказал...

— Я ему сказал: «И это все, что вы нам привезли? Всего-навсего кусок зеленой материи?»

Боб Фостер непрерывно затягивался.

— Вот тогда-то я и стал антиоборонцем. Только в то время я еще не знал, что это такое. Я понял, что мы предоставлены самим себе. Нас связывал только кусок зеленой материи. Нам бы следовало почувствовать единство всей страны, всего народа — 170-миллионного народа, совместными усилиями готовящегося к обороне. А вместо этого мы представляем собой множество разрозненных городков, крошечных крепостей. Постепенный возврат к средневековью. Каждый городок должен набирать и содержать свою армию...

Боб Фостер с усилием принял сидячее положение. Его обнаженные костлявые руки были белыми. Худое лицо потемнело от утомления и покорности.

— Сколько стоит эта проклятая штука? — спросил он хрипло.— Я имею в виду это бомбоубежище.

Сердце Майка перестало биться.

— Двадцать тысяч долларов, — сказал мальчик.

— Сегодня четверг. Я пойду с тобой и матерью в субботу.

Боб выколотил свою тлеющую трубку.

— Купим его на условиях льготной рассрочки. Скоро в связи с осенью дела должны оживиться. В это время обычно покупают деревянную мебель в качестве рождественских подарков.

Он резко встал с дивана.

— Ну, решено?

Майк не мог говорить, он только кивнул головой.

— Отлично, — сказал отец с отчаянной веселостью. — Теперь тебе больше не надо будет разглядывать его сквозь витрину.

Убежище установили. Это обошлось дополнительно в двести долларов. Установку произвела скоростным методом бригада рабочих, одетых в коричневые спецовки. На спине у каждого надпись: «Дженерал электроникс». Задний двор был приведен в первоначальный вид. Земля и кустарник были возвращены на прежнее место. Поверхность заглажена, и под дверь квартиры почтительно подложили счет. Грузовик, доставивший убежище, прогремел вдоль улицы, и все снова затихло.

Майк Фостер стоял с матерью на заднем крыльце дома в окружении кучки соседей, восхищавшихся убежищем.

— Ну вот, — наконец сказала миссис Карлайл, — теперь и у вас есть убежище, да такое, что лучше и не найдешь.

— Это верно, — согласилась Руфь Фостер.

Она ощущала присутствие людей, сознавала, что находится в обществе; прошло немало времени с тех пор, как у них собиралось столько человек одновременно. Ее изможденное лицо выражало мрачное удовлетворение, почти обиду.

— Сразу чувствуешь себя по-иному, — резко сказала она.

— Да, конечно, — согласился мистер Дуглас, проживавший в конце улицы. — Теперь вам есть где укрыться.— Он поднял толстую книгу инструкций, оставленную рабочими. — Здесь говорится, что убежище может иметь запасы всего необходимого на целый год. Можно жить в нем в течение 12 месяцев, не вылезая. — Он восхищенно покачал головой. — Мое убежище старое, образца 1969 года. Оно годится только на шесть месяцев. Пожалуй бы...

— Для нас сойдет и это, — вмешалась его жена.

Но голос ее выдавал зависть и тоску.

— Можно нам спуститься и осмотреть убежище, Руфь? Ведь оно уже в состоянии готовности?

Майк выдавил из себя какой-то звук и рывками пошел вперед. Мать улыбнулась, поняв его желание.

— Он должен спуститься первым. Он первым осмотрит убежище: оно ведь куплено-то для него.

Осторожно, словно боясь прикоснуться к чему-либо, Майк вошел в шахту. Люк был велик для него. Он был рассчитан на взрослого мужчину. Как только мальчик очутился на полу спускного лифта, лифт стал спускаться и с легким вздохом нырнул по совершенно темной шахте к корпусу убежища.

Свет внизу включился автоматически. Убежище было совершенно пустым и лишенным украшений. Никаких запасов туда еще не поступало. Оно пахло лакокрасками и моторной смазкой: под мальчиком глухо стучали генераторы. С приходом Майка автоматически включилась система очистки и обеззараживания воздуха. Установленные на голой бетонной стене счетчики и циферблаты внезапно ожили.

Мальчик сел на пол и подобрал колени к подбородку. Лицо его было серьезно, глаза широко открыты. Слышны были только генераторы, другие звуки не доходили. Майк готов был остаться здесь навсегда, на вечные времена, не двигаясь с места. Убежище было полностью укомплектовано. Теперь он ни в чем не нуждался и ничего не боялся. Под ним лишь урчали генераторы, вокруг были голые, ничем не украшенные стены.

Вдруг он закричал. Его громкий, торжествующий крик эхом пронесся по помещению, отдаваясь от одной стены к другой. Это эхо оглушило его. Он плотно закрыл глаза, крепко сжал кулаки. Сердце наполнилось радостью.

Школьники обо всем узнали еще до прихода Майка в класс на следующее утро. Они приветствовали его, когда он подходил к школе. Все при этом радостно улыбались и подталкивали друг друга локтями.

— Правда, что твои родители приобрели новое убежище «Дженерал электроникс» модель «С-72»? — спросил Эрл Питерс.

— Правда, — ответил Майк. Его сердце при этом наполнилось спокойной уверенностью, какой он раньше не знал. — Заходите как-нибудь, — сказал он намеренно небрежно, — я вам его покажу. — И он прошел мимо, чувствуя на себе их завистливые взгляды.

— Ну, Майк, — сказала миссис Каммингс в конце дня, когда мальчик уходил домой, — каково у тебя настроение теперь?

Остановившись у стола учительницы, Майк почувствовал прилив застенчивости, но и также спокойной гордости.

— Настроение хорошее, — признался он.

— А твой отец сделал взнос на содержание патрульных истребителей?

— Да, сделал.

— А у тебя есть пропуск в школьное убежище?

Счастливый, он показал учительнице небольшой голубой браслет на запястье.

— Отец почтой послал чек в городской банк на все мероприятия сразу. При этом он сказал, что раз уж он купил убежище, то внесет деньги и за все остальное, — сказал мальчик.

— Теперь у тебя есть все, что и у других школьников, — улыбнулась ему через стол пожилая учительница. — Я рада за тебя. Теперь ты «прооборонец», хотя такого термина не существует. Ты... такой же, как все.

На другой день радиогазеты-автоматы сообщили очередную сенсацию: первое сообщение о новой советской буравящей шрапнели.

Боб Фостер стоял посреди гостиной, держа газетную ленту в руках. Его худое лицо раскраснелось от ярости и отчаяния.

— Проклятие, это настоящий заговор!

Ошеломленный, он буквально в бешенстве выкрикнул эти слова.

— Едва мы успели купить эту штуку, как вот что случилось. Вот смотри! — Он сунул ленту в руки жены. — Я ж тебе говорил, что так оно и будет!

— Я уже видела, — сказала Руфь со злостью. — Неужели ты полагаешь, что весь мир так и стоит на месте ради тебя? Они ведь постоянно совершенствуют оружие, Боб. На прошлой неделе сообщили о хлопьях, проникающих сквозь поры вещества. Теперь речь идет о буравящей шрапнели. Неужели ты думаешь, что они остановят колесо прогресса ради того, что ты наконец уступил и решил купить убежище?

Муж и жена смотрели друг на друга.

— Что теперь делать? — тихо спросил Боб Фостер.

— Я слышала, будто они собираются выпускать адаптеры, — сказала Руфь, идя в кухню.

— Какие там еще адаптеры?

— Чтобы не надо было покупать новые убежища. По видеоэкрану была рекламная передача. Сейчас собираются выпустить на рынок какую-то металлическую решетку. Дело за правительством, которое должно одобрить ее. Решетку кладут на землю, и она перехватывает буравящую дробину. Решетка создает своего рода завесу, которая заставляет дробины взрываться на поверхности, не давая им пробуравливать стены убежища.

— А сколько это будет стоить?

— Цена еще не объявлена.

Майк Фостер, сгорбившись, сидел на диване и слушал разговор родителей. Он узнал обо всем еще в школе. Это было как раз во время урока по распознаванию диких ягод. Они изучали образцы диких ягод в пробирках, чтобы уметь отличить съедобные от ядовитых, как вдруг прозвучал звонок, возвещающий об общем собрании. Директор огласил сообщение о буравящей шрапнели, а затем прочитал очередную лекцию по оказанию неотложной помощи при заражении новыми, недавно выведенными тифозными бациллами.

...Родители еще не кончили спор.

— Придется купить решетку, — спокойно заявила Руфь Фостер. — Если у нас не будет решетки, это все равно, что у нас не будет убежища. Буравящая шрапнель специально предназначена для проникновения сквозь поверхность и самонаведения на тепло. Как только русские приступят к ее массовому производству...

— Куплю решетку! — сказал Боб Фостер. — Куплю решетку против буравящей шрапнели и все, что бы ни выпустили. Куплю все, что имеется в продаже. Буду безостановочно покупать все.

— Зачем впадать в панику?

— Между прочим, эта игра имеет одно бесспорное преимущество перед сбытом автомобилей и телевизоров. Такого рода товары просто приходится покупать. Это не предмет роскоши, это покупается не для того, чтобы поразить соседей чем-то грандиозным и ярким, без чего можно обойтись. От покупки этих предметов зависит сама жизнь, без них мы погибнем. Ведь всегда говорилось: чтобы продавать, следует нагнать на людей страх, внушить им чувство неуверенности — сказать, что от них дурно пахнет или что они смешно выглядят. Но эта затея почище всего предыдущего: никакое средство от пота или для ращения волос с ней не сравнится. Если не купить, то погибнешь. Самый убедительный довод в пользу покупки: покупай или погибай! — таков новый девиз в торговле. Установи у себя во дворе сверкающее, последней модели убежище от водородных бомб фирмы «Дженерал электроникс» или же погибай.

Боб Фостер положил голову на кухонный стол:

— Ладно, сдаюсь, поплыву по течению до конца. Я куплю эту проклятую решетку к рождеству, да и все тоже будут покупать.

Решетчатые адаптеры-завесы фирмы «Дженерал электроникс корпорейшн» произвели сенсацию.

В сумерках Майк Фостер медленно шел по улицам, полным народа. Был декабрьский вечер. В каждой витрине сверкали решетки всевозможных форм и размеров, для всех типов убежищ. Решетки были на любую цену, доступные для любого кошелька. Толпа на улицах была веселая и возбужденная, обычная рождественская толпа: добродушно толкавшие друг друга люди, нагруженные пакетами и одетые в теплые пальто. Воздух был белым от снега, взлетавшего с земли при каждом порыве ветра. Автомобили осторожно пробирались по запруженным улицам. Повсюду сияли огни и неоновые рекламы, сверкали огромные витрины.

Дом Майка был погружен в темноту и молчание. Родители еще не вернулись. И отец и мать работали в магазине. Дела у отца шли плохо, и мать заменяла одного из клерков.

Дома Майк оставался недолго. Сердце его билось от волнения. Он ощупью вышел через заднюю дверь на крыльцо, выходившее во двор.

Каждый день, едва возвратившись домой, он спускался в убежище под землю, скрытый и защищенный в его безмолвном стальном корпусе. Все повторялось, как и в первый день. Только теперь камера была снабжена всем необходимым и не была пустой, как тогда, когда он спустился в нее впервые. В ней было бесчисленное количество консервов, подушек, книг, видеолент, лент звукозаписи, репродукций на стенах, ярких тканей и даже ваз с цветами.

Он проводил два счастливейших часа в убежище в полном одиночестве. После обеда он спешил обратно и оставался там до того часа, когда надо было укладываться спать. Иногда поздно ночью, когда родители давно уже спали, он тихо вставал, украдкой отправлялся к шахте убежища и спускался в тишину глубины. Там он прятался до утра.

Он неуверенно спустился по ступенькам крыльца и замер. Перед ним вырисовывалась огромная зияющая пропасть. В небо глядела широко открытая пустая, беззубая пасть. Больше ничего не было. Убежище исчезло.

Он застыл на месте. Время как бы остановилось. Мальчик ничего не видел. Он стоял неподвижно, тело его утратило гибкость — оно окаменело. Он продолжал глядеть в огромную яму, в которой когда-то было установлено убежище.

Около него вдруг оказался отец.

— Ты давно здесь? — спросил отец. — Сколько времени ты здесь стоишь, Майк? Ответь мне, сынок!

Сделав огромное усилие, Майку удалось оторваться от ямы и войти в дом.

— Ты рано вернулся, — пробормотал мальчик.

— Я нарочно пораньше ушел из магазина. Мне хотелось быть здесь к твоему приходу, — сказал отец.

— Убежища больше нет.

— Нет его, — сказал отец холодным, безжизненным голосом.— Убежища больше нет. Извини меня, Майк, я позвонил в контору фирмы и попросил, чтобы его взяли.

— Почему? — спросил Майк.

— Я не мог уже выплачивать оставшиеся взносы. На рождество теперь все покупают эти решетки. Я не в состоянии конкурировать с фирмами, торгующими решетками.

На время отец замолчал, а потом продолжал с горечью в голосе:

— Фирма еще порядочно со мной обошлась. Мне вернули половину затраченных денег.— В голосе его прозвучала горькая ирония.— Я знал, что если возвращу убежище до наступления рождества, то фирма не прижмет меня окончательно к стене. Убежище ведь можно перепродать.

Майк молчал.

— Постарайся понять,— сурово продолжал отец.— Вопрос стоял так: или убежище, или магазин. Если бы мы лишились магазина...

— Мы бы лишились всего остального,— закончил мысль мальчик.

Отец схватил Майка за руку.

— Тогда мы все равно лишились бы убежища.— Его тонкие, сильные пальцы судорожно впились в руку сына.— Ты ведь взрослеешь, пора бы понимать. Мы еще купим убежище попозже, возможно, не самое большое и дорогое, но все-таки какое-нибудь купим. Мы совершили ошибку, Майк. Мне оно оказалось не под силу, особенно когда нужно было покупать еще эти чертовы адаптеры. Но я продолжаю платить за патрульные истребители и делаю взносы за твое место в школьном убежище. Это не вопрос принципа,— закончил он свою речь с отчаянием в голосе.— Мне просто не под силу. Тебе понятно, Майк? Я не мог поступить иначе.

Майк высвободил свою руку и пошел к выходу.

— Куда ты? — Отец устремился за мальчиком.

Ответа не было. Пронизывающий ночной ветер поднял вихри снега вокруг него. Ветер и тьма. Больше ничего.

Билл О'Нилл устало посмотрел на стенные часы. Половина десятого. Наконец-то он мог закрыть двери, запереть огромный сверкающий магазин и очутиться в гомоне и толкотне толпы! Люди спешили с работы домой.

— Слава богу! — вздохнул он, открывая дверь, чтобы выпустить последнюю покупательницу — пожилую даму, нагруженную множеством свертков и подарков. Он задвинул код-щеколду и спустил занавес.— Ну и толпа! Никогда у нас не было столько народу.

— На сегодня все,— сказал Эл Коннерс, стоявший у кассы.— Я сосчитаю деньги, а ты обойди помещение и проверь, все ли в порядке. Убедись, что все до одного вышли.

О'Нилл откинул назад свои светлые волосы и сделал галстук посвободней. С чувством удовлетворения он зажег сигарету и стал делать обход, проверяя исправность выключателей. Он выключил внушительные экспонаты и приборы, выпускаемые фирмой «Дженерал электроникс корпорейшн». Наконец он подошел к огромному бомбоубежищу, занимавшему всю центральную часть этажа.

По лестнице он поднялся к шахте и встал на площадку лифта. Лифт опустился с мягким шипением, и секундой позже Билл оказался в пещероподобной камере убежища.

В одном из уголков сидел, сжавшись в комочек, Майк Фостер. Он положил подбородок на колени и обхватил щиколотки худыми руками.

— О, боже! — воскликнул О'Нилл.— Да это же тот самый малец!

Майк молчал. Он еще крепче обнял ноги и глубже погрузил свое лицо в колени.

— Какого черта ты здесь?— спросил О'Нилл. Он был и удивлен и зол одновременно. Его негодование росло.— Кажется, твои родители уже приобрели такое убежище? — Потом он вспомнил: — Совершенно верно, но нам пришлось взять его обратно.

На лифте спустился Эл Коннерс.

— Чего ты там застрял? Давай выберемся отсюда и...— Увидев Майка, он замолк.— Что он здесь делает? Выпроводи его, и пошли по домам.

— Пойдем, мальчик,— ласково сказал О'Нилл.— Пора домой.

Майк не двигался.

Мужчины посмотрели друг на друга.

— Кажется, его придется силой вытаскивать отсюда,— сказал Коннерс мрачно.

Он снял пиджак и бросил его на дезактивирующий прибор.

Потребовались усилия обоих мужчин. Мальчик отчаянно сопротивлялся. Он цеплялся и боролся молча. Царапался, брыкался, бил кулаками, кусался. В мрачном молчании мужчины ловко донесли мальчика до главного выхода, выбросили на улицу и сразу же задвинули дверные болты.

— Уф! — вздохнул Коннерс, опустившись на стул около прилавка.

Рукав у него был порван, на щеке кровоточил глубокий порез, очки висели на одном ухе, волосы были взъерошены. Он был в полном изнеможении.

— Может, позвать полицию? С этим мальчишкой что-то неладное.

О'Нилл стоял у двери, с трудом переводя дыхание и глядя в темноту. Ему был виден сидящий на тротуаре мальчик.

— Он все еще там,— тихо проговорил он.

Люди толкались, обходя мальчика с обеих сторон. Наконец один из них остановился и поднял его на ноги. Мальчик вырвался и исчез в темноте. Мужчина собрал свои свертки, задержался на момент, а затем пошел дальше. О'Нилл отвернулся.

— Что за чертовщина! — проговорил О'Нилл, вытирая лицо носовым платком.— Дал он нам жизни.

— Что с этим мальчишкой? Ведь он ни слова не проронил.

— Рождество — самое неподходящее время для того, чтобы возвращать купленные вещи,— сказал О'Нилл. Дрожащей рукой он взял свое пальто.— А жаль. Я хотел бы, чтобы убежище осталось у них.

Коннерс пожал плечами:

— За прекрасные глаза?

— Почему, черт побери, мы не можем войти в их положение? Ведь можно было бы...— О'Нилл еле выдавил слово.— Ведь можно было бы уступать таким людям убежища по оптовой цене.

Коннерс злобно посмотрел на него.

— По оптовой цене? Тогда все захотят по оптовой цене. Это будет несправедливо. А кроме того, сколько мы при этом продержимся? Сколько «Дженерал электроникс корпорейшн» продержится, ведя дела таким образом?

— Думаю, не очень-то долго,— нехотя согласился О'Нилл.

— Шевели мозгами! — Коннерс отрывисто засмеялся.— Тебе надо выпить чего-нибудь. Пойдем в кладовую, там у меня в шкафу припрятана бутылка виски «Хейг и Хейг». Согреешься перед тем, как идти домой. Выпьешь и сразу почувствуешь себя лучше.

...Майк Фостер бесцельно бродил по темной улице в толпе людей, спешивших с покупками домой. Он ничего не замечал, люди его толкали, но он даже не ощущал их присутствия. Кругом горели огни, раздавался смех, слышались гудки автомобилей и звон сигналов. Майк совершенно отупел, мозг ни на что не реагировал, как у мертвого. Он шел, как автомат, ничего не соображая и не чувствуя.

Справа от него на фоне глубокой ночной темноты мигала ослепительная неоновая вывеска, огромная, яркая и многоцветная:

«Да будет мир на земле, да восторжествует добрая воля среди людей!

Общественное убежище. Плата за вход 50 центов».

Перевод с английского
Ю. В. СЕМЕНОВА и В. В. КРИВОЩЕКОВА.

ЗАМЕТКИ О СОВЕТСКОЙ АРМЕНИИ

Н. А. МИХАЙЛОВ

...Внуково. Дует злой зимний ветер. Кутаясь, пассажиры спешат в кабину «ТУ-104». Менее чем через три часа самолет доставляет нас в Тбилиси. Здесь яркий день, сияет солнце, сверкает зелень, поют птицы.

Из Тбилиси, теперь уже на самолете «ИЛ-14», держим путь на Ереван. Видимость отличная. Проходит немного времени — и под крылом ослепительно белеют покрытые снегом горные вершины. Две крошечные фигурки, еле различимые сверху, ползут на гору. За ними тянется ниточка — лыжный след.

Путь от Тбилиси до Еревана короток. Примерно через 25—30 минут после вылета с аэродрома самолет уже подходит к знаменитому Семеновскому перевалу; места эти связаны с именем Пушкина, с его путешествиями. Слева открывается голубая чаша Севана. Даже с высоты почти в 3 тысячи метров с самолета видно, как на озере колышутся волны.

В Ереване так же солнечно, как и в Тбилиси. Привычная для южных городов картина—множество людей на улицах, большое оживление.

— Еще бы! — скажут вам ереванцы.— В 1922 году в городе было всего лишь около 20 тысяч населения. Теперь — почти полмиллиона человек.

...На площади имени Ленина открыта республиканская промышленная выставка. Здесь представлены богатства недр Армении. В миниатюре показана трудовая жизнь республики, полная энтузиазма, творчества, такая же, какую можно увидеть в любом уголке Советской страны.

Выставка убедительно повествует о том, какие громадные преобразования произошли в Армении за годы Советской власти, как индустриализация республики, перестройка деревни изменили лицо Армении, на какие широкие просторы вышел ее народ.

Вот цветной металл. Поблескивают желтые слитки меди, белые слитки алюминия. Широко представлены строительные материалы — начиная от знаменитого, различных цветов туфа и кончая превосходными образцами мрамора.

В одном из залов — многочисленные образцы электрооборудования, электромоторов, передвижные электростанции, распределительные щиты, кабель различного сечения. Здесь же на стене —карта: некоторые изделия промышленности, в частности, электрооборудование, вывозятся из республики почти в 50 стран мира.

Многие ли знают, что в Армении за 1928—1956 годы капиталовложения в народное хозяйство составили почти 10 миллиардов рублей; что выработка электроэнергии уже в 1940 году почти в 80 раз превысила уровень 1913 года; что по производству электроэнергии на душу населения Армянская ССР обогнала Францию и Бельгию. Как неумело порой рассказываем мы, агитаторы, о наших успехах в строительстве новой жизни!

Создание индустрии, естественно, привело к большому росту численности рабочих. В Армении в промышленности, строительстве и на транспорте занято теперь до 150 тысяч человек.

Несколько лет назад мы были в одном из сельских районов республики. Стояла замечательная осенняя пора. Земля щедро отдавала труженику свои дары. Всюду было полно зерна, фруктов, всюду кипел радостный, действительно свободный, действительно социалистический труд.

Теперь, в результате предпринятых ЦК КПСС мер по крутому подъему сельского хозяйства страны, еще значительней стали изменения в колхозах Армении. Свежие и непосредственные впечатления лучше всего подтвердить строгими свидетелями — цифрами. Вот они.

Динамика роста основных фондов и денежных доходов колхозов Армянской ССР (в млн. руб.)

	1932 г.	1940 г.	1950 г.	1956 г.
Основные фонды на конец года	31,4	239,0	687,0	1 011,0
Неделимые фонды	—	269,0	819,0	1 150,0
Денежные доходы	21,7	225,0	422,0	748,0

Тут вспоминается один исторический документ — другое в нем отражено время, другая жизнь. В своей телеграмме В. И. Ленину от 12 октября 1918 года Г. К. Орджоникидзе сообщал:

«Положение Армении трагическое, на небольшом клочке двух уездов Эриванской губернии скопилось 600 тысяч беженцев, которые гибнут массами от голода и холеры. В завоеванных уездах турки повырезали половину населения в Карабахе. Шушинский и Зангезурский уезды оба завоеваны турками. Население оказывает упорное сопротивление... Армянское население ждет помощи от Советской России».

Это время прошло.

Где богатеет жизнь, там расцветает культура.

Сравнительно недавно в Москве проходила декада литературы и искусства Армении. Тогда можно было увидеть, какого поистине замечательного расцвета достигла культура армянского народа. Но тогда был праздник, смотр. А что теперь, в будни?

По соседству с промышленной выставкой — залы выставки изобразительного искусства. Заглянем сюда в этот обычный день. На выставке широко представлены живопись, скульптура, графика. Рядом с такими известными мастерами, как М. Сарьян, Г. Гюрджян, А. Коджоян, выступает молодежь. На выставке можно видеть крупные полотна, главным образом связанные с темами борьбы народа Армении за победу социализма. Но особенно интересна пейзажная живопись.

Надо заметить, что слабо представлена портретная живопись. Среди работ этого жанра почти нет портретов замечательных рабочих и работниц, колхозников и колхозниц, многочисленных представителей технической интеллигенции, — а ведь это они, герои сегодняшнего дня, труженики Советской страны, своим трудом создают ее богатства, увеличивают ее могущество.

По соседству с залами выставки современного искусства расположены залы, в которых показаны полотна основоположника армянского реалистического пейзажа, представителя демократической интеллигенции конца XIX — начала XX века Г. Башинджагяна.

Известно, что многие замечательные деятели искусства Армении были связаны с лучшими представителями русской демократической интеллигенции. Ученик известного русского

У ильичевцев

Все началось с того, что один из номеров многотиражной газеты «Экономист» Московского государственного экономического института попал на завод имени Владимира Ильича. Газетой заинтересовались молодые рабочие, участники литературного объединения «Ильичевец».

Этому литературному объединению — 27 лет. С ним связаны имена Демьяна Бедного, Юрия Либединского, других известных писателей и поэтов. Здесь они бывали, здесь черпали образы и темы для своих произведений.

— Давайте зайдем к студентам, поговорим, познакомимся, — решили заводские литераторы. — Ведь это те самые студенты, что бывают у нас на практике.

И вот в редакции «Экономиста» сидят ильичевцы.

Знакомство началось с чтения студенческих стихов. Студенты дают слово Виктору Самарину. Он уже печатается в центральных газетах и журналах.

Убедительно и искренне звучит небольшая поэма «Обложка для партийного билета». Случай, о котором говорится в поэме, действительно был в жизни Виктора.

...Отец, умирая, передает сыну-комсомольцу старую обложку своего партийного билета. Сын, как эстафету, принимает вместе с обложкой то дело, за которое боролся его отец-коммунист.

Поэт говорит, что обложка партийного билета —

Единственное частное
наследство,
Которому цены не положить!

Ледок настороженности растаял, стихотворение дошло до сердца слушателей.

— Прочтите еще что-нибудь, — просят гости.

Читали по кругу. Следующей была Маша Кладницкая.

Весеннее настроение, еще неясное, пробуждающееся чувство звучат в четверостишии:

Когда деревья от капли любой
Вздрагивают после сна,
Когда еще не совсем любовь
И не совсем весна...

— А теперь твоя очередь,— обращаются студенты к Мише Колпакову.

— Я прочту стихотворение «Вор».

Технические несовершенства стихотворения искупаются интересной темой, внутренней взволнованностью. Все же гости отмечают, что автору нужно как следует поработать над строчкой.

...Написать тебе что-то такое
хорошее,
Чтобы даже себя удивить.

Это читает студентка Наташа Бармина.

Большие, со следами машинного масла руки Игоря Фролова, электромонтера по профессии, бережно вынимают из кармана ученическую тетрадь.

— Ну что ж, теперь нам читать,— говорит он.

...Хорошо идти с работы
по аллеям пожелтелым.

Радует подкупающая искренность, с которой он говорит о своем деле, о родном заводе. Радует и его рассказ «Жиган» —

художника Клодта, Башинджагян вырос в Академии художеств в Петербурге. Большое влияние на Башинджагяна и его творчество оказали такие мастера, как Репин, Перов, Ге, Крамской.

Выставка старого мастера привлекает большой художественностью, разнообразием работ; они дышат любовью к родине, уважением к человеку. Художник как бы напоминает творческой молодежи: соединяйте в себе высокую идейность, мастерство, будьте взыскательными к себе.

Очевидно, в недалеком будущем выставку Г. Башинджагяна увидят москвичи. В каждой братской советской союзной и автономной республике есть большие духовные ценности. Надо наладить широкий обмен этими ценностями, лучше использовать богатые возможности. В первую очередь такую работу должны вести министерства культуры, творческие союзы.

Советский зритель справедливо недоволен тем, что на сценах наших театров мало пьес, посвященных современности. Некоторые литераторы и режиссеры предпочитают уходить в глубокую историю вместо того, чтобы создавать произведения, наполненные горячим дыханием сегодняшнего дня.

Тем более приятно, что на сцене одного из лучших театров Армении, драматического театра имени Сундукяна, можно увидеть новую пьесу Г. Боряна «Под одной крышей». Произведение это повествует о борьбе за установление Советской власти в Армении. Под одной крышей — одна семья. Разными путями пошли два брата из этой семьи. Один оказался дашнаком, другой борется за Советскую власть.

В пьесе много острых ситуаций. Шаг за шагом раскрывает она характеры людей, противопоставляя старое новому, благородство — низости, мужество — подлости, показывая неизбежную победу народа.

С глубоким волнением и интересом следят зрители за событиями, развертывающимися на сцене. Бурными аплодисментами встречаются заключительные слова пьесы: «Армения, встает твой новый день». Спектакль вызывает патриотические чувства, воскрешая страницы недавнего прошлого, показывая, каким путем была добыта народом желанная свобода.

Если у вас есть время, зайдите на выставку, посвященную истории театрального искусства армянского народа. В воскресные дни здесь всегда многолюдно. Один из первых армянских театров, свидетельствуют историки, был создан недалеко от Еревана, в Арташате — древней столице Армении. В память об этом событии колхозники расположенного здесь Эчмиадзинского колхоза построили Дом культуры.

Богатая коллекция выставки театрального искусства наводит на мысль о том, что пора издать альбомы-монографии, посвященные искусству театра братских народов нашей страны. В Татарии, между прочим, так и сделали, выпустив недавно хорошее, альбомного типа, с множеством иллюстраций издание, посвященное развитию театрального искусства республики.

Но не только в драматических театрах Армении появились новые произведения. На сцене оперного театра идет опера композитора А. Бабаева «Орлиная крепость». В ней рассказывается о жизни колхоза, о конфликтах и противоречиях, возникающих в ходе борьбы за утверждение нового. Хороши в опере арии, хоры. Запоминается полная сердечности и любви песня о Ленине.

У творческой интеллигенции Армении, так же как и других наших братских республик, широкие планы. Она живет большой, полнокровной жизнью. В Союзе писателей — 195 человек, в Союзе художников — 229, в Союзе композиторов — около 80 человек. В беседах с писателями, художниками нам пришлось слышать такие пожелания:

— Не слишком ли много в республике литераторов, художников, композиторов, которые стали профессионалами? Не лучше ли, чтобы литераторов-профессионалов было бы меньше; чтобы некоторые литераторы, художники, композиторы совмещали свой творческий труд с трудом на предприятии, в научном учреждении, в учебном заведении?

Многие товарищи озабочены и тем, что творческая интеллигенция живет только в Ереване, редко бывает в районах и городах республики.

Одна из драгоценных черт творческой жизни республики — интерес к творчеству других союзных республик, глубокая заинтересованность в развитии искусства и литературы Грузии, Азербайджана.

Недавно киностудия Армении закончила работу над фильмом, посвященным революционеру, известному своим бесстрашием, легендарному Камо. Товарищи из Армении сочли необходимым немедленно познакомить с этим фильмом грузинских друзей. Картина вызвала положительную оценку, и грузинские товарищи радовались успехам студии Армении. В свою очередь, кинематографисты Грузии послали в братскую Армению новый фильм «Отарова вдова», сделанный по широкоизвестной повести И. Чавчавадзе.

Советская многонациональная социалистическая культура развивается как культура, в которую каждый народ советской Родины — будь он малый или большой — вносит свой вклад, свою долю таланта, труда, мастерства. То, что советская культура создается заботами, творчеством, мастерством всех народов нашей страны, обеспечивает ее бурное развитие.

В Ереване заканчивается строительство нового здания Матенадарана — хранилища древних рукописей: как в Армении, так и в Грузии имеются превосходные собрания таких рукописей.

Матенадаран расположен у подножия склонов Канакерского плато. Здание замыкает перспективу проспекта Сталина. К зданию ведет широкая каменная лестница с площадками и пантусом. Склоны перед сооружением будут озеленены. Архитектор М. В. Григорян, создавая книгохранилище, отыскивая в формах национальной архитектуры строгие пропорции, добивался четкости и лаконизма.

По обе стороны портала — высокие ниши. Между нишами и порталом — скульптуры великих деятелей древней культуры Армении: Мовсеса Хоренаци, Анании Ширанаци, Егише, Мхитара Гоша, Фрика и Торса Рослина. Устанавливается также скульптурная композиция, посвященная создателю армянской письменности — Месропу Маштоцу.

Матенадаран является символом того, с какой любовью и уважением относится народ Армении к своим духовным сокровищам, с какой любовью и заботой относится он к развитию своей культуры, к созданию новых произведений литературы, живописи, театра, музыки, кино.

Во всем, что происходит сегодня в Армении, в героической будничной работе ее народа — непреложное доказательство того, какой широкий путь вперед по дороге счастья открыт перед всеми народами Страны Советов.

о первой любви молодого рабочего.

Токаря Альберта Кубарева хорошо знают на заводе. В литературное объединение он пришел со стихотворением «Белояннис жив». Оно трогало своей непосредственностью. После службы в армии Альберт вернулся на завод. Сейчас он пишет рассказы.

Рабочему Леониду Ковлеру есть о чем рассказать читателю. За плечами служба на флоте, трудная, но почетная работа советского военного моряка. Она отразилась и в тематике его произведений.

Так состоялось это знакомство, перешедшее затем в творческую дружбу. А вскоре студенты пришли на завод. На этой встрече решили объединиться для совместной работы. Спора о названии нового литобъединения не было. «Ильичевец» — так решили все: студенты и рабочие. Пусть различны их профессии и возраст — от ветерана трех революций Марка Князева, автора песни «Новые Черемушки», до восемнадцатилетнего Топилина, первокурсника института. Их объединяет одно — желание внести в литературное творчество что-то новое, рассказать по-своему о виденном, пережитом.

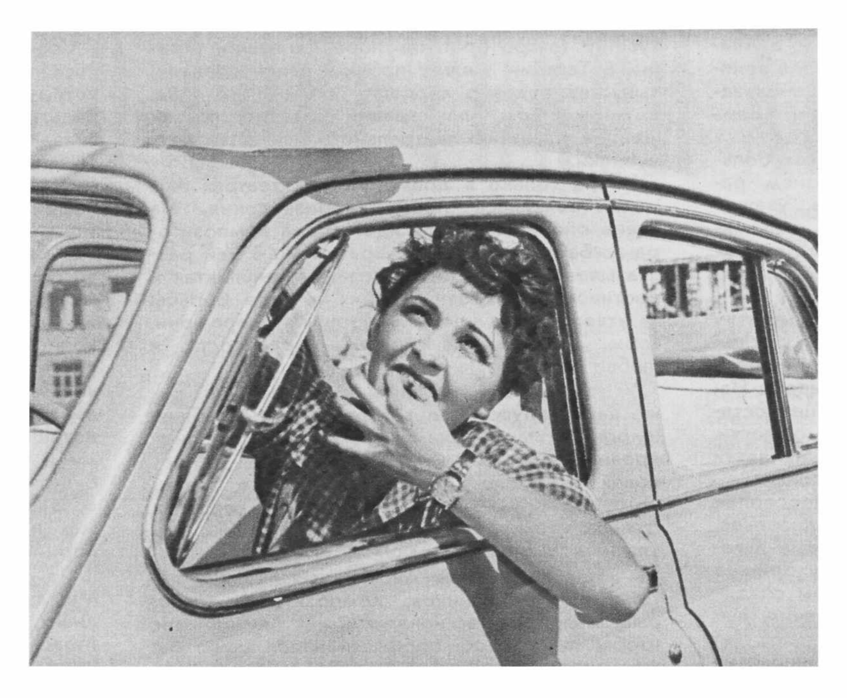
Вышел первый сборник стихов институтских поэтов «Говорит молодость», посвященный XIII съезду комсомола. Следующий сборник — так решили участники литобъединения — включит произведения студенческих и рабочих авторов.

Г. ГАЛАХОВ,
Н. ПОСЫСАЕВ

→ Стихи читает студентка Наташа Бармина.
Фото Б. Кузьмина.

Начало ПУТИ

Кадр из фильма «Заноза». Лия — Л. Абашидзе.

Тепло встречая полюбившихся ему молодых артистов, зритель часто задает вопрос: а как это началось, когда и при каких обстоятельствах артист впервые проявил склонность и способность к своей профессии? В творческой биографии каждого — будь то зрелый мастер сцены или молодой актер — такой момент незабываем. Это и есть то начало начал, за которым обязательно следует упорный и кропотливый труд и происходит рождение художника.

Четыре роли

Молодая актриса кино Лейла Абашидзе с детства отличалась веселым и озорным нравом, и, как ни странно, это и определило ее будущую профессию.

Однажды в тбилисской газете появилось объявление: киностудия ищет девочку с резвым характером на роль Като в фильме «Каджана». Когда родные Лейлы привели ее на киностудию, там уже собралось много девочек. И пока дошла очередь до Лейлы, «героиня» была найдена. Девочка не очень огорчилась: выйдя из комнаты, она свистнула, уселась на перила винтовой лестницы и лихо съехала вниз, чуть не сбив с ног по дороге мужчину.

— Ты девочка или коза? — сердито закричал тот.

А потом схватил ее за руку и потащил наверх. Лейла испугалась, заплакала, стала просить прощения — все было тщетно. Она вновь очутилась в зале, который только что бесславно покинула.

— Наконец я нашел Като для нашего фильма! — сказал пострадавший и представил ее собравшимся.

Это был Константин Пипинашвили, постановщик фильма «Каджана». Так девятилетняя Лейла получила первую роль в кино.

Ну, а позднее Л. Абашидзе окончила театральный институт и снималась в центральных ролях в комедийных фильмах «Стрекоза» и «Заноза» и в одной из ролей в фильме «Наш двор». Последний из них был удостоен Международной премии (золотая медаль) на VI Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве.

В каждой кинокартине это были наши, советские девушки, жизнерадостные, правдивые душою, с характером неспокойным, с разной судьбою, разной линией поведения. Единственная дочь, избалованная в семье, чуть легкомысленная Марине — Стрекоза, которой трудно дается выбор жизненного пути; Манана из «Нашего двора», пережившая свое первое горе; Лия — шофер, прозванная «Занозой» за свой острый язык и принципиальность,—таковы образы, созданные молодой артисткой за короткий период ее работы в кино.

Ан. ФИНОГЕНОВ

«Гамлет» В. Шекспира в Московском театре имени Маяковского. Гамлет — М. Козаков.
Фото Г. Кмит.

Актер дебютирует в Гамлете

На летние каникулы школьник Михаил Козаков поступил статистом в настоящий театр. И в первом же спектакле, «Флаг адмирала», ему поручили... семь ролей. Задание было ответственное, а роли очень разные: австрийский эрцгерцог, греческий матрос, казак, русский матрос, англичанин...

«Самое главное было,— вспоминает Михаил, — не перепутать костюмы, вовремя успеть переодеться и не опоздать к выходу на сцену».

С этими чудесами трансформации школьник справился так искусно, что затем твердо решил посвятить свою жизнь театру.

Школа окончена. Козакова приняли в студию Московского художественного театра. Скоро в фильме «Убийство на улице Данте» он снимался в роли французского юноши Шарля Тибо. Сейчас в репертуаре Михаила Козакова — актера Московского театра имени Маяковского — роль Гамлета.

В 23 года сыграть Гамлета! О таком счастье юноша, едва начавший свою жизнь в театре, мог только мечтать. Кстати, у Шекспира Гамлет — это человек не меньше чем тридцати лет, испытавший бездну горя, разочарования, ненависти и умеющий скрывать свои чувства. Вот это последнее не всегда удается юному Гамлету-Козакову, порывистому, не научившемуся еще смотреть без содрогания в лицо подлости...

Принц датский у Козакова — это юноша, полный жизненных сил, энергии, жажды справедливости. И горечь сознания предательства близких, рождающая в нем неверие в людей, цинизм, яростную злобу, не отнимает у Гамлета-Козакова стремления к лучшему, ожесточает, но не меняет его благородной души.

Рождение в театре нового Гамлета — заслуга не только молодого актера, но и мастерства режиссера Н. Охлопкова. Постановщик «Гамлета» поверил совсем юному исполнителю, помог ему найти и продолжать искать свое в этой роли и вместе с тем оставаться верным лучшим традициям предшественников — замечательных Гамлетов на русской и мировой сцене.

А. ТОЛИН

О великом и простом

— Я много читал о Ленине,— рассказывал нам ленинградский художник А. Костюченко,— интересуясь каждой деталью, которая образно, наглядно, ощутимо раскрывала простоту и величие Владимира Ильича. Каждый рассказ о вожде сливался с рассказом о человеке. Когда пришло время выбирать тему дипломной работы, она была для меня ясна — портрет Ленина.

Работа над картиной захватила целиком. Хотелось рассказать о многом: о большой, напряженной работе Ленина, о коротких минутах его отдыха, о любви к русской литературе. Конечно, в картине не объяснишь зрителю, что читает Ленин, но для себя я решил, что на отдыхе Владимир Ильич читает Толстого или Горького.

Дипломную работу Адам Костюченко, окончивший в 1957 году Ленинградский художественный институт имени И. Е. Репина, защитил успешно. Его картина «В. И. Ленин в Горках», которая будет воспроизведена на цветных вкладках в журнале «Огонек» № 17, принята на юбилейную Всесоюзную художественную выставку.

Институт окончен, сделан первый большой самостоятельный шаг. Что же дальше? Какие темы волнуют молодого художника? Какие планы он строит?

— Хочется писать о виденном, о пережитом. Биография у меня, правда, еще небольшая, но есть в ней такое, что запомнилось, чем хочется поделиться. Фронтовые воспоминания подсказывают мне несколько тем. Вот недавно написал эскиз «Победа» — так я хотел бы назвать картину: советские солдаты расписываются на стенах рейхстага.

Молодой живописец собирается отправиться в дорогу. Года на два он уедет из Ленинграда в одно из украинских сел, чтобы поближе присмотреться к жизни колхозников, вместе с ними пожить, поработать... Труд и отдых в деревне — такую серию живописных работ задумал художник.

Н. СВЕТЛОВА

А. Костюченко за работой.
Фото Б. Уткина.

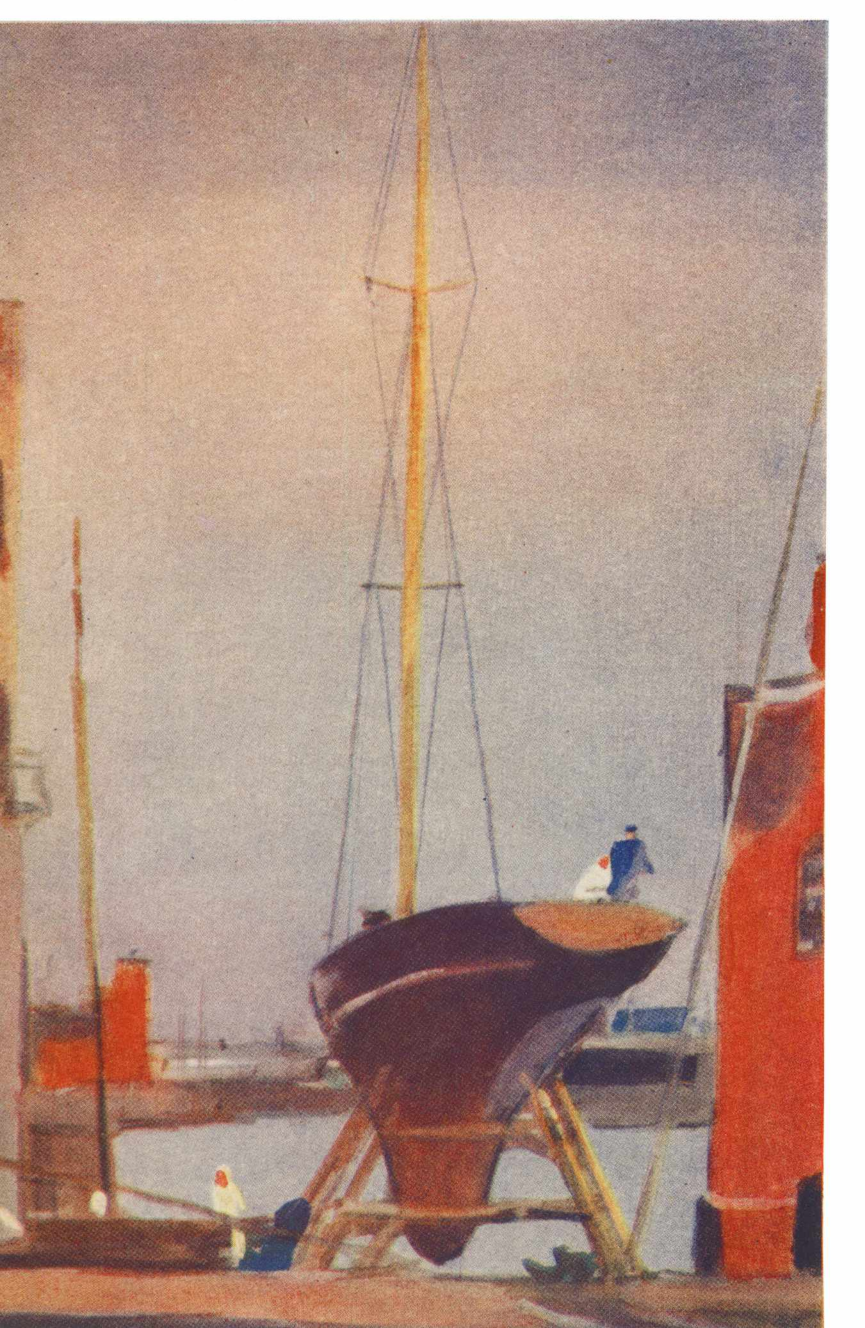

Г. Г. Нисский.
НОЧЬ
1941 ГОДА.

Г. Г. Нисский. РАННЯЯ ВЕСНА.

В ДОКЕ.

КОЛХОЗ ЗАГОРЬЕ.

Сем. НАРИНЬЯНИ

Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА.

У фельетониста, как у всякого газетного работника, есть блокнот. Среди других записей в нем имеются и веселые: выписки из курьезных документов, писем, заметки о разных встречах, разговорах. Записи фельетонисту помогают делать товарищи по работе, читатели. Найдет добрый человек веселую строчку и посылает ее в редакцию — на память фельетонисту: может, она пригодится...

На всякий случай

Поездной кондуктор из Куйбышева прислал в редакцию жалобу. Он писал:

«У нас в клубе поставили смехаческую пьесу «Предложение» некоего автора Чехова. Про чего эта пьеса? Какая-то помещичья дочь не может выйти замуж. Кому это интересно?»

И хотя пьеса «Предложение» была на уровне и автор Чехов тоже не вызывал сомнений, консультант из отдела литературы взял и послал жалобу кондуктора в Министерство культуры «для принятия мер». На всякий случай.

Три выписки

Из справки детского сада:

«Маша. Лет — четыре. Девочка живая, характер общительный. Яиц глиста не обнаружено».

Из характеристики комсомольского комитета:

«Мухачев Р. Т. Делу комсомола предан. Пьет, но общественность не знает».

Из лекции кандидата биологических наук:

«Мы обязаны шире использовать удобрения в лице навоза».

«Посевная площадь была удвоена на одну треть».

Милый гость

Борис Макарович У. Куда ни приходит, спрашивает: «Что — почем?» Вот разговор, который он ведет за обедом в гостях:

— Почем огурчики брали? 2 рубля 75 копеек? Значит, второй сорт. Что ж, попробуем второго сорта. А за икорку, простите, сколько платили? 12-30 сто граммов? Тоже второй сорт. Что ж, положите в тарелочку порцию за 12-30. А это что, «Московская»? Налейте. Спасибо. «Столичная» чище и лучше, но дороже. Так что в смысле экономии «Мо-

сковская», положим, и выгоднее. 2 рубля 70 на пол-литра. Вы сколько бутылок брали сегодня? Шесть? Значит, пятнадцать рублей экономии. А это в хозяйстве деньги немалые.

И хотя Борис Макарович говорил все это не по злобе, а по привычке, есть-пить после его вопросов никому уже не хотелось. А хозяйка бегала на кухню плакать.

Строчки из напечатанного

«Деловой поросенок».

«Низковесный скот».

«Фуражная корова».

«Обрыбление пруда».

«Высокий неправильно произвел цитацию первоисточника...»

«Сорокин является аккомпаниментом своего начальника...»

«Морозов забыл осейфить важные бумаги, оставив их на столе...»

Справка

«В связи с категорическим настоянием ОБХСС Семенихин И. М.

уволен нами с должности директора обувного магазина с формулировкой: «Освобожден по собственному желанию».

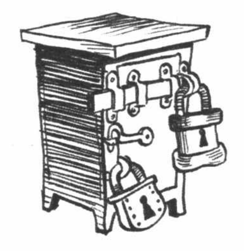
И еще одна справка

«За время работы на складе Г. З. Титов ни в чем плохом замечен не был, кроме как: смотри акт о краже дров».

Тема для фельетона

— Зина Иванова дома?
— Нет.
— Передайте, пожалуйста, ее ждут в редакции.
— Не передам.
— Почему?
— Мы не разговариваем.
— Ну, попросите передать ту, которая с ней разговаривает.
— Не попрошу.
— Почему?
— Потому что мы все здесь не разговариваем друг с другом.
— И давно?
— Полгода.
— Полгода живете в одном общежитии и не разговариваете?
— Нет, не полгода. Неделю разговаривали, а потом поссорились, бросили.

Девушки работают в одном цехе, учатся в одном политкружке. Говорят о Сен-Симоне, Фурье, и никто в комитете комсомола не задумался, почему дома девушки ссорятся друг с другом. Книжки держат не на общей полке, а каждая прячет под замок в свою тумбочку...

Из писем в редакцию

«Дорогая редакция, прошу срочно ответить мне. Где сейчас находится бог?»

«Моя жена была отвезена мною в родильный дом. Но роды не состоялись из-за бюрократизма и халатности врачей».

«Уважаемая редакция, примите меры. В Торфяном институте царит полная вакханалия и неразбериха. В прошлом году, когда поступал сын соседки, там принимали даже с двойками. А в этом требуют знаний и поэтому срезали мою единственную дочь Клавдию».

«И что же сделать с этою моею баснею, чтобы она вошла в советскую литературу?»

«Мне шестнадцать лет, и я пишу роман «Цепи любви».

«Соловей приспособился в кустах и запел».

На точном расчете

Профессору Т. 62 года. У него умерла жена. Профессор сделал предложение соседке-учительнице. Та в ответ сказала:

— Мне тридцать пять лет, и мне нет смысла выходить за вас замуж. Вы проживете еще лет пятнадцать, значит, я овдовею в пятьдесят. А в этом возрасте меня замуж уже никто не возьмет. Сделайте предложение моей сестре. Ей всего девятнадцать лет. Через пятнадцать лет сестре будет тридцать четыре, и она легко сможет с вашим наследством выйти замуж по любви.

Сестры-страдалицы

Сестры-близнецы, 1920 года рождения. Анархия Сергеевна Мослаченко и Утопия Сергеевна Мослаченко. Живут в Полуэктовом переулке и клянут папу Мослаченко за то, что он наградил их такими нелепыми именами.

О гордости

Через каждые два слова он говорил:

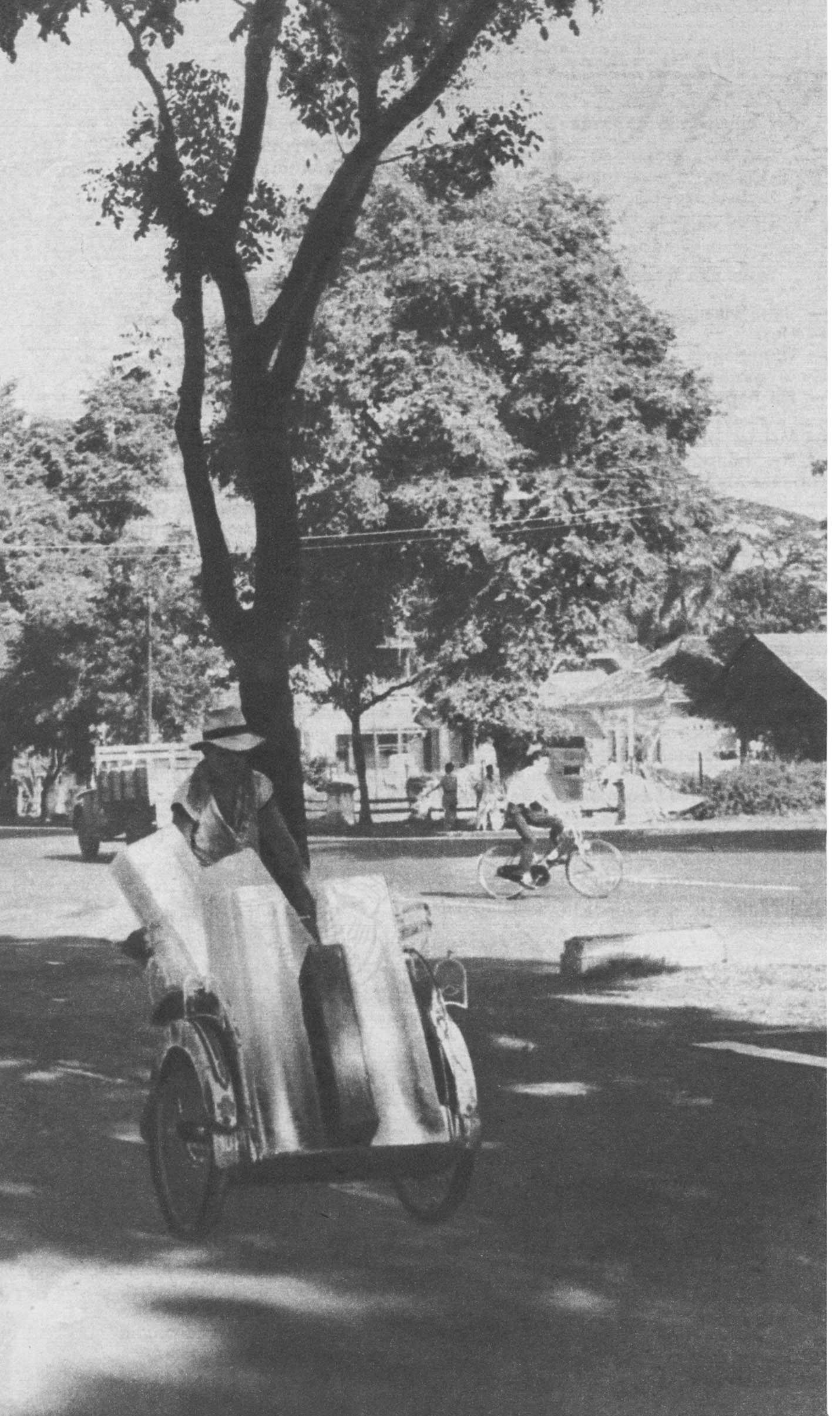
— Я писал статью за артиста З. Я писал за директора Н. Я писал за профессора Р.

Мне надоела такая похвальба, и я спросил:

— А за Толстого вы могли бы написать?

— За Льва Николаевича? Смог бы! — не моргнув, ответил он. — Только Толстой не позволил бы. Гордый был старик.

СЕГОДНЯ В ДЖАКАРТЕ

Генрих БОРОВИК,

специальный корреспондент «Огонька»

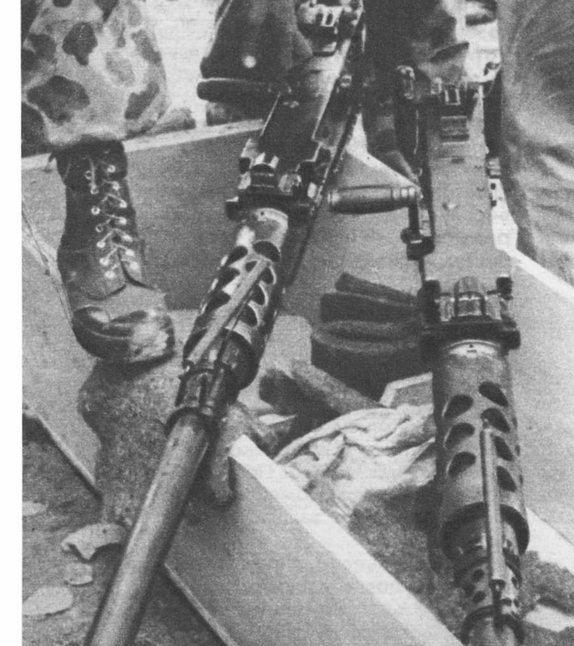
Фото автора и министерства информации Индонезии.

На первый взгляд жизнь Джакарты не изменилась. Открыты магазины, работают учреждения, в часы пик, когда кончается рабочий день, на улицах скапливается столько машин, что пешеходу пройти невозможно. Но сейчас полдень; стараясь укрыться под тенью деревьев от лучей неестественно жаркого солнца, «беча» — водители трехколесных велосипедов-тачек — везут глыбы искусственного холода...

«Обычность» жизни столицы в то время, когда весь западный мир трубит о «гражданской войне» в Индонезии, о «беспорядках» и «неустойчивости», объясняется очень просто: индонезийцы уверены, что, если не произойдет открытого вмешательства извне, правительство республики легко справится с кучкой заговорщиков на Центральной Суматре.

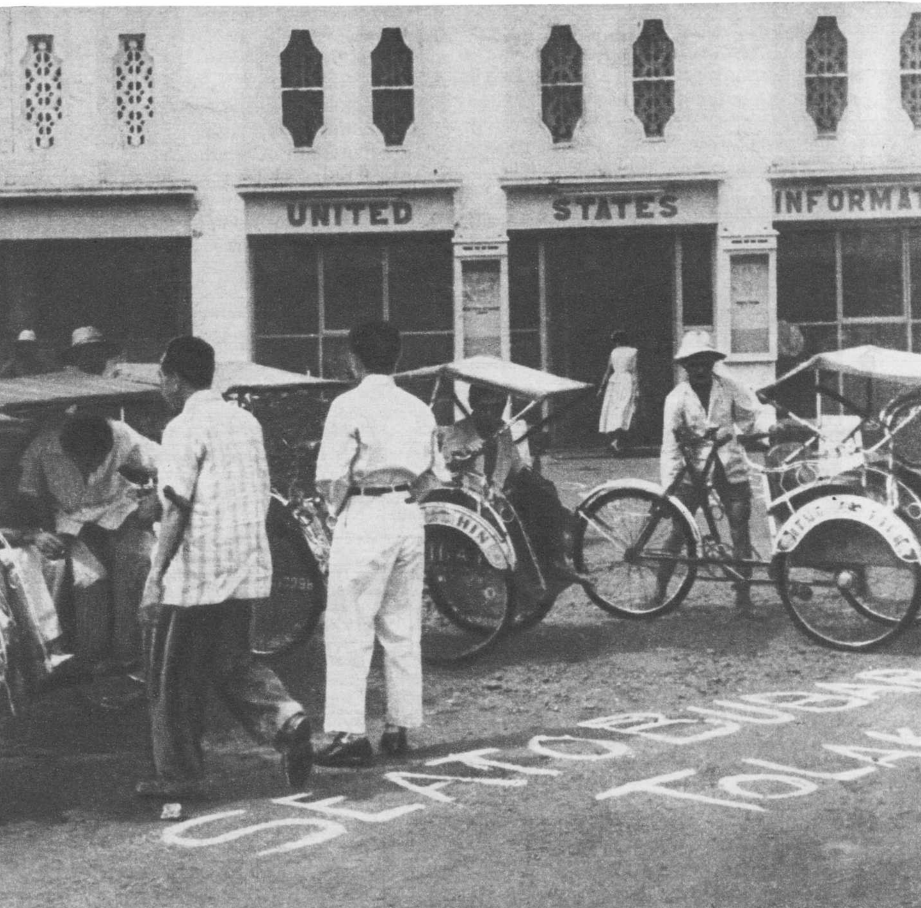
С радостью воспринимаются вести об успешном продвижении правительственных войск на Центральной Суматре. Пожалуй, одним из самых популярных людей в Индонезии стал сейчас генерал-майор Абдул Харис Насутион, начальник штаба вооруженных сил Индонезии. На снимке вы видите его (крайний слева) разговаривающим с солдатами национальной армии.

Но с Суматры поступают и другие сообщения, тревожные. С возмущением узнают индонезийцы о попытках скрытого вмешательства во внутренние дела республики со стороны империалистических государств. Этот снимок сделан в окрестностях города Паканбару. Самолет «неизвестной национальности» сбросил на парашютах вооружение с клеймом «Made in USA». Американское оружие, которое вы видите на этом снимке, попало в руки правительственных войск, занявших район Паканбару.

По Индонезии прокатилась волна возмущения. Индонезийские патриоты требуют: «Руки прочь от Индонезии!», «Долой вмешательство СЕАТО!», «Распустить СЕАТО!». Такие надписи появились около здания «Информационной службы Соединенных Штатов» в Джакарте и около резиденции американского посла Джонса.

Возле здания посольства США состоялась демонстрация молодежи. Демонстранты потребовали, чтобы Джонс принял их делегацию. Побледневший американский посол был вынужден выслушать требование демонстрантов о роспуске СЕАТО, о прекращении американского вмешательства в дела Индонезии. Он пытался оправдаться, говорил, будто СЕАТО — «мирная организация», но в ответ ему послышались крики: «Ложь! Все ложь!».

Через несколько дней после захвата американского оружия в Пaканбару министерство информации Индонезии устроило в Джакарте выставку этого оружия. Задолго до ее открытия к зданию министерства информации пришли индонезийцы, желавшие собственными глазами убедиться, что посылает им «мирная организация» — СЕАТО.

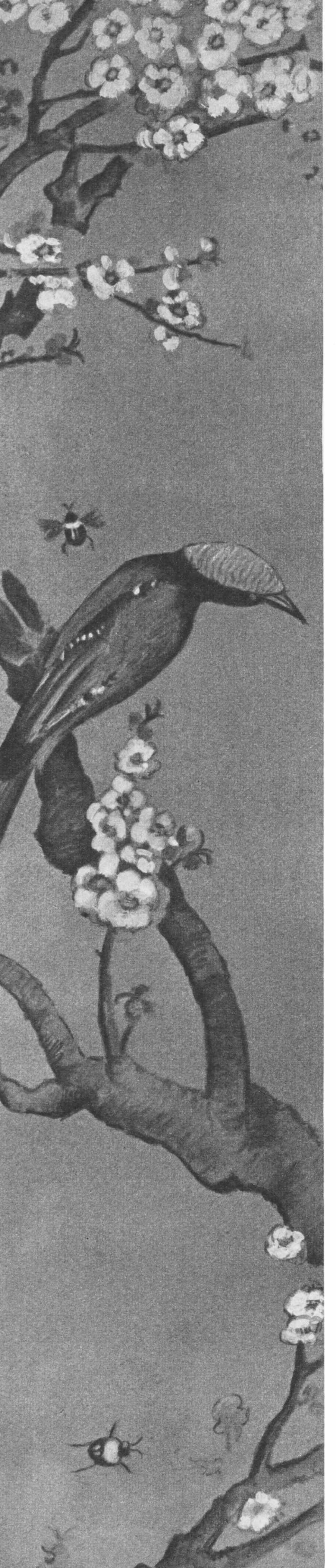
Один из парашютов, на котором было сброшено американское оружие.

→

С утра до вечера возле газетных витрин толпятся люди, ожидая новостей с Суматры. Каждое сообщение прочитывается с большим вниманием.

Индонезийский народ уверен в своей силе. Не впервые приходится ему сталкиваться с иностранным вмешательством. За двенадцать с половиной лет, что прошли со дня провозглашения Индонезийской Республики, ни одна попытка колониалистов повернуть колесо истории вспять не увенчалась успехом. Их расчеты провалятся и на этот раз.

Джакарта, апрель.

Ураган

И. ВЕРШИНИНА

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Эту пьесу, написанную с глубоким знанием жизни людей, пьесу, наполненную беспощадной ненавистью к прогнившему феодальному обществу, создал 23-летний студент Пекинского университета Цао Юй. Было это в 1933 году. Несмотря на гоминдановскую цензуру, «Ураган» имел колоссальный успех.

С тех пор прошло 25 лет. Ныне Цао Юй — один из ведущих драматургов, депутат Всекитайского собрания народных представителей, член правления Союза китайских писателей, директор Пекинского народного художественного театра. Его пьесы ставят театры Китая, и не только Китая.

Многие советские театры в том сезоне показали драму «Ураган» (она же называется «Тайфун», или «Гроза»). В Москве «Ураган» поставил Центральный театр транспорта.

— Я очень взволнован тем, что передовой советский театр обратился к китайской пьесе, — писал автор исполнителям.— Все мы видим в этом конкретное выражение вечной братской дружбы китайского и советского народов. Желаю Вам успеха в работе. Цао Юй.

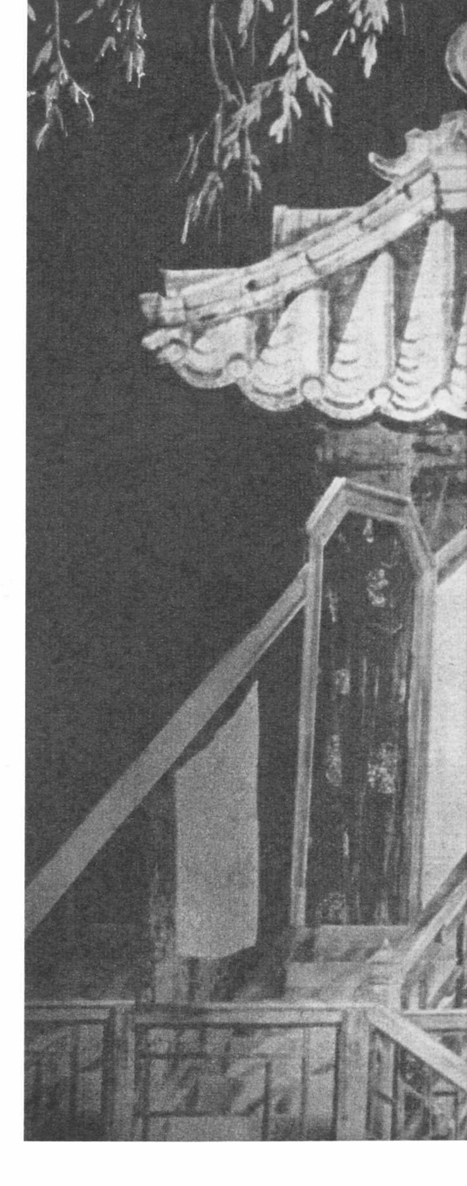
Пожелание автора исполнилось... С волнением следит зритель за тем, как постепенно распутывается искусно завязанный драмтургом узел сложных взаимоотношений восьми действующих лиц, восьми героев спектакля. И по мере того, как разрывается паутина лжи и фальши, которой всемогущий и «добропорядочный» господин Чжоу опутал членов своей семьи, страшная трагедия нависает над обитателями двух домов.

Большой и красивый дом у Чжоу Пу-юаня. Да и как может быть иначе, ведь господин Чжоу — председатель правления акционеров угольной компании! Правда, говорят, что все это богатство нажито ценой жизней шахтеров. Но обитателям роскошного особняка до этого нет дела.

А что за люди живут в этой жалкой лачуге с худой крышей? Это семья Лу Гуя — слуги Чжоу.

Трагические события связали эти семьи.

В зрительном зале.

Ураган — его приближение предчувствовали и ждали все герои — ворвался в тесный мирок. Он унес из жизни чудесную девушку Сы-фын и обрек на вечное горе и без того много выстрадавшую ее мать Лу Ши-пин; он сразил обоих сыновей господина Чжоу, которые погибли: Чун, спасая Сы-фын, Пин покончил с собой.

Но «Ураган» — это не семейная хроника. Беспокойство и метание обитателей дома Чжоу, воля и мужество рвущихся к чистой, светлой жизни честных представителей семейства Лу — во всем этом сказывается нарастание больших событий, которые ощущались тогда в Китае. Близкая грядущая победа народа очевидна!

Зрители рукоплещут драматургу, актерам, постановщику В. Гольдфельду, художнику М. Варпеху. Довольны постановкой и китайские товарищи, часто посещающие спектакль.

Посол КНР в Советском Союзе Лю Сяо после спектакля сказал исполнителям:

— Я сегодня с чувством огромной радости и волнения смотрел спектакль. Я ощущаю такую правду, как будто смотрю спектакль в Пекине. Почему актеры так прекрасно раскрыли внутренний мир этих людей? Потому что у нас общие братские чувства, потому что нам всем ненавистны феодальное общество и зло, которое оно несет. Поздравляю Вас с успехом, друзья!

Недавно премьера «Урагана» состоялась и в Московском драматическом театре имени А. С. Пушкина.

Чрезвычайный и Полномочный Посол Китайской Народной Республики в СССР Лю Сяо аплодирует исполнителям «Урагана».

Чун, младший сын хозяина и Фань-и (артист И. Ларин), ему 17 лет. Он наивен и мечтателен. Влюблен в служанку Сы-фын и мечтает на ней жениться, а пока готов рыцарски служить ей.

Старший сын Чжоу — Пин. (артист М. Веснин). Он эгоистичен, слабоволен и просто непорядочен. Раскаиваясь в содеянных проступках, он совершает новые.

Фань-и (артистка О. Кузнецова), жена хозяина. Она немало знает о делах мужа, вот почему он так «заботливо» изолирует ее от окружающих, предупреждая каждого, что ее ум расстроен.

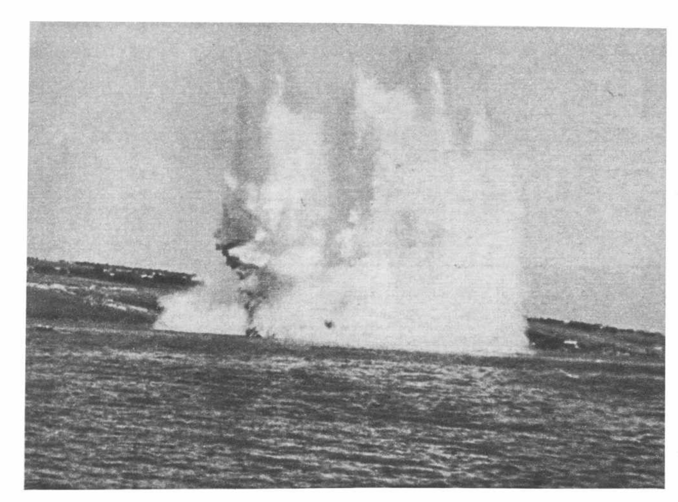
А вот и хозяин дома, Чжоу Пу-юань (артист А. Краснопольский). Многими темными делами нажил он свои богатства. Он утопил 2 200 рабочих при постройке дамбы и на каждой жизни заработал 300 юаней.

■ Ши-пин (артистка Л. Генесина). Это ее, молоденькую служанку, выгнал на улицу с ребенком на руках «добропорядочный» Чжоу. С тех пор прошло около 30 лет.

Лу Гуй (артист В. Колпаков), муж Ши-пин, слуга в доме Чжоу. Многолетнее прислуживание господам сделало его жадным, порочным, ничтожным, корыстолюбивым. Он готов продать даже дочь.

Сы-фын (артистка Л. Курдюмова), дочь Лу Гуя и Ши-пин. Отец без ведома матери отдал ее в услужение в дом Чжоу. Наивная Сы-фын поверила клятвам Пина и стала его возлюбленной.

Да-хай (артист Л. Семенов), сын Ши-пин. Один из инициаторов забастовки на шахтах Чжоу. Он не боится хозяев и смело борется против Чжоу и всех тех, кто несет несчастье народу.

ТРАНШЕЯ ПРОКЛАДЫВАЕТСЯ ВЗРЫВОМ

Над тихой днепровской водой вдруг взметнулась высокая черно-белая стена, рассыпавшаяся дождем.

Потом на дно реки спустились водолазы.

— Полный порядок. Глубина по проекту.

Командир экспедиционного отряда Днепровского бассейнового управления Г. В. Галигузов доволен: расчеты подтвердились, подводная траншея успешно прокладывается взрывом.

Трасса газопровода Шебелинка — Днепропетровск проходит в районе Старо-Кайдакского порога, затопленного после постройки Днепрогэса водами Днепра. Наносы на дне реки покоятся на прочном скальном основании. На пути подводников встретились валуны, остатки леса и былых селений. Надо было проложить две подводные траншеи для труб общей протяженностью свыше трех тысяч метров.

Проект предусматривал взрывные работы обычным методом: с бурением шпуров, с гидроизоляцией зарядов. Это требовало очень много времени. Даже если бы все водолазные станции бассейна, оборудованные компрессорами, работали в две смены, выполнение задания потребовало бы не менее одиннадцати месяцев.

Г. В. Галигузов и главный инженер отряда В. К. Биретто решили использовать для взрывов отходы пироксилиновых порохов, применив метод, разработанный кандидатом технических наук Н. М. Сытым. Результат был блестящий. В течение одного месяца отряд закончил прокладку траншей. Стоимость подводных работ уменьшилась почти в пять раз, экономия составила свыше 1,5 миллиона рублей. Промышленность Днепропетровска получила шебелинский газ на полтора года раньше срока.

Вот что рассказывает Николай Максимович Сытый, научный консультант экспедиционного отряда:

— Раньше отходы пироксилиновых порохов выбрасывались, вывозились в поле и сжигались с большой затратой средств и труда.

— Как производился подрыв на Днепре?

— Нам надо было вынуть свыше 44 тысяч кубометров скалы и земли. Для этого взрывчатка насыпалась в длинные хлопчатобумажные мешки, которые укладывались водолазами на дно реки по трассе газопровода. Получался составной заряд. К одному из его концов прикрепляли боевик и производили подрыв.

В. ШУМОВ

МАТЧ-РЕВАНШ МИРОВОГО ШАХМАТНОГО ПЕРВЕНСТВА

БЕЗ ПЕРЕМЕН

После серии из четырех ничьих «гол висел в воздухе». И действительно, в 11-й партии В. Смыслов добился успеха. Игра началась небольшим моральным успехом для М. Ботвинника: после длительного периода чемпион мира отказался от 1. е4, поскольку этот ход перестал приносить единицы, и переключился на ферзевую пешку. Такова была неожиданность, преподнесенная Смысловым в день первого апреля. Вторая неожиданность заключалась в том, что в защите Грюнфельда Ботвинник хотел победить партнера его собственным оружием — системой Смыслова. Игра кончилась в пользу автора системы — Смыслова. Победа в 24 хода, казалось бы, говорила о многом: Смыслов вошел в форму! Надо сказать, что Ботвинник не так уж часто в своей жизни сдавался на 24-м ходу! «Браво, бис Смыслову!» — восклицали поклонники чемпиона мира.

12-ю партию экс-чемпион мира начал осторожно, и игра приняла ничейный характер. Но, по-видимому, было замечено, что Ботвинник на пятом часу игры устает и иногда допускает неточности. Поэтому, надо полагать, в 12-й партии борьба продолжалась в позиции, когда В. Смыслову следовало согласиться на ничью. Но в заключительной части, где «по расписанию» «полагалось» видеть усталого Ботвинника, экс-чемпион мира показал тончайшую стратегию и переиграл более молодого по возрасту партнера. Аплодисменты на этот раз заработал Ботвинник. Партия была отложена, но на следующий день чемпион мира сдался через своего секунданта по телефону. Второй раз в матче Смыслов уменьшил разрыв до двух очков, и второй раз Ботвинник тут же доводил его до трех. Таков был итог первого «хавтайма» матч-реванша.

В следующей, 13-й партии Смыслов как-то робко разыграл дебют, и встреча закончилась мирно. Считается, что суббота на матч-реванше — ничейный день, а вторник самый боевой: четыре раза зрители могли наблюдать, как в день доигрывания гроссмейстер сдается.

В пятую неделю, так же как и в четвертую, соперники прибавили по полтора очка. Разница лишь в том, что теперь это произошло в результате более «кровопролитной» борьбы.

Сало ФЛОР

Сшито нитками и клеем

В отдел готового верхнего платья универсального магазина пришла супружеская чета. Главе семьи нужен костюм. Покупателю понравилась темно-синяя пара с фабричной маркой «Большевичка». Возможно, владелец обновки так и износит костюм, не узнав, как он сшит. А сшит он по новому методу — нитками и клеем.

Химия все больше проникает в швейную промышленность.

Советским инженерам, работникам Всесоюзного научно-исследовательского института швейной промышленности, принадлежит приоритет в создании способа соединения деталей одежды с помощью термопластического клея. Об этом говорит первое в этой области авторское свидетельство, выданное на имя кандидатов технических наук В. И. Попкова, В. Г. Феденюка и ныне пенсионера И. М. Власова. Таким клеем соединяют отдельные детали, или, как говорят швейники, отдельные узлы одежды.

Дипломницы Киевского технологического института легкой промышленности на экскурсии в экспериментальных производственных мастерских Всесоюзного научно-исследовательского института швейной промышленности.

Фото Г. Санько.

В институте есть свои экспериментальные производственные мастерские. Это своеобразный швейный цех с различными машинами, прессами, полуавтоматами. Машина прокладки клеевой пленки очень похожа на обычную швейную. Подобно нитке, тянется лента клеевой пленки. Специальный ролик прикатывает ее к ткани в том месте, где должен быть шов.

Вот полуавтомат для сборки воротников мужского демисезонного пальто. Девушка берет заготовку воротника, кладет ее на подушку пресса, нажимает кнопку, и через полторы минуты воротник готов. Его осталось только пришить к пальто.

Химические предприятия обрабатывают специальную бортовую ткань. На ткань наносятся клеевые полоски, и она приобретает необходимую эластичность, упругость и клейкость. Эта «выстеганная» с помощью клея ткань используется на швейных фабриках для бортов, воротников, плечевых накладок. В мастерских уже есть экспериментальная машина для соединения клеем рукавов с проймой.

Тут же в цехе висят готовые костюмы. Внешне они ничем не отличаются от тех, что сшиты одними нитками. Но это только при беглом взгляде. Лацканы у пиджака, обработанного клеем, словно только что накрахмаленные, без единой морщинки. Если на них попадает вода, их не нужно отутюживать: они не потеряют своей формы. А главное, клей позволяет широко автоматизировать швейное производство и значительно повысить производительность труда.

Пока еще с помощью клея «шьют» одежду, которая не стирается. Но уже найдены рецепты такого клея, который не теряет своей прочности и при стирке. На столе у В. Г. Феденюка лежат пестрые и гладкие полоски шерсти, шелка и хлопчатобумажных тканей. Концы их соединены клеем. Их стирали по пятнадцать раз, а перед стиркой кипятили по два часа в растворе мыла и соды. После этого прочность клеевых швов проверяли приборами. Теперь дело за технологами, и можно надеяться, что в скором времени в продаже появится легкая женская одежда, мужские сорочки, детские костюмы, «сшитые» при помощи клея.

В институте побывали гости из Китая, Болгарии, Венгрии, Польши, Германской Демократической Республики и других стран. Сейчас уже на многих наших фабриках костюмы, демисезонные дамские и мужские пальто «шьют» с помощью клея.

П. КОРЖ

Хрусталь и пластмасса

В Русском музее, Эрмитаже и в других сокровищницах искусств хранятся удивительные образцы художественного стеклоделия всех времен и народов. Здесь можно встретить и драгоценные находки раскопок в Фивах или русских городищах и изделия из хрусталя, созданные по эскизам художников Мухиной, Смирнова, Успенского...

— Хотели бы вы иметь такие работы в своем доме?

— Конечно. Но разве это возможно?

Возможно, и в очень близком будущем. В Ленинграде, в одном из корпусов завода «Комсомольская правда», есть горки чудесного хрусталя, точно скопированного с музейных образцов.

Необычны репродукции, необычен и сам «хрусталь»: он из пластмассы.

Вот как это делается. С уникальной вазы снимается гипсовый слепок, потом тот же отпечаток делается из воска. Припудрив серебристым графитом, его опускают в гальваническую ванну. Там он обрастает тонкой медной пленкой. Когда ее извлекают, перед нами металлический слепок вазы, кстати, очень приятный для глаза. Но это всего лишь матрица. Ее хромируют, упрочняют с тыльной стороны, монтируют в своеобразную обойму. Теперь это пресс-форма, с которой и получают какой угодно «тираж» репродукции.

Под сильным давлением разогретое органическое стекло устремляется в форму и принимает рисунок матрицы. Это длится всего две — три минуты. Форма раскрывается — и перед нами готовая «хрустальная» ваза; та же чистота и прозрачность, те же переливы огней и игра граней. Правда, она легче оригинала. Но зато не в пример ему небьющаяся.

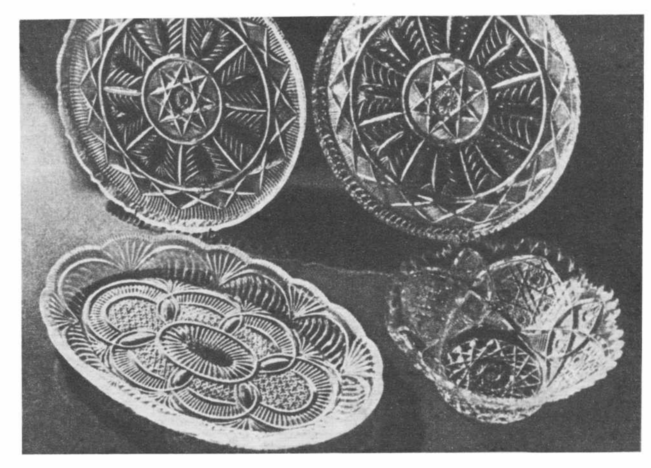
Сейчас сделано 15 различных музейных «репродукций», «тиражи» их могут быть неограниченными.

— Но пока у нас иная задача, — говорит руководитель опытно-конструкторских мастерских Управления химической промышленности Ленсовнархоза К. Н. Стрельцов. — Мы стремимся сейчас к разнообразию художественных изделий. Пусть будет побольше самых разных ваз и блюд для тортов, печенья, фруктов. Предполагаем окрашивать «хрусталь» в различные тона.

К. Н. Стрельцов и его товарищи — модельщик А. В. Гензелов, гравер В. И. Кузнецов, мастер В. А. Семеновский, механик К. В. Петров — вот авторы этого изобретения — получения «хрусталя» из пластмассы.

Свои модели и пресс-формы новаторы передают на предприятия, где организуется массовое производство «хрусталя» из пластмассы.

А. АКИМОВ

Справа — изделия из натурального хрусталя, слева — из пластмассы.

Фото Б. Уткина.

ОНА ЛЕТАЛА В КОСМОС

— Она первая побывала на высоте в 212 километров и возвратилась на Землю,—указали мне на маленькую собачку черно-белой масти. В печати уже сообщалось о биологических исследованиях при полетах в верхние слои атмосферы и указывалось, что советские ученые проводили исследования, в которых подопытные животные (собаки) совершали полеты на ракетах до высоты 100—210 километров. Перед вами одна из таких подопытных собак. Ее зовут Дамка, весит она 7 килограммов.

Хорошо откормленная, с шелковистой шерстью, собачка весело прыгала вокруг экспериментатора, как здесь называют врача, проводящего опыты, вставала на задние лапки, выпрашивая сахар. Она вела себя так же, как и самая обычная собака, здоровая, сытая, довольная жизнью. Глядя на Дамку, просто не верилось, что она дважды побывала за пределами земной атмосферы. Я попросил рассказать о Дамке подробнее.

...Незавидная судьба маленькой собачонки, потерявшей хозяина, ставшей бездомною, изменилась внезапно. Как-то возле нее остановились два человека. Один из них, внимательно осмотрев собаку, сказал: «Как раз то, что нам нужно: и размеры и масть подходящие».

В специальном виварии после медицинского осмотра она получила кличку Дамка и вместе с другими собаками стала проходить подготовку к путешествию в космос. Никогда еще за Дамкой так не ухаживали. Ее кормили по особому рациону, мыли, водили на прогулку. Когда собака привыкла к новой кличке и к своему хозяину-экспериментатору, начались занятия.

Дамке по индивидуальному заказу сшили «рубашку», к которой присоединялись приборы, фиксирующие движения собаки. Когда Дамка научилась «носить» эту одежду, ее привели в лабораторию, где на столе стоял контейнер, точно такой же, в каком предстояло лететь в космос.

— Дамка, работать! — скомандовал экспериментатор.

С этого дня началась длительная тренировка. Дамку учили по нескольку часов спокойно лежать в контейнере. Она привыкла к «внешним раздражителям», которые будут действовать в полете, к треску киноаппарата, к шумам различных приборов.

Затем обучение продолжалось на ракетодроме возле установок для запуска ракет.

Наконец наступил день путешествия в космос. Для Дамки он казался самым обычным днем. На ракетодроме собака заняла свое место в контейнере, который поместили в головной части ракеты. Но вот ракету запустили, и она, оставляя за собой большой огненный хвост, умчалась в небо.

Киноаппарат автоматически заснял поведение собаки во время путешествия в космос. Сначала перегрузка, вызванная ускорением ракеты, как бы во много раз увеличила вес собаки, прижала ее голову к полу. В глазах животного недоумение и тревога. Но вот ракета покинула пределы земной атмосферы, и наступило состояние невесомости: Дамка быстро подняла голову, навострила уши и с любопытством посмотрела в круглый иллюминатор.

Собака вела себя спокойно и при возвращении из космоса на родную планету. Она отлично перенесла спуск на парашюте. Когда открыли контейнер, четвероногая путешественница выскочила на землю с громким лаем.

— А как сейчас самочувствие Дамки? — поинтересовался я.

— После первого полета Дамка совершила еще одно путешествие в космос на такую же высоту. Состояние ее, так же как и других собак, неоднократно покидавших пределы земной атмосферы, вполне удовлетворительное.

А. ГОЛИКОВ

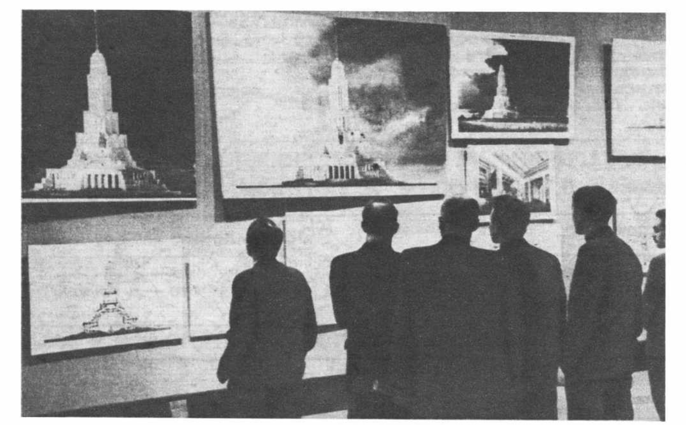
ПРОЕКТЫ ДВОРЦА СОВЕТОВ И ПАМЯТНИКА В. И. ЛЕНИНУ

Внимание москвичей и гостей столицы привлекает открывшаяся в Центральном выставочном зале (Манеж) выставка конкурсных проектов Дворца Советов и памятника В. И. Ленину.

Как известно, Дворец Советов будет сооружен в Юго-Западном районе столицы, близ нового здания университета. Место для памятника В. И. Ленину выбрано в центре Ленинских гор.

На снимке: в выставочном зале.

Фото Г. Санько.

Конструктор посевов

У крупнейшего овощевода страны, почетного члена Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина Виталия Ивановича Эдельштейна недавно побывал директор прославленного казахского совхоза «Пахта-Арал» Владимир Николаевич Куликов. Чем интересовался он?

...По-разному светит солнце в Средней Азии и Москве, на Украине и в Прибалтике. И разные культуры растут под этим солнцем: хлопчатник и кукуруза, картофель и томаты, свекла и лук. Но есть у всех этих полезных для человека растений один общий враг — сорняки. Сколько тысяч лет растет на земле хлопчатник, столько же лет живут рядом с ним вьюнок, гумай и щирица, отбирая у него влагу и высасывая полезные соки. Не успеет взойти на грядках морковь, как над ее нежными всходами поднялась сочная лебеда. Мокрица нелюбезной соседкой выстилается с салатом и редисом, а пырей и осот, обнаглев, пытаются вытеснить помидоры и огурцы. И если вовремя не удалить этих незваных гостей, то худо придется ценным культурам...

— Кто же не знает,— говорит В. И. Эдельштейн,— какая кропотливая и долгая работа прополка. Ведь чтобы прополоть только в рядках гектар овощей, требуется от сорока до восьмидесяти дней. Прополку же надо делать быстро, за декаду, чтобы не пропали всходы. Сорняки растут не по дням, а по часам. Значит, каждый день на этом гектаре должны работать четыре человека, а если в хозяйстве не 100 гектаров, а 5 200, тогда что делать? Если мобилизовать всех работоспособных членов артели на прополку, все равно людей не хватит. Вот и получается, что значительную часть урожая съедают всегда сорняки: вместо 30—100 тонн овощей с гектара снимается по 10—20 тонн, а иногда и еще меньше.

Земледельцы с давних еще времен искали способ предотвратить появление сорняков на пашне. Для этого они покрывали почву соломой, торфяной крошкой, мелким навозом, потом стали применять картон, толь, бумагу. Но способ способу рознь, и надо было выбрать лучший.

Профессор Эдельштейн остановился на бумаге, обычной плотной дешевой бумаге, из которой делают мешки для удобрений. Химики помогли уточнить рецепт состава для пропитки этой бумаги: битум и некоторые масла. Они делают бумагу водостойкой и увеличивают срок ее службы в почве от двух недель до двух месяцев — время, вполне достаточное для того, чтобы сорняки погибли, а всходы набрали силу.

Но ученый применил такую обработанную бумагу—мульчу—по-новому. Зачем ею покрывать все поле, если в междурядьях легко может пройти культиватор? Достаточно пустить ее по рядкам будущих посадок. Но если это делать вручную, то при современных масштабах хозяйств операция эта, как и прополка, станет весьма трудоемкой.

...Виталию Ивановичу становится очевидным, что всю эту работу должна проделывать машина. Коллектив овощной станции Тимирязевской академии совместно со Всесоюзным институтом сельскохозяйственного машиностроения — ВИСХОМом — создали такую машину для мульчирования. Она присоединяется к трактору как навесное орудие. В машину вставляется огромная бобина — барабан с бумагой. Перфоратор пробивает в ней отверстия. Машина расстилает ленту мульчи по земле, бросает из бункера в дырочки семена и прикрывает бумагу тонким слоем земли.

— Что же происходит дальше?

— Семена быстро прорастают, условия для этого у них самые благодатные. Почва под мульчей сохраняет свое крупитчатое строение, она теплее, и в ней больше влаги. Микроорганизмы усиливают свою деятельность, вырабатывая нужные для питания растений вещества. Набухнув, семя дает росток, и он тянется к свету, к «оконцу» в мульче.

— А сорняки?

— Они не имеют этого оконца и чахнут без света. А через несколько недель, пока не разрушился еще тонкий панцирь мульчи, погибают окончательно.

Вот как просто и хитро разделался со зловредными сорняками профессор Эдельштейн!

В подмосковном совхозе «Горки-2», где работала прошлой весной эта машина, было засеяно по лентам четыре гектара овощей. Для контроля засеяли шесть гектаров обычной сеялкой. А итог осенью был вот какой: с мульчированного участка урожай был снят в полтора раза выше, чем с обыкновенного, затраты труда снизились в пять раз. К сожалению, эта машина пока уникальна. Всесоюзный институт сельскохозяйственного машиностроения несколько лет пытается создать по этому образцу шестирядную машину, но безуспешно. В маленькой же мастерской овощной станции есть и другие интересные агрегаты. В них воплотились новые идеи профессора Эдельштейна, ставшего своеобразным конструктором посевов.

Как-то в одно из своих посещений овощной станции Н. С. Хрущев высказал мнение, что нужно что-то придумать для лучшего, более прочного закрепления легких и мелких семян в почве.

Через некоторое время ученый сообщали:

— Их можно заделывать в ленту.

— Это же невозможно,— возразили некоторые специалисты.

— Нет, возможно,— настаивал профессор.

Завод «Красный пролетарий» по схеме, рожденной на овощной станции Академии, построил такой агрегат. Он не только перфорирует ленту, но в ее отверстия вкладывает крохотные крупинки, допустим, мака. Держат эти крупинки с обеих сторон узенькие полоски папиросной бумаги, приклеенной к мульче. Удобно, но дорого... На гектар нужно десять килограммов дефицитной рисовой бумаги. А сколько на сотни тысяч гектаров? Миллионы килограммов.

Тогда В. И. Эдельштейн нашел остроумный выход. Он решил приклеивать семена просто к мульче рядом с отверстиями: дырка и чуть слева два — три семечка. Для этого нужен был специальный станок. Его конструкцию разработал инженер овощной станции Н. И. Гаврилов. Станок мог готовить сразу два — три, а при желании еще больше рядов мульчи, причем можно было регулировать не только расстояние между рядами, но и расстояние между «оконцами», чтобы растениям было не тесно. Так, заранее, в выбранном по вашему желанию порядке готовится «чертеж» посева. А сам станок — это «фабрика посевов». Она выпускает сразу четыре ряда готовой мульчи с семенами. Бобины с мульчей устанавливают на навесное приспособление. Станок же может работать в любом колхозе и совхозе.

Гостю из Средней Азии Владимиру Николаевичу Куликову особенно понравился этот станок.

— Не плохо бы нам такой «агрегатик»,— заметил он.

— И отлично,— обрадовался профессор.— Мы у себя здесь приспособим его под хлопок. А пока сможем вам дать мульчу с наклеенными семенами, которую надо будет только расстелить.

— А чем?

Директора пахта-аральского совхоза прежде всего беспокоит вопрос механизации.

— Что же, мы и тут поможем,— ответил В. И. Эдельштейн,— расстилочную машину построить легче, чем этот станок.

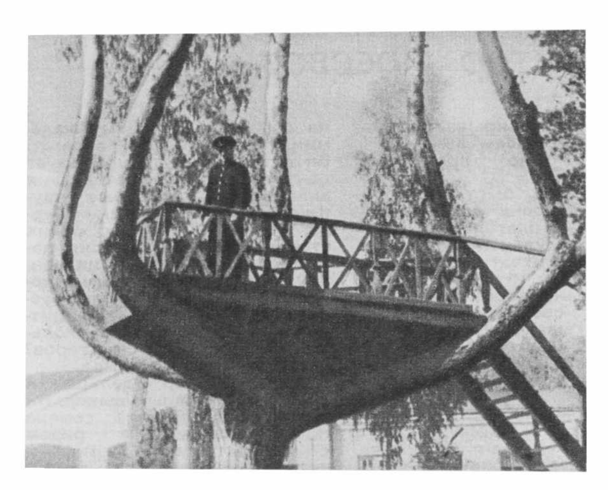
Сейчас инженер Гаврилов готовит образец такой машины. Надо торопиться: весна не ждет.

Г. КУЛИКОВСКАЯ

Профессор В. И. Эдельштейн и техник овощной станции Владимир Уханов обсуждают, как лучше приспособить станок для мульчирования хлопчатника.

Фото Б. Кузьмина.

БЕСЕДКА НА СОСНЕ

На высоте трех метров от земли ствол сосны разветвляется на пять стволов. Четыре из них образуют почти правильный квадрат, пятый растет в центре. Крышей оригинальной беседки, которая находится на территории Барнаульского дома отдыха, служит крона всех пяти стволов.

Е. БУРЕЦ

Барнаул.

МАМА И ДОЧКА

ВЛАДИМИР ЛИФШИЦ

«Ах, как это точненько
Ты сказала, доченька!»
«Как мне это нравится,
Доченька, красавица!»

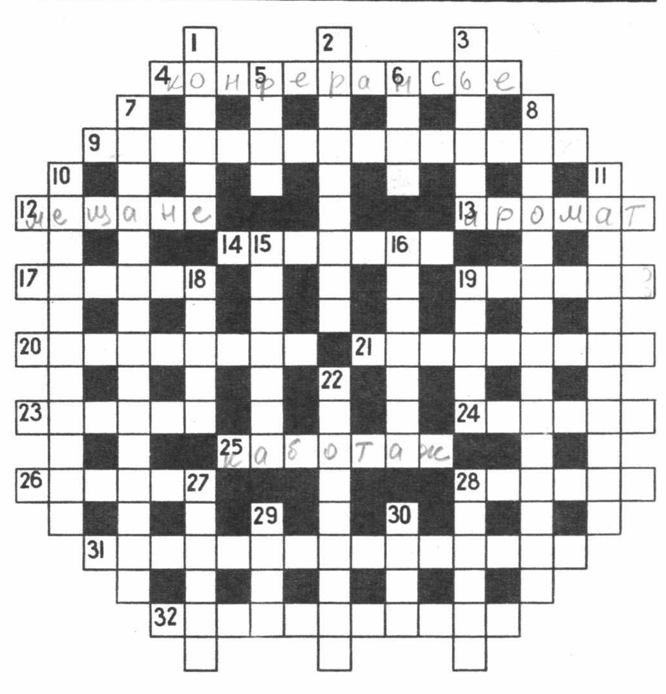
«Говорю всем прямо я,
Не затем, что мама я:
Славная ты
Самая,
Умная ты
Самая!»

Даже если двойками
Кончились экзамены,
Слышит дочка бойкие
Славословья мамины.

Дочка успокоена,
С мамой соглашается,
И всегда собой она
Очень восхищается.

Вот ведь где ошибка-то!
Подрастает доченька,
Славная
Не шибко-то,
Умная
Не очень-то!

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Участник эстрадного представления. 9. Радиолюбитель. 12. Пьеса М. Горького. 13. Приятный запах. 14. Семья советских музыкальных деятелей. 17. Быстрое, стремительное движение. 19. Персонаж в «Бахчисарайском фонтане» А. С. Пушкина. 20. Сжатие льдов в морях. 21. Точный измерительный инструмент. 23. Всесторонне образованный, начитанный человек. 24. Исполнитель произведений искусства. 25. Прибрежное судоходство. 26. Изоляционный материал в электротехнике. 28. Русский металлург-доменщик. 31. Централизованное управление производственными процессами, транспортом. 32. Симфоническое произведение М. И. Глинки.

По вертикали:

1. Город в Белоруссии. 2. Далекое прошлое. 3. Привилегия. 5. Французский физик XIX века. 6. Герой индийской поэмы, переведенной В. А. Жуковским. 7. Газетный жанр. 8. Вид литературы. 10. Артиллерийский оптический прибор. 11. Спортсменка. 15. Приманка для рыбы, зверя. 16. Покрывало. 18. Палубная тумба. 19. Духовой инструмент у народов Кавказа и Закавказья. 22. Сжатый анализ событий, явлений. 27. Многолетний злак, пастбищное растение. 28. Немецкий живописец и гравер эпохи Возрождения. 29. Приток Урала. 30. Сооружение для причала судов.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 15

По горизонтали:

3. Хабаров. 6. Самбо. 7. Иркут. 8. Рагозин. 9. Сага. 13. Уран. 16. Новиков. 17. Живопись. 18. «Бурмистр». 20. Реплика. 21. Ромб. 23. Крон. 27. Гагарка. 28. Купол. 29. Лафет. 30. Учитель.

По вертикали:

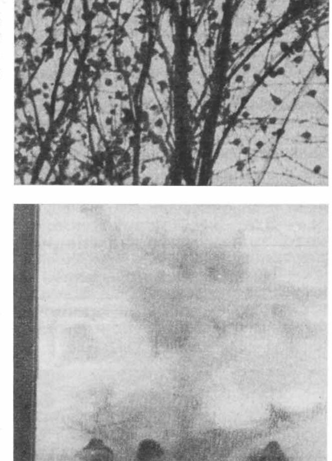
1. Наборщик. 2. Нарва. 3. Хора. 4. Винт. 5. Пурга. 9. Селигер. 10. Героизм. 11. Бобслей. 12. «Золушка». 14. Регистр. 15. Ноктюрн. 19. Алебастр. 22. Округ. 24. Орден. 25. Иглу. 26. Даль.

ВОРОБЬИНАЯ АТАКА

Весной перед закатом солнца в Днепропетровске можно видеть усыпанные воробьями деревья. Старожилы города рассказывают, что после войны подобное время это явление не замечалось. Теперь же стаи воробьев «атакуют» облюбованные деревья, буквально в один миг они «унизывают» каждую ветку, каждый сучок.

Снимок я сделал в один из вечеров в марте. С наступлением темноты воробьи улетели, но на следующий вечер все повторилось сначала.

К. ЧЕРЕВКОВ

НЕОБЫЧНАЯ ЭСТАФЕТА

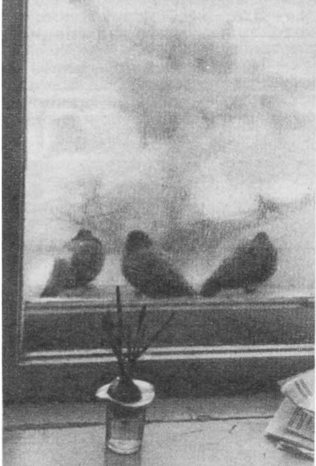
В свердловской гостинице «Большой Урал» в ящике стола я обнаружил записку: «Уважаемый товарищ! Прошу Вас по возможности кормить голубей. Они прилетают от 12 до 3. Еще просьба: меняйте воду в стакане с луком, урожай можете собрать».

Действительно, на подоконнике, на фоне заиндевевшего стекла, зеленела молодыми побегами луковица. А ровно в двенадцать прилетели голуби.

Птиц я кормил целую неделю. Перья лука за это время вытянулись на несколько сантиметров, «урожаем» я не воспользовался.

Очевидно, эта своеобразная эстафета была принята новым жильцом.

О. КНОРРИНГ

Плутовка

Рыболовов-любителей, которые в зимнее время ловят на жерлицы, в шутку обычно называют тяжеловозами. Помимо пешни, за спиной у них рюкзак, из которого торчат палочки, в руках бидон, именуемый каной. Там живцы и мальки. Насадка эта не то, что червяк или мотыль, — весьма деликатная и рыболовам доставляет немало хлопот. Чуть что — рыбешки уснули. А с мертвыми рыбешками на льду делать нечего.

К экспедиции на дальнее озеро мы подготовились основательно. Прибыли на озеро. И сразу же пробили несколько лунок и заставили жерлицы. Они не простояли и пяти минут, как один из флажков дрогнул и леса потянулась под лед. Мой товарищ вовремя дал подсечку и без особых церемоний выбросил на лед хорошую щуку.

Сгущались сумерки. Мы решили не таскаться с живцами, а сделать во льду ванну и выпустить их в нее. Вот вырублена ванна, из лунки туда натаскали воды, и рыбешки чувствовали себя в таком аквариуме превосходно. Мы спокойно отправились на ночлег.

Войдя в избу, мой друг торжественно вручил трофей хозяйке. Вскоре на столе появилась огромнейшая сковорода, на которой шипели румяные куски рыбы.

Еще до рассвета мы не шли, а летели к озеру. Первым делом — к аквариуму. Взглянули и ахнули. В нем ни одной рыбешки. На белой скатерти снега красные пятна и множество лисьих следов. Все понятно: кумушка нас подловила.

Живцов мы нигде не могли достать, а без них нам нечего было на озере делать.

— И благодарит же она нас, плутовка! — сказал в поезде приятель.— Такой банкет и во сне-то ей никогда не снился. Так нам и надо. Гляди вперед!..

С. МИНАЕВ

Два затмения

Девять столетий назад, 19 апреля 1064 года, жители древней Руси были поражены необычайным явлением: в середине дня потускнело солнце, на его яркий диск надвигалось что-то темное. Произошло солнечное затмение. В то время мало кто знал истинную причину этого явления. Летописец записал: «Пред сим же временем и солнце пременися, и не бысть светло, но акы месяц бысть...»

Краткая запись в Лаврентьевской летописи — ценнейший историко-астрономический документ. Это первая дошедшая до нас летописная запись о солнечном затмении. Позднейшие исследования показали, что затмение было кольцеобразным.

19 апреля нынешнего года произойдет кольцеобразное солнечное затмение. Его можно наблюдать в Азии, в северо-западной части Тихого океана, на Аляске и в Индийском океане. В Советском Союзе затмение будет видно как частное, в азиатской части страны. Во Владивостоке наибольшая фаза затмения наступит в 7 часов 4 минуты утра, в Комсомольске-на-Амуре — в 7 часов 14 минут, в Улан-Удэ — в 7 часов 31 минуту по московскому времени.

В. ЛУЦКИЙ,
лектор Московского планетария.

На вкладках этого номера репродукции картин: А. Осипова — «Изгнание шамана», Е. Крылова — «В горах Оймякона», М. Лукина — «Весна в тундре», Г. Нисского — «Ночь 1941 года», «Ранняя весна», «Колхоз Загорье», «В доке» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. **Рукописи не возвращаются.** Оформление Л. Шумана.

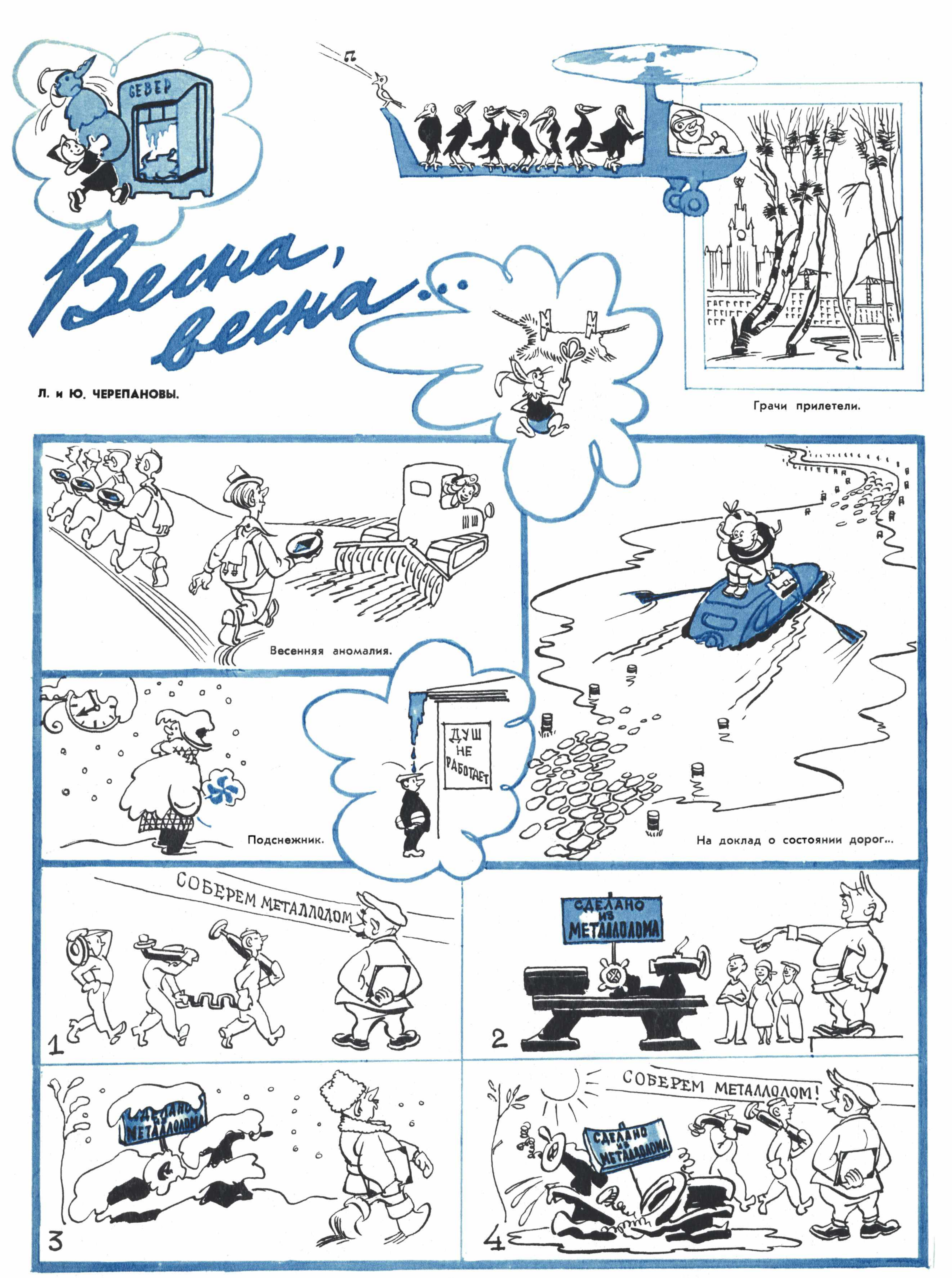
Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 03505. Подписано к печати 9/IV 1958 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 400 000. Изд. № 431. Заказ № 798.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Весна, весна...

Л. и Ю. ЧЕРЕПАНОВЫ.

Грачи прилетели.

Весенняя аномалия.

Подснежник.

На доклад о состоянии дорог...

Иногда бывает и так.

Цена номера 3 руб.

